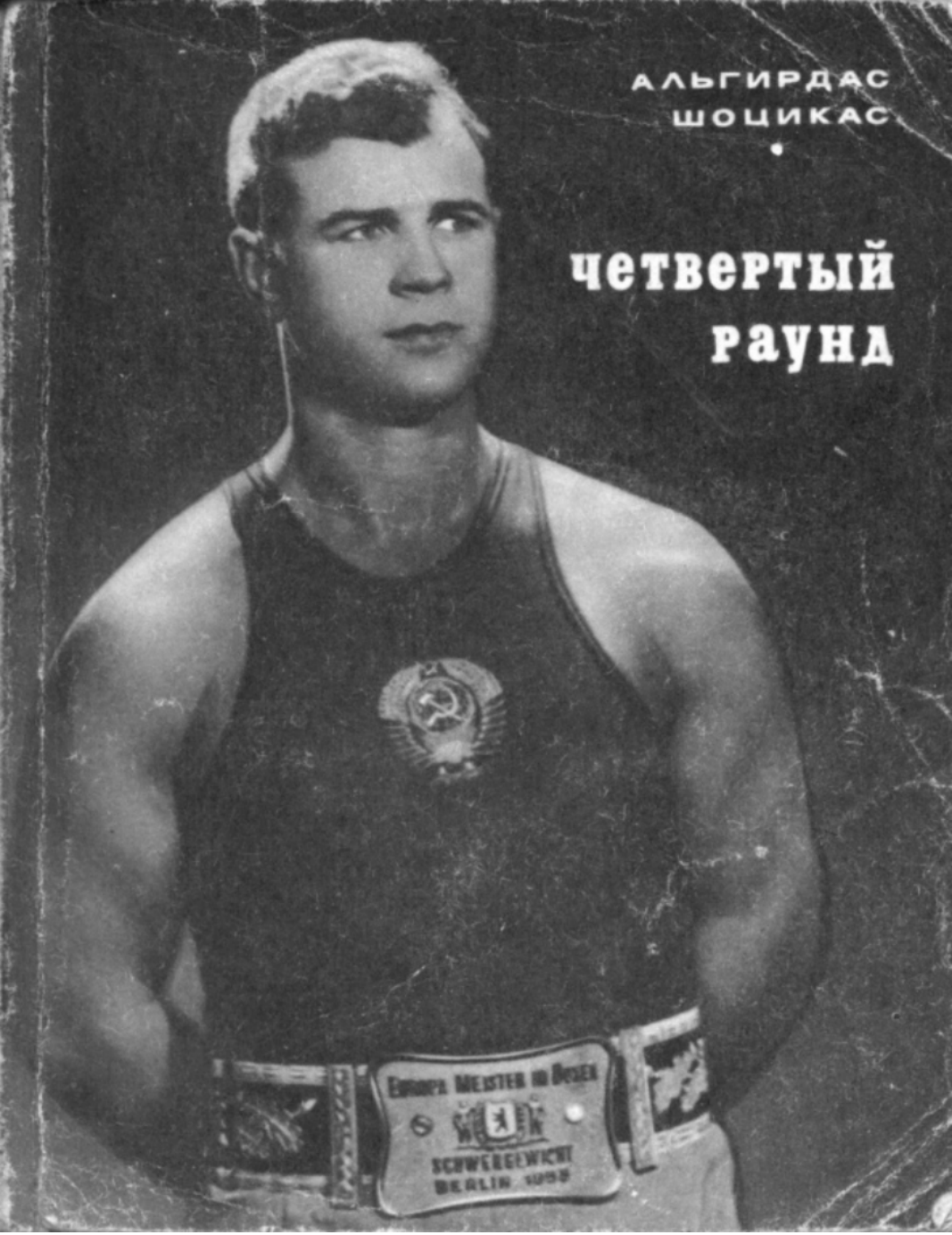
АЛЬГИРДАС ШОЦИКАС

четвертый раунд



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двадцатая книга серии «Спорт и личность» — о боксе. Воспитательные функции бокса, как спорта жесткого и бескомпромиссного, формирование характера подростка, проблема раннего возмужания через супермужской вид спорта — бокс, вопросы нравственного и физического самоутверждения, прикладное значение бокса — в таких направлениях разрабатывает главную идею своей книги Альгирдас Шоцикас, выдающийся боксер-тяжеловес, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР.

Как бы невзначай оброненная в одной из глав фраза Шоцикаса: «Бокс учит мужчину по паспорту стать мужчиной по факту» — могла бы стать великолепным и точным эпиграфом к его книге, которую он назвал «Четвертый раунд».

- Все дороги ведут в Мадрид
- ПРЫЖОК БЕЗ РАЗБЕГА
- ПЛАТА ЗА ЛЕГКОМЫСЛИЕ
- ДУЭЛЬ
- БОЙ С ТЕНЬЮ
- КОГДА ПРЕДСКАЗАНИЯ СБЫВАЮТСЯ
- ЧЕТВЕРКА ТУЗОВ
- СТЕКЛЯННАЯ ЧЕЛЮСТЬ
- ПОСЛЕДНЕЕ «ЗОЛОТО»
- СЛЕДЫ ОТ ПЕРЧАТОК
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Все дороги ведут в Мадрид

Соперник был силен.

Короткая бычья шея, просторная, густо поросшая волосами грудь, тяжелые плечи, узловатые, набитые мышцами руки… Все говорило о мужской зрелости, о физической мощи. Казалось, он вышел на ринг, ничуть не сомневаясь в победе: одна-две сокрушительные атаки, венчающий их расчетливо-точный удар, и, как говорят, медаль в кармане.

Что думал Алэкс Нэстак на самом деле, никто не знал. Во всяком случае, держался он в соответствии с тем впечатлением, которое успело сложиться у зрителей: неукротимо, как таран, шел вперед. И публике это нравилось; огромное, битком набитое помещение Мадридского Дворца спорта содрогалось от неистового рева всякий раз, едва румын кидался в атаку.

Юоцявичус отступал, разрывая на отходах дистанцию. Пока ему удавалось не сделать ни одной сколько-нибудь серьезной ошибки, удары противника либо не доставали до цели, либо вязли в перчатках. Нэстака это, по-видимому, мало трогало. Чемпион Румынии, судя по всему, сделал ставку на сильный акцентированный удар. В весе семьдесят пять, если такой удар проходит, ничего другого обычно больше не требуется. Алэкс же бил одинаково мощно и с левой, и с правой.

Прямой правой Юозаса, которым он пытался остановить противника, не сработал; румын нырнул под перчатку и, развивая атаку, провел серию крюков в корпус. Юозас на какую-то долю секунды потерял равновесие, сделал шаг назад и, желая спасти положение, ударил левой. Но было уже поздно: мощный кросс швырнул его на пол.

Судья открыл счет.

Юоцявичус, впрочем, уже был на ногах. Он вскочил сразу же, едва успев коснуться спиной брезента. Но зрачки, в которые сейчас внимательно смотрел рефери, предательски плавали: удар явно потряс боксера.

— Два… Три… — считал рефери.

«Неужели не успеет прийти в себя? Неужели прекратят бой?» Юозас стоял прямо, но лицо его все еще не обрело осмысленности.

— Четыре…

Юозас переступил с ноги на ногу и слегка пошатнулся.

— Пять…

Румын опустил перчатки и отошел к канатам.

«Неужели конец?..»

Так, или почти так, уже было. Несколько дней назад. В полуфинальном бою с Брауске.

Шансы этого немца расценивались на мадридском ринге довольно высоко. Прежде, работая еще в полутяжелом весе, он на равных встречался с нашим Позняком; одно это говорило о многом. А в 1970 году, когда Брауске согнал вес и перешел во второй средний, спортивный его авторитет еще более упрочился. Во встречах с боксерами Польши и Болгарии он одержал убедительные победы. А когда в том же году он нокаутировал вице-чемпиона Европы, знаменитого югослава Парлова, звезда его засияла, что называется, полным блеском.

Готовясь к полуфиналу, мы с Юозасом старались учесть заранее все особенности предстоящей встречи. Юоцявичус, вообще говоря, не выказывал на мадридском ринге особой активности, стараясь набирать очки на контратаках и одиночными ударами. Конечно, некоторая пассивность его манеры боя была скорее кажущейся, чем действительной. Просто ему так было удобнее. Высокий рост и длинные руки в сочетании с прямой стойкой не побуждали искать сближения, стремиться сокращать дистанцию. Обладая богатой разносторонней техникой, быстротой реакции, а главное, ртутной подвижностью и чрезвычайной легкостью передвижений на ринге, — редко кому удавалось увидеть, чтобы нога его опиралась на помост всею ступней, — он обычно не спешил форсировать события. Заняв центр ринга, он начинал кружить в этом своем излюбленном положении, подстерегая удобный случай. Редко ошибаясь сам, он предпочитал ждать, когда ошибется противник.

Подобная тактика, как правило, себя оправдывала. Но с Брауске она не годилась. Жесткий левша, а Брауске был именно из таких, заведомо не принял бы такой игры. Он привык диктовать правила партии сам.

— Выжидать, работая на отходах, — с ним это не пройдет! — предупредил я Юозаса. — Брауске тебя попросту съест, если уступишь инициативу. Он только того и ждет. Видел твои первые бои и рассчитывает, что ты повторишься. Сбей его с толку. Навяжи свой собственный темп, атакуй, не давай ему передышки.

Словом, Брауске напоролся на сюрприз. Переиграв немца на первой же минуте, Юоцявичус уже не выпускал инициативу до самого конца. Брауске так и не сумел найти себя; ошеломленный натиском стремительных, быстрых атак, он чисто проигрывал по очкам раунд за раундом.

И все же был миг, когда, казалось, все пошло насмарку. Брауске улучил-таки момент и провел резкий крюк в голову.

— Точка! Снимай его, — сказал мне стоящий рядом главный тренер нашей сборной Степанов. — Жаль, что так вышло, но надо сберечь парня от травмы.

Юоцявичус, встряхивая головой, медленно поднимался с пола. Удар пришелся в нижнюю часть скулы, но я видел, что бросать полотенце рано. Я знал, что Юозас сможет продолжать бой, и оба мы знали, что он его выигрывает. А травма… Моральная травма, пожалуй, могла бы оказаться опаснее физической.

Рефери считал секунды, а я все медлил. Ответственность за здоровье боксера — тяжелая ответственность. Не легче было и сдаться, прекратить бой. Юозас мог не простить мне этого. Немало он положил сил, чтобы попасть в Мадрид…

Каунас, Лас-Вегас, Денвер, Луисвилл, Казань — вехи, которые стояли на этом нелегком пути. Десять труднейших ответственных боев за каких-то полгода! И все выиграны. Золото на первенстве страны в Каунасе дало право на поездку в Соединенные Штаты; Казань подтвердила путевку в Мадрид. И все зря? Все к черту из-за одного случайно пропущенного удара? Нет, это было бы слишком жестоко. А может, даже и неспортивно.

Я еще раз взглянул на Юозаса и убрал полотенце.

Бой он выиграл.

Но уже в раздевалке, когда Юозаса поздравляли с победой, я вдруг поймал себя на мысли, что несколько минут назад слукавил сам перед собой. «Действительно ли случаен пропущенный удар?» — задал я себе тот же вопрос. И на этот раз ответ на него был менее утешителен: «Нет, не случаен».

Впрочем, я знал это с самого начала. Просто во время боя с Брауске мне, видимо, очень не хотелось вспоминать об этом, и память услужливо пошла мне навстречу.

Виной всему был странный на первый взгляд парадокс: левша никак не мог приноровиться к бою с левшой же. А случай — из четырех боев в Мадриде в трех из них — свел Юоцявичуса с боксерами, работающими, как и он сам, в правосторонней стойке. Счастливым исключением оказалась лишь первая встреча в одной восьмой финала: хозяин ринга, испанец Барона, рассчитывал в основном на свою правую руку.

Правда, воспользоваться ей ему так и не удалось. За все три раунда Юоцявичус не пропустил ни одного, даже легкого удара Разжигаемый неистовым ревом трибун, Варона делал все, что мог, бросаясь очертя голову из атаки в атаку, но перчатки испанца рассекали воздух или наталкивались на непробиваемую для его кулаков защиту. Юозас не раз мог послать своего соперника в нокаут, но, понимая, что в этом нет никакой нужды,

что бой так или иначе останется за ним, он не захотел напрасно травмировать противника. В награду и зрители, и специалисты не замедлили по справедливости оценить его спортивное благородство. Уже на другой день о Юоцявичусе всюду заговорили как о боксере экстракласса, а судьи и журналисты, отвечая на неизбежную анкету, кого они считают лучшим боксером после первых трех дней чемпионата, единодушно назвали его имя.

«Юоцявичус дал нам отличный урок настоящего бокса, — писала испанская газета «Марка». — Хотя против него боксировал наш соотечественник, до русского не дошло ни одного удара. Даже легкого. С высоты своего роста он как бы бросал лассо. Контролируя центр ринга, он наносил удары, когда хотел и когда считал это необходимым. Варона не знал, что ему делать. Его сопротивление было безнадежным, но советский боксер, щадя противника, ограничился красивым показательным боем».

Надо сказать, что хозяева ринга далеко не всегда проявляли подобную покладистость и благодушие. Если не считать боя Вароны с Юоцявичусом, во всех остальных поединках, когда принимали участие их соотечественники, страсти болельщиков, подстегнутые пылким южным темпераментом, бурлили вовсю. Однажды чуть даже не дошло до скандала, беспрецедентного в истории бокса.

Когда в равном бою венгра Ботоша и испанца Рубио трое боковых судей — финн, швед и голландец — отдали победу венгру, на трибунах началось что-то невообразимое. Минут тридцать, если не больше, болельщиков не могли успокоить. Стены дворца сотрясались от крика и свиста, со скамей летели шляпы, кожура апельсинов, смятые бумажные кульки, жестянки из-под пива… Рубио подняли над головами и прямо с ринга отнесли на руках к судейским столам. Президент испанской федерации бокса Дуке вначале демонстративно покинул зал, но вскоре вернулся и потребовал собрать экстренное заседание бюро Европейской ассоциации любительского бокса. Там он заявил, что команда Испании отказывается от дальнейшего участия в чемпионате, так как она якобы подвергается дискриминации со стороны судей.

Испанцев удалось утихомирить только на другой день. На чрезвычайном заседании исполкома Европейской ассоциации их кое-как уговорили отказаться от нелепого и опрометчивого решения, которое могло завести чемпионат в тупик.

Страсти наконец улеглись. Испанские боксеры продолжали выходить на ринг, а двое из них — Эскудеро и Родригес — добились в тот же день убедительной победы.

Юозас тоже выиграл свой четвертьфинальный бой. И тоже вполне убедительно. Однако начался он для него весьма драматично.

Его противник, поляк Витольд Стахурский, оказался первым левшой из числа тех, что встали у него на пути к заветной золотой медали.

Нельзя сказать, что Юоцявичус не готовился к боям с противниками, работающими в правосторонней стойке. Перед чемпионатом он провел немало спарринговс левшами. Однако приспособиться к «окаянной руке» он по-настоящему так и не смог. Сам левой бил неплохо, а вот с защитой против схожих ударов левши у него не клеилось. Брауске, например, отправил его в нокдаун именно таким ударом.

То же самое произошло и в бою со Стахурским.

Весь первый раунд Юоцявичус работал уверенно. Великолепная, тонкая игра ног — недаром его называли балериной на ринге — помогала ему уходить от ударов противника и довольно легко набирать очки. Раунд, бесспорно, оставался за ним.

И вдруг, почти перед самым ударом гонга, Юоцявичус упал. Это случилось настолько неожиданно, что большинство зрителей не успело сообразить, что, собственно, произошло. Многие решили, будто он поскользнулся. Тем более что поляк в тот момент находился в защите и, как казалось, не мог атаковать.

Атаки и в самом деле не было. Стахурский, стремясь избежать ударов, низко согнулся, перекрывшись перчатками; по существу, это мало чем отличалось от глухой; защиты. Юозасу, казалось, ничто не угрожало И все же это было не так; меняя положение тела, он на мгновение оказался раскрыт для удара слева, и Стахурский это мгновение использовал. Резко распрямясь, он нанес сильнейший боковой удар левой через плечо противника

Юозас, правда, тотчас же вскочил на ноги, но судья уже открыл счет. Нокдаун!

По правилам нокдаун оценивается в одно очко, так же, как обычный удар. Но судьи не только подсчитывают очки, в своих оценках они руководствуются еще и общим впечатлением. И если боксер, пропустив сильный удар, оказывается в состоянии нокдауна, он, разумеется, теряет тем самым в глазах судей.

И в общем-то это справедливо. Конечно, с точки зрения чистой техники один правильно нанесенный удар ничем не отличается от любого другого — здесь важен сам факт, а не его результат; больше ударов — больше очков, больше очков — выше мастерство боксера. Но, с другой стороны, исход боя зависит не

только от числа пропущенных и нанесенных ударов. Огромную, а подчас и решающую роль играет не их количество, а именно качество, другими словами, их сила и точность. Сильный и точный удар приносит не только очко, он, что гораздо важнее, еще и ошеломляет боксера, ослабляет противника и физически и морально. А значит, его воздействие на дальнейшее развитие поединка более активно, чем от тех ударов, единственная цель которых набрать побольше очков.

Судьи, естественно, хорошо это знают. Оттого-то, даже если боксер не упал, устояв на ногах после потрясшего его мощного удара, рефери все равно открывает счет. Иначе боксеру пришлось бы туго: практически он на какое-то время становится беспомощен, и противник легко может воспользоваться этим. Словом, нокдаун — вещь серьезная. Именно так к нему и относятся судьи. Они обычно рассматривают его не как случайность, не как результат стечения каких-то неблагоприятных обстоятельств, а как грубую ошибку, откровенный просчет боксера.

Ошибка Юоцявичуса была очевидной. Первый раунд остался за его противником.

Во втором раунде поляк сразу же ринулся в атаку. Он хотел закрепить успех. Как опытный боксер, Стахурский понимал, что технически он вряд ли сумеет переиграть своего соперника — Юоцявичус славился тем, что почти никогда не проигрывал по очкам, — значит, его нужно попытаться сломить физически, навязать невыгодный ему ближний бой. И тут Юозас сделал еще одну ошибку. Желая, видимо, сгладить в глазах судей неблагоприятное впечатление, он пошел на сближение, рассчитывая провести свой коронный прямой левой. Ему это удалось. Но удар, хотя и прошел, оказался все же недостаточно точным. Поляк сместился чуть в сторону и с шагом вперед нанес молниеносный хук в голову.

Юоцявичус вновь оказался на полу.

На этот раз он поднялся на ноги уже не столь быстро. Стахурский, едва судья перестал считать, рванулся вперед. Юоцявичус перехватил удар на перчатку и вошел в клинч. Ему требовалось время, чтобы прийти в себя. Едва Стахурский начинал очередную атаку, Юозас либо липнул к нему, либо отступал, разрывая дистанцию отходами назад. Нырками или уклонами он вообще не защищался, больше рассчитывая на ноги, чем на поясницу. Здесь, кстати, скрывался еще один его недостаток — чрезмерная статичность стойки. Нырки и уклоны, особенно в бою на ближней и средней дистанциях, — защита труднозаменимая. Но нет боксера, который бы одинаково хорошо

владел всеми элементами искусства боя. У всякого свои особенности, свои излюбленные приемы развивать атаку, парировать удары противника.

Второй нокдаун как бы напомнил об этом Юоцявичусу. Оправившись после удара, он поспешил вернуться к естественной для себя манере боя. Казалось, нокдаун ему был необходим, чтобы собраться и начать работать в полную силу. Во всяком случае, картина боя теперь резко изменилась. Уверенно пресекая правыми прямыми атаки противника, Юозас обстреливал Стахурского с дистанции. Его удары все чаще находили цель, обретая былую уверенность и точность.

Поляк почувствовал, что инициатива ускользает из его рук, и попытался вернуть утраченное преимущество. Считая, видимо, что Юоцявичус лишь старается показать, будто окончательно пришел в себя после двух нокдаунов, Витольд Стахурский пошел напролом. И тут-то Юозас продемонстрировал свое мастерство в полном блеске. Избегая встречного боя с его неизбежной «рубкой», как называют боксеры откровенный обмен ударами, Юоцявичус противопоставил натиску ураганных атак ювелирную точность движений, опирающуюся на великолепное чувство дистанции, быстроту реакции и блестящую работу ног. Практически он стал неуязвим для противника. Серии поляка повисали в воздухе, и со стороны казалось, словно тот ведет бой с тенью. Однако тень эта обладала увесистыми кулаками и, умело пуская их в ход, проявляла тем самым свою несомненную и весьма убедительную вещественность. И когда Стахурский, заканчивая очередную атаку, вложил в завершающий удар весь вес своего тела, Юоцявичус быстро сделал шаг назад и, молниеносно изменив положение ног, нанес резкий встречный левой.

Стахурский как подрубленный рухнул на брезент.

Это было как в замедленной киносъемке. Разница в скорости оказалась настолько заметной, что казалось, будто поляк движется во сне. Пока его перчатка, направленная в голову противника, описывала в воздухе свою траекторию, Юозас мягким, но стремительным движением отступил на безопасную дистанцию и, резко развернув правое бедро, послал корпус навстречу сопернику, усилив за счет его массы удар. Стахурский наткнулся на него, как на обух.

Весь третий раунд игра, что называется, шла в одни ворота. Это было очевидно и судьям и зрителям. Стахурский уже ничего не мог сделать; за все три минуты до гонга он не сумел больше провести ни одного удара. Юоцявичус, опережая всякий раз противника, спокойно набирал очки.

Под аплодисменты трибун судья на ринге вздернул вверх его руку.

Победа была бесспорной и не оставляла сомнений. И хотя фактически все решил третий раунд, однако Юоцявичус сумел показать, чего он стоит. Воля к победе, упорство истинного бойца и неподдельное, без позы и бравады, мужество — эти качества, которые он вновь блистательно проявил в очень трудном для себя бою и без которых нет настоящего боксера, постоянно выручали его в ответственные моменты и вместе с тем помогли снискать симпатии зрителей. Они, эти симпатии, неизменно сопровождали каждое его выступление на мадридском ринге, вплоть до завершающего финального поединка с румынским боксером Нэстаком…

На счете «семь» судья наконец разрешил продолжать схватку.

Румын сразу ринулся в атаку, он, кажется, уверен, что бой им уже выигран. Финт правой, и тут же мощный боковой слева. Юозас уклонился и вошел в клинч.

Я взглянул на табло: до конца второго раунда оставалось чуть меньше минуты. Не так уж много, но иной раз минута для боксера — вечность.

Ринг не знает пощады. От пропущенного тяжелого удара гудит в голове, тело наливается слабостью, ноги подкашиваются, руки плохо слушаются, а противник свеж и полон энергии, он бьет, бьет слева и справа, бьет снизу, бьет в корпус и в голову, бьет прямыми и хуками, размашистыми могучими свингами, резкими апперкотами, сокрушительными кроссами… Он бьет, а тебе надо выстоять. Спорт — это равные условия. Но сейчас равенства нет, и никто не придет на помощь. Судья сделал все, что мог; глядя в твои зрачки, он ждал, когда к тебе вернется сознание, и оно вернулось. Но ждать, когда вернутся и силы, когда ты вновь обретешь утраченную после пропущенного тобой сильного удара подвижность и быстроту, — на это у него нет права. Конечно, есть еще секундант, он может выбросить на ринг полотенце. Но это значит, что ты проиграл бой. А проиграть его ты не хочешь. И значит, остается одно — превозмочь себя и продолжать поединок. Таков бокс. И его нельзя изменить. Большие, мягкие, как подушка, перчатки и защитные, вроде хоккейных, шлемы на голове — все это чепуха; никогда ни один настоящий боксер не согласится выйти на ринг с такими унизительными предосторожностями. Ринг не знает пощады потому, что он не желает ее, и еще потому, что он не место для слабых.

Юозас все это хорошо знает. Он сам мог бы сказать все это

вслух вместо меня — все то, что пронеслось в моих мыслях, когда я взглянул на большие световые часы, — но у него сейчас нет времени для разговоров. До конца раунда осталось меньше минуты. Ему нужно не просто выстоять эти несколько десятков секунд, нужно еще самому вести бой. Судьи у ринга ведут счет не секундам, а нанесенным ударам.

Нэстак вновь в атаке. Два его боковых только что прошли в корпус; сейчас он сблизится еще и ударит снизу. Но Юозас опережает и бьет сам. Очко отыграно. А вот это уже серьезнее: финтами правой Юозас раскрыл защиту, его левая метит в печень. Румын быстро опускает локоть, но Юозас мгновенно выпрямляет ногу и переводит удар выше, туда, где чуть приоткрылась челюсть. Голова у Нэстака дернулась: удар прошел, но в нем не было достаточной резкости. Юозас, видимо, еще не вполне восстановил после нокдауна свои силы.

Нэстак контратакует. Его удары гораздо резче. Мощные, узловатые, как у штангиста, короткие руки чудовищно сильны. Но в них нет нужной выносливости, они скоро устанут. Вряд ли румына хватит на третий раунд.

Табло показывает, что осталось всего пятнадцать секунд.

Боковой румына опять достал Юоцявичуса. Юозас тут же отвечает двойным левой в голову. Два очка против одного. Но Нэстака это не волнует. Взглянув на циферблат часов, он бросается напролом. Он почти не защищается; Юозас успевает нанести еще один прямой левой, но румына это не останавливает: прорвавшись, он обрушивается на противника бурной многоударной серией. Юозас защищается…

Гонг.

Два раунда позади. Юозас в своем углу сидит на маленьком складном табурете и тяжело дышит. Ему здорово досталось. Концовка второго раунда за румыном. Но впереди целых три минуты: вполне достаточно, чтобы выиграть поединок.

А если нет? Если победа достанется Нэстаку?

Восемь золотых медалей уже разыграно. У нас пока одна — в первом среднем весе. Ее в бою с трехкратным чемпионом Югославии Светомиром Беличем добыл волгоградец Валерий Трегубов. Ему же присудили и специальную медаль лучшего финалиста чемпионата. Но она не в счет. Очки начисляются лишь за призовые места. «Золото» — семь очков, «серебро» — пять, «бронза» — три с половиной. У нас пока пятнадцать с половиной очков. Румынская команда успела набрать тридцать семь с половиной: четыре серебряные и пять бронзовых медалей. Если выиграет еще и Нэстак… Впрочем, румын теперь все равно уже не

догнать. Борьба идет лишь за второе и третье места. Обидно, но ничего не поделаешь.

Этот чемпионат для советской команды уже десятый. Пять раз мы были первыми. Завоевали тридцать шесть из девяноста одной золотой медали. Трегубов сегодня добавил тридцать седьмую. Четверо — Степашкин, Енгибарян, Лагутин и Попенченко — вошли в так называемую десятку лучших боксеров-любителей всех времен… Вроде бы есть чем гордиться. А может, лучше сказать — было. Да, так, пожалуй, будет вернее. Лидерство мы утратили еще в 1967 году, в Риме. Сначала уступили полякам, спустя два года проиграли румынам. Рим, Бухарест, теперь вот Мадрид — на первом месте опять команда Румынии… Даже если Нэстак проиграет.

«А он проиграет?» — спрашиваю я себя, глядя на румына.

Нэстак сидел, расслабив свои могучие мышцы; вблизи он выглядит еще массивнее. Дыхание, правда, у него тоже сбито; дышит прерывисто, всей грудью, стараясь захватить в легкие побольше воздуха. На майке темные пятна пота, шея и плечи мокрые. И все же, несмотря ни на что, сил у него еще много, хотя выложился он порядком. Наверняка будет опять лезть напролом…

Выдержит ли Юозас? Должен выдержать. Лицо его, и без того худое, еще больше осунулось, щеки ввалились. Но взгляд жесткий, полон решимости. О нокдаунах он, конечно, не забыл, но психологически уже отстранился от них. И все же подбодрить лишний раз не помешает.

— Ну как ринг? Не слишком мягкий? — говорю я. Шутка тут лучше всего: с кем, дескать, не случается.

— Нормальный! — отзывается он, и уголки губ вздрагивают в едва приметной улыбке. Я знаю, что конец старой присказки, хотя и невысказанный вслух, проскользнул в сознании: «Только вот челюсть у противника попалась крепкая».

Что же, челюсть у противника всегда крепче, чем нам хотелось бы. У Нэстака, например, думать так тоже есть все основания. Хотя через несколько секунд он непременно постарается доказать обратное…

Через несколько секунд ударит гонг и начнется последний, третий раунд финальной схватки. Все ли я сделал для того, чтобы Юозас смог выиграть этот бой и стать первой перчаткой Европы? Всему ли я научил его, все ли смог передать из того, чему за долгие годы научился сам…

ПРЫЖОК БЕЗ РАЗБЕГА

Меня привела в бокс потребность самоутверждения. Во всяком случае, она явилась исходной точкой этого пути, его эмоциональным толчком и началом.

Каунас тех времен мало напоминал нынешний. Когда мы всей семьей перебрались туда из безлюдной лесной глуши, где отец лесничествовал вплоть до ухода на пенсию, это был хотя и довольно крупный, но в общем тихий провинциальный город. И все же я сразу почувствовал себя здесь чужаком.

Мальчишки с окрестных улиц жили своей жизнью, в которой для меня долго не находилось места. В их шумных, задиристых компаниях действовали какие-то непонятные, подчас загадочные правила и законы, и разобраться в них мне, чужаку и пришельцу, оказалось на первых порах нелегко. Мы с братом были для них деревенщиной, и слово это всякий раз вставало между нами неодолимым барьером; оно, казалось, давало каким-то таинственным образом право относиться к нам пренебрежительно и свысока.

Меня это не устраивало. Одиночество не тяготит, когда не с чем сравнивать, когда нет выбора, когда свыкся с ним как с чем-то естественным и неизбежным. Совсем иное — ощущать одиночество среди людей, чувствовать обидную от них отверженность. Я понимал, что это несправедливо, но знал также, что перемен, которые бы произошли сами собой, ждать не приходится, что рассчитывать можно лишь на самого себя.

Началось, как водится, с потасовок и драк; что поделаешь, если именно с них чаще всего завязывается мальчишеская дружба. Силенкой меня бог не обидел — жизнь в лесу имела в этом смысле свои преимущества; рост тоже был подходящий, а вот опыта, увертливой ловкости и сноровки явно не хватало. А ребята в Шанчяй — фабричной окраине Каунаса, где мы поселились, — были как на подбор: лихие, отчаянные, бывалые. Если и удастся сбить такого с ног, торжествовать рано: тут-то только все и начинается. Уличная драка — тоже искусство; одной голой силой ничего не возьмешь. Пришлось постигать эту науку собственными, что называется, боками. Нельзя сказать, что мне это приносило удовольствие, но научиться постоять за себя, думается, должен каждый. Во всяком случае, счет шишкам и синякам я не вел.

О боксе в ту пору услышать удавалось не часто. Взрослые иногда вспоминали в разговоре об экс-чемпионе мира в тяжелом весе Шаркее, который когда-то носил фамилию Жукаускас и жил

в Литве, но с тех пор, как тот стал профессионалом и перебрался в Америку, вести о нем доходили все реже и реже. Я же о ринге долгое время знал лишь понаслышке. И бокс, когда я его наконец увидел, произвел на меня отталкивающее впечатление.

Правил тогда придерживались не очень тщательно, да и сами они не отличались особой строгостью. На ринге почти каждая схватка переходила в откровенный обмен ударов; боксеры быстро выдыхались, сопели, потели, пачкали друг друга кровью, льющейся из рассеченных бровей и расквашенных носов… Словом, зрелище это доставило мне больше разочарований, чем удовольствия. Бокс в моем воображении представлялся чем-то совсем другим. Чем — я и сам толком бы не смог сказать. Но только не примитивным торжеством грубой силы.

Конечно, говоря о физической силе, я отнюдь нисколько не собираюсь умалять ее роль и значение. Сила и мужественность — вещи взаимосвязанные. Одно служит опорой другому, и наоборот. Но — только до известного предела.

За ним одной физической храбрости и атлетического сложения, разумеется, недостаточно. А мужчина должен быть уверен в себе всегда. В любых условиях и при любых обстоятельствах. Во всяком случае, такой мужчина, каким мне хотелось стать. И бокс, как я надеялся, мог оказаться одним из способов воспитать в себе подобный характер.

Но тот бокс, что я увидел на городском стадионе, не годился для этого. Другого же я тогда не знал. Хотя встреча с ним, та встреча, которой предстояло надолго, если не навсегда, определить мою судьбу, была уже не за горами.

В 1946 году — к тому времени я успел закончить ремесленное училище и работал на судоремонтном заводе — меня включили в состав спортивной делегации, которой надлежало представлять Литовскую республику на Всесоюзном параде физкультурников в Москве.

Собственно, право мое на поездку в Москву выглядело весьма проблематично. Выглядел я в свои восемнадцать лет вроде бы и в самом деле неплохо. Вес мой уже тогда перевалил за восемьдесят килограммов, а жиру действительно не было ни капли. Но и только. В остальном к спорту я не имел ровно никакого отношения. Одним словом, выбор пал на меня совершенно случайно.

Но так или иначе на парад я попал, а все дальнейшее случилось уже как бы само собой.

Началось с того, что в числе участников делегации оказался известный литовский боксер, неоднократный чемпион республики в тяжелом весе Антанас Заборас. Видимо, я ему тоже

чем-то приглянулся. Не раз я ловил на себе его внимательный, испытующий взгляд. Однако, как вскоре выяснилось, Забораса привлекала отнюдь не пресловутая «спортивность» моей фигуры.

— Баскет? — спросил он как-то, когда мы остались в номере гостиницы одни. — Угадал?

Смутившись чего-то, я отрицательно мотнул головой.

— Тогда волейбол, — сказал он уже без вопросительной интонации в голосе, уверенный, что дважды на этот счет не может ошибиться.

Я окончательно смутился и промолчал.

— Значит, просто рослый парень с широкими плечами? — рассмеялся внезапно Заборас. Он, видимо, успел сообразить, в чем дело. — Ничего, бывает… И незачем краснеть: я не контролер, ты не заяц.

— А чего мне краснеть? — разозлился я. — Сказали, поезжай, я и поехал.

— Правильно! Не один ты тут такой. Времена такие. Со спортом после войны заминка. — Заборас помолчал и переменил тему: — А как насчет бокса? Никогда не пробовал?

— А зачем? — откликнулся я. — Видел у себя в Каунасе. Драться я и без бокса умею.

— Неужели? — в глазах моего собеседника промелькнули насмешливые огоньки. — Ну ладно, договорим потом. А теперь пошли!

На московском стадионе «Динамо», куда меня привел Заборас, шли в тот день финальные бои на первенство страны по боксу. Едва только мы заняли свои места, едва я взглянул на ринг, как все окружающее перестало для меня существовать.

Это не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел в Каунасе. Это был настоящий бокс.

Дракой тут и не пахло. То, что происходило на ринге, поражало своим суровым лаконизмом, беспощадной обнаженностью самого существа поединка. Не боя, не схватки — именно поединка. Осмысленного, бесстрастного, отрешенного от эмоций. Достаточно было взгляда, чтобы ощутить напряженный драматизм быстро меняющихся ситуаций. Ни одна из них не возникала случайно, за каждой угадывалась жесткая логика боя. Любое, самое незначительное на вид движение было продумано, таило в себе расчетливый смысл и скрытую до поры до времени силу, которыми ни на миг нельзя пренебречь, если хочешь избежать катастрофы.

Особенно привлекал внимание тот из противников, что был ниже ростом. Приземистый, с мощным торсом и покатыми, налитыми чудовищной силой плечами, он, казалось, совершенно

не заботился о защите. Левая рука, немного вынесенная вперед, опущена очень низко, ниже резинки коротких черных трусов; правая согнута в предплечье на уровне груди, а голова — круглая, наголо выбритая, со слегка оттопыренными ушами — откровенно открыта, будто боксер задался нелепой целью подставить ее под удары соперника. Но тот почему-то не спешил с этим, явно чего-то остерегаясь. Его левая, наоборот, была выставлена далеко вперед, словно он только что нанес прямой в голову и не успел вернуться в исходное положение, а правая рука, поднятая почти до уровня глаз, надежно прикрывала подбородок.

— Навасардов. Андро Навасардов. Грузия, — сказал, кивнув в его сторону, Заборас. — Сейчас будет атаковать!

Мне показалось, что Заборас сказал это просто так, для красного словца: уж очень неподходящим для атаки было положение, в котором находился грузинский боксер. Но я ошибся. Навасардов внезапно пригнулся, быстро скользнул вперед и дважды ударил справа по корпусу. И сразу же — левой в голову. Его противник отозвался только на последний удар, подставив под перчатку плечо и чуть отклонив туловище назад; два первых были не в счет — финты, — подсказал Заборас. Навасардов снова ударил правой — теперь это был уже не ложный выпад, а настоящий удар, — и отлетел к канатам. Его противник остался посреди ринга один.

— Встречным двинул! — хрипло сказал Заборас. — Страшное дело эти его встречные правой…

— А кто это? — растерянно спросил я, все еще ошеломленный молниеносностью случившегося. — Этот… бритый?

— Неужели не знаешь? — изумился Заборас. — Это же Королев. Николай Королев! Не дай бог попасть под его молотилку…

Навасардов все же устоял на ногах. А через несколько секунд прозвучал гонг: раунд кончился. И только тут я осознал, как все произошло. В памяти до мельчайшей подробности повторилась целиком вся картина. Я вновь увидел мощный свинг Навасардова, нацеленный в открытый подбородок противника, увидел, как тот, вместо того чтобы защититься перчаткой или отступить назад, чуть заметно сместился в сторону и, мгновенно изменив положение ног, развернулся навстречу в стремительном коротком хуке. Кулак боксера из Грузии еще описывал свою убийственную кривую, но смысла в этом уже никакого не было: удар противника оказался быстрее и первым достал цель.

— Как обухом, — сказал я, подводя итог своим впечатлениям.

— Хуже, — отозвался Заборас. — Обух хоть замаха требует.

— Замаха… — повторил я, вновь восстанавливая в памяти удар Королева: ему замаха не понадобилось. — А ты с ним на ринге встречался?

— Пока не доводилось, — усмехнулся Заборас. — А тебя, я вижу, зацепило? Ну что ж, давай! За тем я тебя сюда и привел. Думаю, дело пойдет.

Заборас как напророчил: дело действительно пошло. А вот для самого Забораса оно обернулось вскоре довольно неожиданно.

Вернувшись в Каунас, я чуть ли не на другой день отправился в городскую спортивную школу. На первый раз мне не повезло. Оба тренера, руководившие секцией бокса, — Мисюнас и Пастерис, сказали, что набор давно закончился, что тренировочный зал не резиновый и что мне лучше попробовать себя в каком-нибудь другом виде спорта.

Но я уже буквально бредил боксом. Бой Королева с Навасардовым настолько завладел моим воображением, что я твердо решил овладеть этим единственным, как мне тогда казалось, истинно мужским видом спорта. «Бокс — это именно то, что мне надо, — твердил я самому себе. — Недаром же Заборас понял это сразу, понял даже раньше меня самого».

На следующее воскресенье я вновь появился в тренировочном зале.

— Смотри-ка, этот большой парень опять здесь, — окликнул Мисюнаса Пастерис. — Может, попробуем все-таки?

— Ну, если он такой упрямый, — сказал, подходя, Мисюнас. — Если уж он пришел во второй раз…

— Есть шансы, что придет и в третий? — рассмеявшись, закончил Пастерис. И повернулся ко мне: — Раздевайся! Посмотрим, что там у тебя на уме.

В те годы все было проще, чем теперь. Тренер не очень-то связывал себя неизбежными сегодня формальностями, вроде медицинского обследования и прочих правил отбора. Чаще он действовал на глазок, доверяясь собственному впечатлению. Да и сама система занятий порядком отличалась от нынешней, когда будущий боксер, прежде чем надеть перчатки, проходит долгий искус специальной предварительной подготовки. Словом, с новичками тогда предпочитали не церемониться.

Пока я раздевался, Мисюнас уже успел подобрать мне партнера. Парень оказался из тех, о ком говорят: не ладно скроен, да крепко сшит. Да и перчатки он, судя по всему, не в первый раз надевал. Но право выбора здесь принадлежало не мне.

— Давай, Боря! — сказал Мисюнас.

И в мозгу у меня что-то ослепительно взорвалось.

Боря, ткнув для начала пару раз прямым левой, внезапно зашел сбоку и двинул меня в челюсть. Но этого ему, видно, показалось мало; сильный удар в живот заставил меня стремительно согнуться, что, кстати, спасло мою скулу от повторного хука: перчатка промелькнула совсем рядом.

— Полегче, Боря! Полегче, — услышал я где-то в стороне от себя увещевающий голос Мисюнаса.

Но Боря разошелся не на шутку. То ли он всегда был такой, то ли мне с ним просто не повезло и я чем-то вызвал прилив острой антипатии — так или иначе, но удары сыпались на меня градом. Я, конечно, старался вовсю: увертывался, подставлял перчатки, поворачивался то так, то эдак, но поспевать всюду просто не хватало никаких сил. И тогда я решил сменить тактику: не защищаться, а напасть самому. Не знаю, как это получилось, только противник мой вдруг отлетел через весь ринг, на канаты. Я поспешил закрепить успех и хотел ударить еще раз, но Мисюнас, которого я внезапно вновь обнаружил рядом с собой, оттолкнул меня в сторону.

— Хватит, — сказал он. — Хватит, говорю! Боря у нас средневес. А ты тяж. Давай перчатки и иди на весы.

Я посмотрел на Борю — тот стоял у канатов, растирая тыльной стороной перчатки багровую скулу, — и спустился с помоста в зал.

— Голову высоко задираешь. А так ничего, плюха у тебя есть, — сказал мне какой-то парень со скакалкой в руках. — Иди, тебя Пастерис ждет.

Когда я через минуту встал на весы, Пастерис удовлетворенно хмыкнул.

— Восемьдесят один пятьсот… И ничего лишнего, а? Ладно, будем делать из тебя тяжа.

И из меня стали делать тяжа.

Прежде я думал, что занятия боксом — это один сплошной бой. Бой изо дня в день, пока не научишься.

Учиться, конечно, пришлось, учиться много и многому. На ринг мы поднимались не часто. Основная работа была в зале. Мешок, груша, лапы… И разумеется, всевозможные упражнения, развивающие все, что только можно развить: ловкость, быстроту реакции, стойкость, выносливость, чувство дистанции, упорство, инициативность и, конечно, физическую силу.

Я понял, что бокс — это большое и сложное искусство, овладеть которым далеко не просто. Опыт, почерпнутый из уличных драк, тут не годился.

— Драка — это затрещины и оплеухи. То, что их наносят не

ладонью, а кулаком, дела не меняет. Настоящий удар в драке — редкая случайность, — не раз повторял Пастерис.

Что такое настоящий удар, я к тому времени успел узнать на собственном опыте. И хотя работать на мешке мне нравилось, однако развлечением это никак не назовешь. Молотишь, молотишь по нему, а толку никакого. Вроде и резкость есть, и вес вкладывается, а мешок молчит. Мотается на подвеске, и все тут. А надо, чтобы он вздрогнул и на месте остался — тогда, значит, вся до капли энергия удара взорвалась на его поверхности, а не в толчок ушла. Мешок тогда как бы голос подает — всхлипнет коротко, будто он живой, и ему больно. Только не скоро от него этого дождешься. Иной раз не месяцы, а годы уходят. Поставить удар — штука нелегкая. Недаром даже самые первоклассные боксеры не могут похвастать, что одинаково хорошо владеют и прямыми, и боковыми, и апперкотами. Коронный, как его принято называть, удар чаще всего один. Остальные не то чтобы не получаются — просто и сила и резкость у них уже не те.

Вообще говоря, тот, кто судит о боксе только со зрительских трибун, имеет о нем весьма смутное впечатление. Чтобы убедиться в этом, много времени мне не понадобилось. Что ни день, все новые и новые истины открывались для меня. Это было похоже на айсберг, вершина которого — бой на ринге — обманчиво прячет от глаз огромную, скрытую от стороннего наблюдателя глыбу колоссального труда с его профессиональными тайнами и секретами. Этим я вовсе не хочу сказать, будто бокс стремится отгородить себя какой-то стеной; я имею в виду лишь ту повседневную работу, которая не видна большинству людей и потому создает у них иллюзию легкости и простоты того, что происходит на ринге, а порой и глубоко неверное убеждение, когда бокс рассматривают как драку в кожаных перчатках. Не стану пока говорить о существе бокса как спорта — для этого еще будет свое время и место; скажу только, что тайны его мастерства — это тайны человеческого тела, овладеть которыми может каждый, но которые никогда не даются в руки сами по себе, а лишь в результате упорной, подчас жестокой работы. Мне овладеть ими помогали на первых порах оба тренера — и Мисюнас, и Пастерис.

Пастерис как-то сразу поверил в меня и называл не иначе как «этот большой парень, который скоро себя всем покажет», чем, разумеется, ввергал меня всякий раз в великое смущение. По-литовски он говорил неважно. Подлинное его имя не Пастерис, а Пастер. Французский военный летчик, он был сбит и попал в плен. Но ему удалось вырваться из лап фашистов, и, пока в Каунас не пришли наши войска, он скрывался в доме укрывшей

его от преследования литовской семьи.

Пастерис многое повидал и многое умел. И солдат, и врач, и массажист, и тренер, и психолог, и просто всесторонне развитый человек с широким кругом знаний и интересов. Но особенно силен он был в спорте: бегал стометровку и марафон, играл в футбол в составе сборной республики, великолепно боксировал. А главное, никогда ничему не завидовал и умел искренне радоваться любому чужому успеху.

Я помню, как он ликовал, когда у меня впервые прорезался прямой левой. Мешку в тот день изрядно досталось, и всхлипывал он все чаще и чаще.

— Жалуется? — услышал я голос Пастериса, который незаметно подошел ко мне и встал за спиной. — А ну-ка пойдем попробуем на лапы.

На лапах получалось хуже. Лапы — не то что мешок; лапы на руках тренера живут, движутся, как противник на ринге. И удар поначалу то не доставал, то затягивался и уходил за лапу, отпихивая ее назад. Но вот лапа чмокнула раз, другой… А когда Пастерис внезапно двинул ее прямо на меня, как при встречном ударе, я сделал шаг назад и, перенеся центр тяжести на другую ногу, врезал по лапе так, что Пастерис едва не вывихнул себе руку.

— Нокаут, — сказал он морщась. Но в голосе его звучала нескрываемая радость. — Пошел удар! Кажется, пошел. Давай опять на мешок!

А через несколько дней, когда я отвел его в сторону в раздевалке и, топчась от смущения, попросил подыскать мне противника для спарринга, но чтобы обязательно со спортивным разрядом, он рассмеялся и сказал:

— Понятно, сынок! Понятно. Ну что ж, попробую тебе это устроить. Боюсь только вот, не рано ли?

Дело было, разумеется, не в спарринге. Мне давно уже хотелось проверить себя в настоящем бою. Конечно, четыре месяца тренировок не бог весть что; но мне почему-то казалось, что я, пожалуй, смогу кое-чего добиться. Ни о чем серьезном я тогда и не помышлял; просто мне, как и другим ребятам из спортшколы, стало известно, что кое-кто из литовских боксеров уже начал готовиться к предстоящему командному первенству страны по боксу.

— И следовательно, не прочь пошлифовать свое мастерство на парнях вроде тебя? — продолжая улыбаться, закончил за меня Пастерис. — Так, что ли? Ну ладно. Что скажешь о Богданавичусе?

— Чемпион республики в тяжелом весе? — опешил от

неожиданности я.

— Он самый. А ты что, имеешь что-нибудь против него? — притворно удивился Пастерис.

— Да я его и в глаза никогда не видел.

— Так погляди. За чем дело стало!

Богданавичус, когда мне его показали, произвел на меня сильное впечатление. Он сидел на веранде открытого летнего кафе и пил пиво; тяжеловесам кружка-другая не возбраняется, им лишний вес не помеха. Это был огромный могучий мужчина, весящий никак не меньше ста килограммов. Легкая куртка, плотно обтягивающая его мощный торс, едва не лопалась на нем. Широкое лицо его, правда, излучало безмятежность и благодушие, но я не поддался легковерию и мудро отнес это за счет выпитого пива. Тем более что челюсть у него выпирала наподобие башмака, а короткий широкий нос был перебит и расплющен.

— Ну как, познакомились? — поинтересовался на другой день Пастерис.

— В основном заочно, — буркнул я. — А он согласится?

— Уже согласился. В субботу вечером можешь сойтись с ним поближе.

До субботы оставалось несколько дней, в течение которых я буквально не вылезал из тренировочного зала. Злополучный мешок начинал вздрагивать заранее, едва я направлялся в его сторону. Впрочем, мне приходилось не менее туго, чем ему. Кроме него, у меня было немало других хлопот. Не очень надеясь на свой прямой левой, я старался расширить боевой арсенал, отрабатывая на насыпной груше боковые и удары снизу. Немало сил и времени отнимали также бесчисленные бои с тенью, под каковой я, разумеется, подразумевал все того же Богданавичуса.

В конце концов, я настолько замотался, что, когда утром в пятницу встал на весы, стрелка едва-едва дотянула до восьмидесяти килограммов.

— Что-то ты подсох, парень! — задумчиво протянул Пастерис, внимательно разглядывая меня. Но, видимо, так и не найдя того, что искал, хлопнул меня по плечу и решительно сказал: — Не робей! Подсох — еще не значит, что перегорел. Когда сырость в теле, хуже. В общем, думаю, обойдется. А теперь сыпь отсюда, и чтобы до субботнего вечера я тебя здесь не видел!

На ринг я вышел, мало чего соображая. Сел, как потом рассказывали, в углу на табуретку, заложил ногу за ногу и сижу, будто не на ринге, а где-нибудь на посиделках или в кафе. Ослепительный свет огромных ламп над головой; судьи за своими столиками; фоторепортер из местной газеты; зрители, которые,

как мне тогда казалось, уставились на одного меня, — вся эта непривычная атмосфера, шумная и суматошная, совершенно ошеломила меня. На своего грозного противника, который только что пролез под канаты и раскланивался в центре ринга в ответ на приветствия зала, я теперь не обращал никакого внимания. Зрители, до отказа заполнившие трибуны и даже проходы между ними, тревожили меня гораздо больше. Мысль, что я могу не оправдать их ожиданий и окажусь беспомощным в руках своего именитого соперника, не давала мне покоя, бросая меня то в жар, то в холод. Уж скорее бы гонг, и скорее бы все начиналось…

И все же гонг, несмотря на то, что я его так мучительно ждал, захватил меня врасплох. Вместо того чтобы шагнуть в центр ринга, где стоял рефери, я вдруг повернулся к нему спиной, будто решил обнять на прощание своего секунданта, Пастериса. В зале засмеялись, и я окончательно растерялся.

— Ничего, сынок! Не боги горшки зажигают, — мягко сказал он мне и, повернув лицом к противнику, легонько подтолкнул в спину.

Мне вдруг почему-то стало очень смешно, наверно оттого, что Пастерис, как всегда, переврал поговорку, и я, глупо улыбаясь во весь рот, подошел наконец к рефери. Тот, видимо, недоумевая по поводу моего неуместного веселья, о чем-то спросил меня, потом что-то сказал быстрой скороговоркой и отошел в сторону.

И тут на меня навалился Богданавичус.

А дальше все происходило будто во сне. Богданавичус все время шел на меня, без передышки молотя своими тяжеленными кулаками, а я отбивался; он лез, а я отбивался. Мне казалось, что этому не будет конца, что гонг, наверное, испортился, а часы у судей остановились, что мне теперь так и не выбраться из этих чертовых канатов, которые всюду, куда ни сунься, торчат на моем пути. Иногда, продираясь сквозь град ударов, я вдруг замечал лица зрителей, у которых почему-то были широко разинуты рты — они кричали, подбадривали меня, но я в те минуты ничего не слышал, — потом на долю секунды мелькнула физиономия Пастериса, которая, помимо крайнего возбуждения, выражала что-то еще, но что именно, я так и не разобрал, а затем вдруг передо мной оказался судья, который хватал меня за руки и что-то кричал прямо в лицо, а противник мой, наоборот, куда-то исчез.

Наконец я его увидел. Богданавичус лежал на полу в углу ринга и, судя по всему, не спешил подниматься, а судья, схватив меня за руки и напирая всей грудью, оттирал меня в сторону.

И тогда я вдруг понял, что бой окончен.

На трибунах ревели зрители. Наиболее рьяные из них уже

лезли через канаты, и я внезапно оказался на чьих-то руках, которые подняли меня вверх и на которых меня торжественно вынесли с ринга.

Когда наконец мне удалось вырваться из объятий болельщиков и добраться до раздевалки, где меня уже поджидал сияющий Пастерис, я вдруг неожиданно для себя самого сказал:

— А горшки, между прочим, не зажигают, а обжигают!

— Ты что, рехнулся от радости? Какие еще горшки? — недоумевая, переспросил Пастерис. И тут же хлопнул меня, позабыв обо всем, со всего маху по плечу. — Чистая победа! А? Что я тебе говорил? Молодец! Зацепил его все же своим прямым левой… Не зря старались.

А на другой день в газете «Тарибу Лиетува» появилась заметка, где говорилось, что поражение чемпиона республики в поединке с молодым, никому не известным спортсменом, явилось для всех «больше чем неожиданным».

Заметка чем-то не угодила Пастерису.

— Неизвестному! — ворчал он, придравшись к слову. — Как это никому не известному? А я, а Мисюнас? Мы, что же, не в счет, что ли? Ну погодите, — повторил он в заключение свою обычную фразу. — Погодите, этот большой парень вам еще не такое покажет!

Я отмалчивался, чувствуя в глубине души какую-то неловкость. Все, включая и самого Пастериса, считали, что бой я провел уверенно и на должном уровне, а на самом деле я даже не помнил ничего толком. Спроси меня, что происходило на ринге, мне и сказать нечего. Поэтому, когда выяснилось, что меня включили в списки участников матча Каунас — Вильнюс, который должен был состояться через неделю в столице республики, я вдвойне обрадовался этому известию. Оно вселило в меня не только новые надежды, но и, главное, давало возможность еще раз проверить себя на ринге. Теперь-то уж не поддамся, буду драться с открытыми глазами, думал я, теперь будет все по-другому.

В Вильнюсе и в самом деле было все не так, как в бою с Богданавичусом. Первый сюрприз, который ошеломил не одного меня, заключался в том, что моим соперником оказался не кто иной, как сам Заборас, тот самый Антанас Заборас, который всего каких-то четыре месяца назад сыграл роль моего наставника и крестного отца. Он был поражен не меньше меня.

— Вот так номер! — сказал он при встрече. — Так это, значит, ты тот неизвестный молодой боксер, который так непочтительно завалил в первом же раунде старину Богданавичуса? Признаюсь, не ожидал, никак не ожидал… Но

учти: со мной у тебя этот номер не пройдет.

— Поживем — увидим, — философски отозвался я. — Я на этот матч не напрашивался.

— Сказали, поезжай, ты и приехал? Так, что ли? — поддразнил он меня, повторив мои же собственные, сказанные в Москве слова. — Ну пошли, молодой неизвестный, город покажу!

Весь вечер мы пробродили по Вильнюсу, вспоминали поездку на парад физкультурников, говорили обо всем, о чем придется, но о предстоящем поединке ни один из нас не сказал больше ни слова. Ринг есть ринг; для дружбы на нем нет места, она остается за канатами…

Заборас в то время считался лучшим тяжеловесом Литвы. Несколько раз он завоевывал звание чемпиона республики, успешно выступал на всесоюзном и зарубежном рингах. Забораcу было уже под тридцать. На вещи он смотрел трезво: знал, что исход поединка определит, кому ехать в Москву в составе сборной, — и это для него решало все.

Заборас начал схватку расчетливо. Он, в отличие от Богданавичуса, не стремился ошеломить новичка непрерывным натиском и шквалом бурных атак; он работал спокойно и хладнокровно, умело используя преимущество своего опыта и накопленное в многочисленных боях мастерство.

Прежде всего, Заборас переигрывал меня тактически. Он знал, чего хочет. Весь первый раунд он провел, добиваясь своей основной цели — лишить меня подвижности. Я, что называется, был легок на ногу и маневрировал на ринге в несвойственном для боксеров тяжелого веса темпе. И Заборас решил сбить с меня прыть. Легко взламывая мою защиту, он переводил бой на среднюю дистанцию, нанося тяжелые удары в печень, в солнечное сплетение и под сердце.

К концу раунда я уже чувствовал себя больным. Тело разламывалось от боли, дыхание было сбито, в голове гудело, из разбитых губ сочилась кровь… Но сдаваться я не желал. «Лучше умру, а с ринга не уйду», — думал я.

— Не подпускай его близко, старайся держать на дистанции, — сказал в перерыве Пастерис, обтирая мне мокрым полотенцем лицо. — И забудь пока о своем прямом левой, Заборас видит, как ты его готовишь…

Это я уже и сам понял. Левый у меня запаздывал, и Заборас всякий раз легко от него уходил.

Второй раунд пошел в том же духе. Как я ни старался удерживать противника на расстоянии, толку из этого не получалось. Заборас неизменно прорывался, всаживая в меня серию за серией. Его мощные боковые по корпусу буквально

вышибали из меня дух. Надо было что-то придумать, но в голове вместо мыслей мелькали какие-то обрывки.

Это произошло как бы само собой. Заборас, уйдя нырком от моей правой, которой я безуспешно пытался его остановить, сделал шаг вперед и ударил боковым в корпус, начав им очередную серию. Но я, вместо того чтобы защищаться, внезапно сам шагнул вперед и резко ударил снизу в голову. Заборас отступил, но сделал это недостаточно быстро: второй удар — более длинный и потому более мощный — бросил его спиной на канаты.

Остаток раунда Заборас приходил в себя, а я набирал очки. За какую-то минуту он пропустил больше ударов, чем за весь предыдущий раунд и первую половину второго.

— Ну теперь держись! — возбужденно сказал Пастерис, крутя перед моим носом полотенцем и загоняя с его помощью воздух в легкие. — Теперь он на тебя накинется! Раунд твой, раунд его… В третьем он покажет себя на всю катушку… Попробуй, когда он войдет в раж, поймать его на встречный.

«На всю катушку, — подумалось мне. — А как же тогда назвать то, что уже было?»

И все же Пастерис оказался прав. Теперь Заборас забыл о своем хладнокровии и работал как заведенный. Казалось, первых двух раундов вовсе и не было, а бой, настоящий бой только начался. Атаки и контратаки сливались в одно неразрывное целое, между ними не было ни пауз, ни передышек. Я старался не отставать, и оба мы развили такой бешеный темп, какому, пожалуй, могли позавидовать бы и легковесы. Я давно уже потерял счет пропущенным ударам, а заодно утратил и ощущение времени — оно словно остановилось, а мне стало на все наплевать. Бил Заборас — я защищался; бил я — защищался Заборас; и все, больше ничего не существовало — весь мир состоял из одних ударов, которые нужно было наносить и от которых нужно было защищаться… Где-то на трибунах неистовствовали зрители; что-то кричали, каждый из своего угла, секунданты; но оба мы ничего не слышали и не видели, нас точно связала воедино какая-то невидимая сила, и мы кружили друг против друга, не зная, как разорвать ее цепкие путы.

Гонг застал нас в обоюдной атаке. И когда судья поднял вверх мою руку, мне все еще казалось, будто я продолжаю вести бой.

В раздевалке я лег на скамью и, решив, что на ногах мне все равно не удержаться, закрыл глаза.

— Давно я такого не видывал! Вы оба как с ума посходили, — услышал я над собой голос Пастериса. — И как только тебе удалось выдержать?

— Я не выдержал. Дай мне спокойно умереть, — сказал я, не открывая глаз.

— Ну до похорон еще далеко. Заборас заявил, что не согласен с решением судей.

— Он мне все ребра расшатал. Лучше пощупай, как качаются…

— Заборас требует реванша.

— Реванша? — я открыл глаза и приподнялся. — Слушай, а я у него в самом деле выиграл?

— Ты же видел, рефери поднял твою руку! Выиграл, можешь не сомневаться.

— А чего же Заборас сомневается? — я охнул от боли и снова лег. — Дал бы какую-нибудь таблетку, не дожить мне до этого реванша…

— Доживешь, — сказал Пастерис. — Доживешь. И опять выиграешь.

Пастерис, в который раз, оказался прав: я дожил до реванша. Вторая моя победа была настолько убедительной, что никто ее уже не пытался оспаривать.

Меня включили в сборную, и я решил, что стал отныне великим боксером. Но иллюзиями долго тешиться не пришлось. В Москве с меня сразу же сбили, спесь, показав, как говорится, где раки зимуют.

Что же касается моих, так сказать, триумфальных успехов на республиканском ринге, когда мне удалось в течение двух недель выиграть у обоих наших чемпионов, то на это, конечно, имелись свои причины. Во-первых, и Богданавичус, и Заборас, по существу, заканчивали спортивную карьеру — Заборас после наших с ним двух боев больше уже не выступал и вскоре стал моим тренером. Во-вторых, бокс в ту пору в Литве был поставлен слабо, и подготовка обоих чемпионов мало чем отличалась от моей четырехмесячной. Но главным моим преимуществом, разумеется, была молодость, с ее уверенностью в своих силах, с ее честолюбивыми замыслами и неукротимой жаждой себя проявить. Все это, ну и, конечно, природные задатки к боксу помогли мне добиться первых побед на ринге, а они, в свою очередь, вселили новые надежды, с которыми я на правах участника литовской сборной и приехал во второй раз в Москву.

В Москве нам сразу же не повезло. Жеребьевка свела нашу команду со сборной столицы. Это было больше, чем неудача; это была катастрофа. Команда Москвы блистала громкими спортивными именами, большинство ее участников по праву входило в число лучших боксеров страны. Такие асы, как, скажем, заслуженный мастер спорта Сергей Щербаков или Александр

Любимов, не нуждались в дополнительных рекомендациях; их имена гремели не только у нас, в Советском Союзе, но и за рубежом. Боксеров же литовской сборной не знал никто; они для широких кругов спортивной общественности являлись тем, что принято называть «темными лошадками».

Правда, именно последнее обстоятельство как раз и вызвало на первых порах некоторый ажиотаж вокруг нашей команды. Дело в том, что в прошлом боксеры Прибалтики пользовались неплохой репутацией. И некоторые журналисты решили, что от нас можно ожидать всяческих сюрпризов и спортивных сенсаций. У нас брали многочисленные интервью; фотографировали, так сказать, и в розницу и оптом; одним словом, создалась обстановка больших ожиданий, которых нам не суждено было оправдать.

Проиграли мы, что называется, с треском. Во всех восьми весовых категориях — тогда еще их было не одиннадцать, как теперь, а восемь. Причем все бои проиграли нокаутами. Москвичи — Булаков, Авдеев, Любимов, Пушкин, Щербаков, Сильчев, Перов и Юрченко — буквально разгромили нашу команду; почти все поединки закончились в первых раундах.

Я, разумеется, тоже проиграл. Моим противником оказался бывший моряк-дальневосточник Николай Юрченко. Высокий, физически очень крепкий, с мощными, великолепно развитыми мышцами, он обладал колоссальной силы сухим точным ударом и являлся грозным противником. Еще накануне боя мне сказали, что о нем с уважением отзывается сам Королев, который познакомился с Юрченко на тренировке и испытал на себе во время пробного спарринга его знаменитый удар.

Меня в этом смысле также не ожидало разочарование. Юрченко начал бой уверенно и решительно. И уже в конце первой минуты я получил возможность оценить достоверность полученных о нем сведений: его встречный кросс настиг меня с неумолимостью рока, едва я ослабил на какой-то миг защиту. Удар был настолько быстр и точен, что защититься от него, как мне тогда показалось, просто невозможно.

Дальше пошло в том же духе: любую ошибку — а в них тогда у меня недостатка не было! — противник моментально использовал. Юрченко бил из самых различных положений, но почти всегда очень точно и резко. В какой-то мере это напоминало избиение: настолько его техника и мастерство были в тот раз выше моих возможностей. Чувствовал я себя крайне отвратительно, и не столько от ударов Юрченко, хотя они были весьма и весьма весомыми, сколько от сознания своей беспомощности, от ощущения неотвратимости того, что

происходило на ринге. Быть пешкой в чужих руках всегда малоутешительно; когда же за тобой следят тысячи глаз, переносить это вдвойне тяжелее.

А во втором раунде случилось самое худшее.

В одно из мгновений очередной атаки Юрченко, угрожая ударом в голову, заставил меня вскинуть руки, и когда я увидел, что удар — мощный встречный прямой — идет не в голову, а в корпус, сделать уже было ничего нельзя. Жгучая, нестерпимая боль вспыхнула где-то чуть выше желудка, обожгла мозг и бросила на брезент.

Я слышал, как судья отсчитывал секунды, но встать не мог. Стыд, жгучий стыд за собственную унизительную беспомощность добавился к ней уже потом, когда судья объявил нокаут.

В раздевалке меня вырвало.

Бой с Юрченко, как бой тяжеловесов, оказался последним, восьмым по счету, и мое поражение окончательно довершило крах нашей команды. Матч со сборной Москвы и явился, по существу, моим первым настоящим боевым крещением, моим и всего литовского бокса. В тот день я навсегда запомнил одно: ничто в жизни не дается сразу, наскоком. Разумеется, если речь идет не о пустяках, а о чем-то серьезном. А бокс — для меня это было серьезно; без бокса я уже не представлял себе будущего. И мне вдруг до боли стало ясно, сколько бездумного, мальчишеского, легкомыслия скрывалось под моими розовыми мечтами. Я понял, что в большом спорте, как и в любом другом настоящем деле, нет и не может быть легких путей. Одно дело — удача, совсем иное — прочный успех. Его не завоюешь одной-двумя случайными победами. Даже если это победы над чемпионами. Они, эти победы, как выяснилось, немного стоили.

А добиться успеха мне очень хотелось. И именно в боксе. Как ни странно, жестокий урок, полученный в Москве, не только не отбил охоту к рингу, но, наоборот, придал ему в моих глазах еще большую желанность и привлекательность.

Убеждение, что бокс — самый мужской, даже ультрамужской, если можно так выразиться, вид спорта, обрело для меня с тех пор окончательную бесспорность.

Больше всего меня привлекало в нем то первородство мужского поединка, которое из всех видов спорта сумел сохранить в чисто первозданном виде один лишь бокс; привлекало тогда, продолжает привлекать и теперь. Никакая другая разновидность поединка, будь то борьба или самбо, дзюдо или карате, не может похвастаться таким преимуществом. Все они существуют в жестких рамках многочисленных правил и ограничений, которыми в значительной мере выхолощен из них

первоначальный смысл подлинного физического конфликта, мужского единоборства в его чистом, незавуалированном виде.

Бокс в этом смысле — хотим мы того или не хотим — оказался более консервативен, предельно сохранив само естество физического столкновения, бескомпромиссного и ничем не замаскированного от посторонних глаз.

Перчатки и канаты ринга, которые появились как атрибуты спорта, не потянули за собой длинного перечня всевозможных ограничений и запрещений, не исказив тем самым изначального существа бокса. Вето на отдельные виды ударов, такие, скажем, как удары ниже пояса или открытой перчаткой, не носит принципиального значения: оно не меняет характера схватки, а лишь очищает ее от несвойственных ей, привнесенных извне нечестных приемов. Расхожие фразы, вроде тех, когда бокс сравнивают с «фехтованием на кулаках» или называют «обменом знаний с помощью жестов», остаются лишь фразами, лишенными смысла. На ринге не «фехтуют кулаками», на ринге ведут бой. Бой — и ничто другое.

Тот же Юрченко, например, отнюдь не заботился об углублении моей спортивной эрудиции, не ставил он также своей задачей и повышение моей боксерской квалификации; он просто послал меня в нокаут. Он вышел на ринг, чтобы добиться победы, и добивался ее, нимало не обременяя себя не относящимися к делу соображениями. Нанося удары, он преследовал одну-единственную цель — подавить сопротивление противника, заставить его, если это окажется возможным, сложить оружие. И это естественно. Такова сущность бокса, и ей незачем меняться или под что-то подлаживаться.

На все вкусы не угодишь. Всегда были и будут люди, которые по поводу и без повода спешат обвинить бокс в варварстве, жестокости, негуманности и прочих смертных грехах. Но, как правило, это те, кто никогда не надевал кожаных перчаток. И это тоже естественно. Со стороны чаще всего видишь лишь форму, упуская иной раз само существо.

Бой на ринге подчас действительно жесток. Бокс — единственный вид спорта, где боль и кровь узаконены. В самбо, например, болевой прием не проводится до конца. А на ринге даже могут убить. Случается и такое. По сообщениям токийских газет, например, за последнюю четверть века только на рингах Японии погибло свыше двухсот боксеров. Правда, речь идет о профессиональном ринге. Но и любительский бокс не обходится без травм. И хотя статистика свидетельствует, что их процент у боксеров-любителей ниже, чем, скажем, у хоккеистов, футболистов или горнолыжников, но тем не менее в боксе травмы

тоже далеко не редкость, и порой они бывают довольно опасными и серьезными.

Печально, но ничего не поделаешь. Хирургия, врачуя тела, тоже не страшится ни боли, ни крови, однако методы ее никто оспаривать не станет. Мне могут возразить, что медицина — это неизбежно, это необходимость. А спорт? Спорт не менее необходим и неизбежен. Он тоже врачует тело; больше того — он врачует души, помогая укрепить мужество, волю, стойкость, уверенность в собственных силах и уважение к себе. А бокс в этом смысле оставляет далеко позади подавляющее большинство видов спорта. В самбо, дзюдо, вольной и классической борьбе, где, как и в боксе, двое противников ведут между собой схватку, демонстрируются в основном технические приемы; на ринге же в первую очередь выдвигается на первый план дух бойца, сила мужского характера.

Проиграть схватку на ковре неприятно, но, пожалуй, не стыдно. Ну не хватило мастерства, физической силы, наконец. Совсем иное — проиграть бой на ринге. А вдруг обвинят в трусости, в отсутствии воли, в неспособности терпеть по-мужски боль? Такое эмоционально переживается гораздо сложнее. Все, что касается характера, человек привык принимать близко к сердцу. Оставшаяся без ответа пощечина или оплеуха приносит неизмеримо больше боли, чем любой самый мощный, пусть даже нокаутирующий удар. Бокс, кстати, самое надежное средство избавить себя от этого. Тот, кто овладел его искусством, всегда сумеет дать отпор хулиганам любых весовых категорий. Но и безответными ударами, полученными в бою на ринге, также мудрено гордиться. Ведь они наносятся тоже, так сказать, публично, на глазах зрителей и болельщиков. Потому-то любой боксер, даже когда он безнадежно проигрывает, редко прекращает по собственному почину бой. Он терпит и ждет, когда это сделают за него другие — его секундант или судья. Причем он не охает и не стонет под градом ударов, не морщится и не кривится от боли — он знает, что настоящий мужчина, настоящий боец не имеет на это права. Нужно, как говорится, сохранить хорошую мину даже при плохой игре. А это не просто — уметь достойно держаться даже тогда, когда из тебя вышибают дух.

Однако бокс учит и этому, и многому другому. Он учит мужчину по паспорту стать мужчиной по факту. А ради этого стоит пойти и на известный риск, и на известные жертвы. Они не только оправданны, они окупаются сторицей. Тот, кто уверовал в себя на ринге, верит в себя в любых жизненных ситуациях. Бокс многого требует, но еще больше дает.

Конечно, в те дни, когда бой с Юрченко натолкнул на

подобные мысли, они еще не были для меня столь ясны и очевидны, как теперь. Многое было додумано и окончательно выверено гораздо позже — и в годы моей активной жизни на ринге, и в годы моей последующей тренерской работы. А тогда я скорее чувствовал все это больше сердцем, чем головой. Твердо я знал лишь одно, что жизнь моя отныне прочно связана с боксом и что бокс для меня не просто блажь или прихоть, а именно то, чего я в глубине души всегда неосознанно хотел, искал и наконец нашел.

ПЛАТА ЗА ЛЕГКОМЫСЛИЕ

Вернувшись в Каунас, я с новым рвением возобновил тренировки. Теперь, помимо Мисюнаса и Пастериса, со мной занимался еще и Заборас. Все трое сил ради меня не жалели, и я отвечал тем же. Кроме работы на снарядах, немало времени я отдавал футболу и баскетболу. Особенно баскетболу. Эта игра словно создана для подготовки боксеров. Качества, которые она развивает, — подвижность, ловкость, выносливость, чувство ориентировки в пространстве — абсолютно необходимы на ринге.

Упорно готовился я и к очередному первенству страны по боксу, которое должно было состояться через полгода в Москве; готовился не только в зале, но и на рингах. Из четырех, проведенных в Каунасе и Риге боев, все четыре я выиграл, причем три — нокаутами в первых раундах. Но победами этими я уже не обольщался; знал: цена их на всесоюзном ринге невелика.

Однако в Москве, к собственному удивлению, бои свои провел я тоже неплохо. Нокаутировал во втором раунде тяжеловеса из Белоруссии, а затем выиграл по очкам у украинского боксера. Третий бой я проиграл. Но о нем нужно сказать особо.

Моим противником на этот раз оказался сам Навасардов. Знаменитый Андро Навасардов, один из тройки лучших тяжеловесов страны. В памяти еще свежо было впечатление, которое осталось после боя Навасардова с Королевым на стадионе «Динамо», куда меня привел тогда Антанас Заборас, и после которого я навсегда «заболел» боксом. Навасардов был для меня не просто противником, а человеком, которым я с той минуты не переставал восхищаться, которому хотел подражать и с которым в глубине души мечтал когда-нибудь встретиться на ринге.

И вот встреча состоялась. Мечта воплощалась в жизнь пугающе быстро: бой с Навасардовым должен был стать моим девятым боем.

Навасардов, видимо, решил расправиться со мной без долгих церемоний. Начал он весьма уверенно, и я, находясь под гипнозом его имени, пропустил вначале много ударов. Но вскоре я заметил, что противник не всегда готовит свои атаки; он, судя по всему, не ждал с моей стороны серьезного сопротивления. Однако имя именем, а бой проигрывать я отнюдь не собирался. На ринге, кто бы ни был твоим противником, всегда существуют какие-то шансы. И я не замедлил воспользоваться оплошностью своего соперника.

Когда Навасардов начал очередную атаку без подготовки, сильным ударом в голову, я нырнул ему под руку и, выпрямляясь, провел боковой слева. Навасардов на полу. Нокдаун.

Это меня вдохновило. Чемпионы, оказывается, тоже падают. Даже если это чемпионы страны.

Правда, Навасардов тут же встал и постарался доказать, что его нокдаун не более чем досадная случайность: вихрь ударов отбросил меня к канатам. Но я уже знал, что и боги смертны.

Во втором раунде мне снова удалось зацепить противника. Еще нокдаун.

Конец раунда и весь третий прошел в обоюдных атаках. Навасардов, не желая больше рисковать, работал собранно, жестко, проявив в полной мере все свое техническое и тактическое мастерство.

Судьи отдали победу Навасардову, хотя часть зрителей осталась недовольна таким решением. Заслуженный мастер спорта Степанов, например, писал: «В боксерских кругах уже несколько лет идут разговоры о том, что у нас якобы нет тяжеловесов, кроме Королева, Навасардова и Линнамяги. Некоторая доля правды в этих рассуждениях есть, но она касается только Королева. Он превосходит своих соперников по силе, и по технике, и, главное, по тактике. Куда труднее достались победы Линнамяги и Навасардову. Надо сказать, что эти победы были неубедительны. Навасардов начал бой с того, что очутился на полу, сраженный левым крюком 19-летнего литовца Шоцикаса».

Привлек этот бой и внимание спортивных обозревателей.

«19-летний литовский тяжеловес А. Шоцикас отправил в нокдаун тбилисца Андро Навасардова, легко переносившего удары таких мастеров, как Николай Королев и Мартин Линнамяги, — писал один из них. — Шоцикас — левша. Он смел, энергичен, подвижен. Но нужно сказать: правосторонняя стойка явно мешает этому талантливому боксеру. Он должен немедленно начать работать в обычной левосторонней стойке!»

Не знаю, как насчет объективности решения судей, — думаю все же, что они были правы и присудили победу Навасардову не за его громкие титулы, как говорилось в среде болельщиков, а за подлинное искусство, которое он продемонстрировал во второй половине боя; что же касается совета по поводу моей стойки — его, кстати, высказывали весьма настойчиво и не один раз, — ни один из моих трех тренеров, к счастью, не разделял столь решительного и категоричного мнения. Они понимали, что несвойственная и неестественная для левши левосторонняя стойка сыграла бы для меня роль смирительной рубахи. А уж если говорить о ее «неудобстве», то неудобна она была не столько

для меня, сколько для моих противников. Во всяком случае, тех из них, кто работал в обычной стойке. А таких в то время было большинство.

Тот факт, что левша в боксе имеет, так сказать, природные преимущества, обрел у нас всеобщее признание значительно позже. Сейчас, например, считается вполне естественным, что на таких крупнейших международных состязаниях, как Олимпийские игры и чемпионаты Европы, более трети финалистов — боксеры «окаянной» руки. Но тогда многие смотрели на дело иначе и не одному боксеру-левше это ошибочное мнение осложнило карьеру.

Стойка — основа в боксе. Если она естественна, боксер ощущает себя свободно и уверенно, если же она не отвечает его физическим особенностям, он чувствует себя скованно, будто в одежде с чужого плеча. К ней нельзя прилаживаться, ее нужно прилаживать к себе. Потому-то на большом ринге не найти двух противников с одинаковой стойкой; у одних, как у Королева, она открытая, у других, как у Щербакова, наоборот, собранная, у третьих — высокая, с откинутым назад корпусом, у четвертых — низкая, с выдвинутым вперед туловищем; словом, у каждого та, какая ему удобнее. Стойка — это часть индивидуальности боксера, по ней можно определить манеру, в которой он привык работать. И если сказать о нем лишь то, что он, положим, боксирует в правосторонней стойке, — это означало бы не сказать о нем ровно ничего.

Я продолжал тренироваться в своей обычной манере и менять ничего не стал. Забот хватало и без того. Близился час главного испытания — критический час расплаты за легкомыслие и вместе с тем величайшего торжества; он, по сути, дал ответ на все иксы и игреки моей будущей боксерской карьеры. Я имею в виду свой пятнадцатый бой — бой с Николаем Королевым.

Это произошло 18 ноября 1947 года в Риге.

Я знал, что мне предстоит, знал, что немало тяжеловесов, однажды испытав на себе сокрушительные удары абсолютного чемпиона страны, навсегда отказывались от дальнейших с ним встреч. Имя Королева наводило на многих трепет; оно и притягивало и вместе с тем отпугивало. Большинство своих боев он кончал досрочно, нокаутом, и часто — в первые же минуты. Противники его нередко проигрывали еще до первого удара гонга, выходя на ринг психологически сломленными. Гипноз его имени был неотразим. Если Навасардов и Линнамяги, входившие вместе с ним в первую тройку тяжеловесов, действительно были великолепными боксерами, то для Королева это определение не годилось. Королев был не просто великолепным боксером, он был

великим. Тот, кто хоть раз встречался с ним на ринге, понимает, что я имею в виду.

Мне только что исполнилось девятнадцать лет, и вещи я видел сквозь призму своей молодости. Встреча с Королевым меня не страшила; просто сбывалась еще одна большая мечта — и этим для меня все тогда исчерпывалось. Грозный противник? Что ж, мне повезет больше, чем другим. Ведь дрался же я с самим Навасардовым! А Навасардов давнишний соперник Королева. Давнишний! Значит, как говорит Пастерис, не боги горшки обжигают…

Королев начал бой медленными передвижениями по рингу. Его могучие руки были почти совсем опущены, и весь он был совершенно открыт для ударов. Я знал, что все это обманчиво, что все мираж — и медлительность, и опущенные руки, и откровенное пренебрежение защитой; знал с чужих слов, но так хотелось проверить это самому, так хотелось убедиться в обратном…

Я сделал двойной финт правой в голову и резко ударил слева. И тут же пол вздыбился у меня под ногами, встал поперек, и я рухнул лицом в брезент.

Это был знаменитый встречный Королева. Один из тех страшных встречных ударов, о которых мне когда-то говорил на трибуне «Динамо» Заборас. Теперь я испытал его силу на себе.

На счете «четыре» я встал и бросился в новую атаку. Я не был в грогги — удар, по счастью, пришелся не в подбородок, а в верхнюю часть скулы, — я не был пьян от удара; просто я решил попробовать еще раз. А что, собственно, оставалось делать?

Развивая атаку, я не забывал следить за кулаками противника; подвижность была моим козырем, и я старался использовать ее полностью. Королев, казалось, не избегал ударов, он будто сам подставлял себя под них, но все они почему-то не достигали цели, попадая то в плечо, то в перчатку. И вдруг он сделал шаг в сторону и совсем открылся. Промахнуться в таком положении было невозможно, просто невозможно…

И вновь судья открыл счет.

Королев в последнее мгновение пружинисто присел, и моя перчатка пришлась не в челюсть, куда я ее направил, а в лоб; и ответный боковой угодил мне прямо в печень.

А дальше началось что-то страшное. Шесть раз меня швыряло на пол, шесть раз рефери отсчитывал надо мной секунды; четыре нокдауна в первом раунде, два во втором. Королев бил из любых положений, бил неожиданно и мгновенно, бил одинаково мощно с обеих рук; и каждый раз эти сокрушительные удары валили меня с ног.

Сегодня ничего подобного, разумеется, не увидишь: судьи давно прекратили бы бой за явным преимуществом, за невозможностью одним из противников его продолжать. Но тогда были другие нравы и другие правила. Бой продолжался, и мне пришлось выдержать все до конца.

Всякий раз, когда пол вывертывался у меня из-под ног, а я летел на брезент, мне казалось, что больше уже не встать. Да, честно говоря, вставать и не хотелось, ох как не хотелось. Голова раскалывалась от боли, глаза застилало пеленой, в ушах что-то хлюпало и гудело, тело от слабости становилось каким-то чужим и ватным… «Не вставай! Лежи! — подтачивала волю одна и та же мысль. — Лежи еще несколько секунд, и все кончится. Все равно ведь кончится именно этим. Если не сейчас, так в следующую минуту… Бой так или иначе проигран, так зачем лишние муки… Не вставай!»

Но я вставал. Что-то неведомое мне самому вновь и вновь ставило меня на ноги. Вставал, чтобы через минуту опять грохнуться на проклятый брезент.

Королев работал как какая-то чудовищная, неодолимая машина. Движения его были по-прежнему экономны и скупы и по-прежнему оставались нарочито медлительными. Но в нужный момент он взрывался, и подготовленный ложными движениями рук и туловища удар стремительно обрушивался на меня, сбивая с ног или отбрасывая на канаты. Будто срабатывала бомба замедленного действия.

После пятого нокдауна я решил, что с меня довольно, и попробовал клинчевать. Но вышло еще хуже. Пока я маневрировал, сохраняя за счет подвижности и активной работы ног дистанцию, удары в корпус чаще всего не проходили. В клинче я утрачивал это преимущество. Королев, отстраняясь назад, успевал провести серию быстрых коротких хуков, от которых гудело в груди и трещали ребра.

В третьем раунде я вновь стал работать на отходах, пуская то и дело в ход правую руку. С ее помощью мне удавалось сдерживать если и не все, то по крайней мере каждую вторую атаку. Королев то ли устал, то ли решил, что бой все равно выигран, — в чем-чем, а в этом он мог нисколько не сомневаться, — во всяком случае, раунд закончился более-менее благополучно.

— Ну как мы себя чувствуем? — ухмыляясь, спросил меня в раздевалке Мисюнас, но в глазах его проглядывало искреннее участие.

— Как самоубийца, — охая, ответил я.

— Я тоже об этом подумал. Еще в первом раунде. И во

втором… — задумчиво сказал Мисюнас. — И все же ты выстоял! Выстоял до конца.

— До конца было недалеко, — сделал попытку улыбнуться я, но из этого ничего не вышло. — Так и ждал, что он из меня дух вышибет.

— Обошлось, — сказал Мисюнас. И, помолчав, добавил: — Не знаю даже, не был ли этот бой ошибкой… Я в том смысле, что, может, рано тебя было выпускать…

Нет, бой с Королевым не был ошибкой. Я понял это не сразу, но довольно скоро. Конечно, когда у тебя за плечами всего-навсего чуть больше десятка боев, поединок с таким асом ринга, как Королев, сильно смахивал на авантюру. Ведь у меня даже не было спортивного разряда. С момента, когда я впервые появился в тренировочном зале городской боксерской школы, прошло немногим более года. Все это, вместе взятое, выглядело не очень серьезно, и беспокойство моих тренеров нетрудно понять.

Однако для меня была важна не формальная сторона дела, а сам факт. В те годы любой, кто хотел чего-то добиться на всесоюзном ринге в тяжелом весе, не мог и мечтать, чтобы избежать столкновения с Королевым. Королев находился в расцвете своей боксерской карьеры, и надеяться, что он в ближайшие годы покинет ринг, никак не приходилось. Он был неизбежным препятствием на пути к званию чемпиона страны, причем таким препятствием, которое еще никому не удавалось одолеть. Его поражение от Андро Навасардова в 1944 году в счет не шло: Королев только вернулся с фронта, где, сражаясь в партизанской армии Медведева, естественно, не мог тренироваться и потому временно утратил спортивную форму. Но с тех пор, в седьмой раз завоевавший звание чемпиона Советского Союза, Николай Королев не знал поражений, а грозная его слава как несокрушенного и несокрушимого противника могла хоть у кого отбить руки. Чтобы преодолеть этот психологический барьер, существовал лишь один способ — проверить себя в бою с ним на ринге. И чем скорее, тем лучше, думалось мне…

И вот этот бой состоялся. Конечно, подобная поспешность могла принести и непоправимый вред, оставив в душе глубокую неизлечимую травму, но так не случилось. Мне повезло, и риск окупился сторицей. То, что я проиграл бой, не имело особого значения. Главное, что я выстоял. Выстоял до конца. Продержаться три раунда против самого Королева — это для меня решало все. Этим определялось мое боксерское будущее. Если я смог выстоять один раз, значит смогу и в другой… А там время покажет. Оно, кстати, работало на меня.

Королеву тогда было тридцать лет. Его список насчитывал

уже более ста пятидесяти боев, причем чуть ли не две трети из них он закончил нокаутом.

Впервые он завоевал звание абсолютного чемпиона страны, когда ему исполнилось девятнадцать, и с тех пор, если не считать годы войны, никому не уступал почетного звания. Не раз он отстаивал честь советского бокса и за рубежом, но там равных ему тоже не находилось. Это был уникальный боксер — из тех, кого называют прирожденными бойцами. Обладая железной волей и спокойным, знающим себе цену мужеством, он признавал на ринге лишь одну тактику — тактику максимального обострения поединка, тактику бескомпромиссной, на пределе физических и моральных сил, борьбы. С первой и до последней минуты схватки он стремился создавать такие положения, которые вплетали в сюжет боя постоянную напряженность, риск и опасность. Однако делалось это отнюдь не из любви к острым ощущениям; искусство боксера, считал Королев, полнее всего раскрывается в критические моменты боя, и чем насыщеннее ими схватка, тем проще добиться победы тому, кто сильнее. А в силе своего искусства и мастерства он никогда не сомневался.

Позже, когда Королев уже оставил ринг, мне не раз приходилось слышать, будто его стиль боя излишне прямолинеен, чуть ли не примитивен и груб. Он якобы уповал в основном на свою феноменальную выносливость и чудовищной силы удары с обеих рук; шел, словом, напролом, ломая и подминая под себя противников.

Это, конечно, не так.

Королев действительно обладал феноменальными физическими данными. Редко кому удавалось сбить его с ног — таких случаев буквально считанные единицы, а нокаутом он не проигрывал вообще никому. С другой стороны, немного находилось и таких, кто мог выдержать мощь его страшных ударов. Если его боковой правой проходил, поединок, как правило, на этом и заканчивался.

Однако сказать о Королеве одно это — значит, не сказать ничего. Во-первых, Королев в совершенстве владел техникой. Именно она в первую очередь, а не только выносливость, позволяла ему работать, что называется, с открытым забралом. Блестяще владея такими видами защит, как нырки и уклоны, а также искусством опережающего встречного удара, он справедливо видел в своей знаменитой открытой стойке одно из естественных преимуществ, а не прием, облегчающий лобовые прямолинейные атаки. Уходя от ударов движениями туловища или подставляя под них плечи, он тем самым как бы разгружал руки от функций защиты, держа их в состоянии постоянной

боевой готовности. Брал он, когда нужно, удары и на лоб, после чего обычно следовала мощная ответная серия с обеих рук, избежать которой связанному собственной атакой противнику оказывалось, как правило, крайне трудно. Но делал это Королев только при крайней необходимости и уж, во всяком случае, гораздо реже, чем ему это обычно приписывали.

Вообще надо сказать, что ударов Королев не избегал, но пропускал их весьма редко. Кто бьет, тот и раскрывается, и Королев бесстрашно строил на этой азбучной истине жесткую тактику своих боев: ответный встречный удар бывал сокрушителен. Выжидать он не любил, предпочитая работу хотя и опасную, хотя и тяжелую, но зато результативную. На ринг он выходил не фехтовать, не набирать легкими ударами очки, а действовать кулаками в полный их вес и силу. Он знал цену своим ударам, но никогда не делал ставку лишь на нокаут; главная цель, которой он всегда добивался, — обессилить противника, сбить у него дыхание, сломить физически, а тогда, если даже и не удастся провести завершающий точный удар, необходимые для победы очки сами по себе наберутся.

Стиль — это умение выигрышно подать свои сильные стороны, свои преимущества. Королев отлично понимал, в чем его главные козыри, и всегда строил бой так, чтобы использовать их, по возможности, все до единого. Он обладал не только блестящей техникой и редкими данными, он был мудр и расчетлив на ринге, он был отличный стратег и тактик. А все, вместе взятое, делало его не просто первоклассным мастером, а, как я уже говорил, подлинно великим боксером. И пока позволял возраст, равных ему ни на отечественном, ни на зарубежном любительском ринге в те годы не было.

Королев, на голову возвышаясь над всеми своими соперниками, занимал в боксе особое место. Его авторитет был настолько бесспорен, а слава так велика, что он являлся как бы последней инстанцией, где подводились итоги и определялись окончательные оценки твоему спортивному весу и мастерству. Случайный успех в бою с ним исключался: Королев, без остатка посвятив себя рингу, никогда не пренебрегал требованиями режима и постоянно находился в отличной боевой форме. Снисхождения он не знал и скидок никому не делал. Работал он всегда ровно и всегда в полную силу. Кто бы ни был его противник — ветеран ринга или новичок — ему предстояло одинаково грозное испытание. И тот, кому его удавалось выдержать, мог не сомневаться, что стоит на верном пути, что трудная карьера мастера кожаной перчатки вполне ему по плечу.

Однако таких в то время было немного. Кроме Навасардова и

Линнамяги, давних и постоянных соперников Королева, из молодых боксеров достойное сопротивление ему могли оказать, пожалуй, только двое: Юрченко и Перов.

Первый бой с каждым из них я проиграл. Сначала Юрченко и Навасардову, потом Перову и Линнамяги.

Затем последовали реванши.

В Тбилиси, где проходило первенство страны 1948 года, я приехал вместе с Пастерисом. Там он впервые увидел Королева, который уверенно пробивался в финал, валя с ног соперников своими пушечными ударами. На Пастериса он произвел ошеломляющее впечатление.

— Это какая-то гаубица, а не человек. Живой танк, — сказал он как-то.

Пастерис имел в виду не физическую силу Королева, а его жестокую волю, его несокрушимое, непробиваемое упорство: пока на ногах — иду только вперед.

— И все же ты этот танк когда-нибудь остановишь, — задумчиво добавил Пастерис, не глядя на меня. Потом, вдруг повернувшись ко мне, словно отрубил: — Скоро остановишь!

Это прозвучало столь решительно и категорично, будто Пастерис только что заглянул каким-то образом в будущее и, вернувшись оттуда, лишь облек в слова то, что увидел собственными глазами. В интуицию Пастериса я верил, и его неожиданное предсказание запало мне в душу. Тем более что в Тбилиси я выступал успешно и, нокаутировав во втором раунде Юрченко, готовился встретиться в четвертьфинале с Анатолием Перовым.

Перов был старше меня всего на год. Но имя его давно уже пользовалось громкой известностью. В Тбилиси он вновь заставил заговорить о себе, добившись победы над такими асами, как Навасардов и Линнамяги. Перов обладал медвежьей силой и могучими легкими, которые позволяли ему непрерывно атаковать от первого до последнего удара гонга. Особенно он был силен в ближнем бою: его могучие боковые, которые он наносил без передышки, быстро оказывали свое действие, выматывая противника и подавляя его волю к сопротивлению. Отделаться от него было трудно: войдя в ближний бой, он обычно уже не отпускал от себя противника, преследуя его по всему рингу и непрестанно нанося удары.

— Боец! — сказал о нем Пастерис, наблюдавший за боями Перова с Навасардовым и Линнамяги. — Такого на «арабов» не возьмешь. Не из того теста!

— На арапа, — поправил я. — А зачем его на арапа брать? В боксе вроде бы пугливых нет.

— Еще как есть! Особенно среди тяжей, — отозвался Пастерис, пропустив мою лингвистическую справку мимо ушей. — Очень уж удары основательны. Тяжеловес по себе знает, что покалечить может, вот и от других инвалидности опасается…

— Перов на удар сам идет, — возразил я. — Чтобы ближний бой навязать.

— Видел. Оттого и заговорил про…

— Про арабов? — не удержался от шутки я.

— Про то, что он боец, — невозмутимо докончил Пастерис. — А что веселишься перед боем, это хорошо. Нервы в бою первое дело! Старайся только не подпускать его к себе, не жалей правой.

Правой я не жалел. И весь первый раунд держал с ее помощью Перова на расстоянии. Но во втором раунде Перов все же прорвался. Он применил свой обычный прием. Видя, что переиграть не удается, Перов ринулся напролом. Пропустив несколько сильных ударов, он достиг своего и завязал бой на короткой дистанции.

И тотчас пошли в ход его боковые.

Сколько я ни старался оторваться и восстановить дистанцию, ничего не выходило: Перов вцепился намертво. Сил он не берег: серии его, казалось, не имели ни начала, ни конца — сплошной вихрь ударов. Однако я сумел к нему приноровиться. Я видел, что Перов расходует неоправданно много энергии. Большинство его боковых не достигали цели: удары либо приходились в плечи, либо натыкались на мои перчатки; беда Перова заключалась в однообразии его атак. Он почти не пользовался ни прямыми, ни ударами снизу. Прямые, правда, в ближнем бою мало пригодны, зато хороши, когда противник старается разорвать дистанцию. Что же касается апперкотов, они при сближении просто необходимы. И когда незадолго перед гонгом мне удалось провести несколько ударов снизу — по печени и в область солнечного сплетения, — эффект их не замедлил сказаться: дыхание противника стало неровным, прерывистым.

— Попробуй теперь левой, — сказал Пастерис, вытирая мне лицо полотенцем. — Второй раунд все-таки остался за ним.

Совет был хорош, но выполнить его оказалось не просто. И все же в середине раунда мне это удалось. Прервав очередную серию боковых ударом снизу, я внезапно отступил назад и тут же ударил слева. Перова отбросило к канатам, но он сделал вид, будто ничего не произошло, и вновь ринулся в атаку. Но пропущенный тяжелый удар дал себя знать. Движения Перова, и без того вымотанного собственными непрерывными атаками, потеряли точность и стали заметно медленнее. Воспользовавшись

этим, я провел несколько прямых в корпус. Перов обмяк еще больше, но продолжал рваться вперед. Однако я уже не позволял ему сблизиться: моя правая не только сдерживала его натиск, но все чаще доставала цель. Перов явно выдохся и последние секунды перед гонгом работал уже на одной воле.

Путь в полуфинал был открыт.

Однако полуфинальный бой оказался очень коротким. Судьба во второй раз свела меня с Королевым. Впрочем, теперь ей делать это предстояло довольно часто: начиналась наша долгая — на многие годы — дуэль.

Королев повел схватку в своей обычной манере: финты левой, неторопливая игра корпусом — и молниеносная, как взрыв, атака. Я тотчас контратакую, отквитывая очки.

Теперь противник пытается завязать ближний бой, но я успеваю отойти назад и тут же совершаю непоправимую ошибку. Точнее, не ошибку — вряд ли можно назвать ошибкой результат превосходства противника в опыте и мастерстве; просто я попадаюсь на удочку. Королев, когда я отхожу назад, бьет левой и промахивается — так мне во всяком случае тогда показалось, — челюсть его открыта и лучшее исходное положение для удара слева трудно представить: пользуюсь моментом и сильно бью прямым. В ответ получаю встречный боковой в переносицу.

Впечатление такое, будто потолок рухнул мне на голову; белая вспышка в глазах, пронзительная сверлящая боль, и я на полу. Пытаюсь встать, но сделать это не так-то просто. Пол как живой, колеблется под ногами; судья почему-то тоже качается. Счета я не слышу: в ушах звон. Ищу глазами противника: Королев, оказывается, уже ушел к себе в угол, что-то говорит секунданту… В чем дело? Я же на ногах, бой еще не окончен…

Через канаты на ринг перелезает врач, а вслед за ним Пастерис. В ушах что-то булькнуло, словно барабанные перепонки проткнуло тупой иглой, и я, наконец, услышал рев на трибунах и сквозь него — голоса врача и рефери. Теперь ясно: у меня сломан нос, и бой прекращен ввиду явного преимущества.

— Вот и напророчил! — невесело пытался я шутить вечером в номере гостиницы. — На кофейной гуще и то лучше гадают.

— Не переживай. На твоем месте всякий бы нарвался. Никто бы не сообразил, что это финт, — утешал меня Пастерис.

— А ты тоже считаешь, что финт? — спросил я. — Ведь он же провел тот левый прямой до конца…

— Видишь ли, в чем штука, — потер себе переносицу Пастерис. — Он знал, что опережает тебя своим боковым, если ты ударишь коронкой. Вот ты и ударил…

— Хрящ-то хоть скоро срастется?

— Не волнуйся, красивей прежнего будет, — заверил Пастерис. — Да… Удар у него не приведи господи!

— Выходит, он знал, что я ударю длинным прямым? А его встречный короче и…

— И он промахнулся, чтобы специально раскрыться! — докончил за меня Пастерис. — Считай, что это был финт.

— Ладно, уговорил, — рассмеялся я. — Ну а как все же насчет кофейной гущи?

— Твои козыри против него — это твои ноги, — не отвечая на улыбку, твердо сказал Пастерис. — Ставь на них, и ты его переиграешь. А нокаут у тебя в левой тоже есть. Вспомни, как ты посадил Навасардова. Только вот…

— Что только?

— Думаю, что такого, как Королев, все-таки не завалишь. Скала, а не человек. Его надо брать по очкам.

Я понимал, что Пастерис говорит дело. И о моей подвижности, которая могла стать немалым преимуществом; и о том, что маловероятно выиграть у Королева нокаутом — во всяком случае, пока это еще никому не удавалось, и об очках — ведь выстоял же я против него в Риге все три раунда, и об ударе — Навасардова редко кому удавалось сбить с ног… Все это было правильно. А главное, мне очень хотелось верить, что Пастерис прав, и его обнадеживающий прогноз помог не только пережить неудачу, но и вновь вернуть пошатнувшуюся веру в собственные силы.

Человеку мало верить в себя самому. Ему необходимо, чтобы в него верили и другие. Со стороны, как говорится, виднее. А Пастерис видел со стороны. Он видел то, чего мог не замечать я сам: к себе человек привыкает. И хотя мне порой казалось, что он здорово преувеличивает, заблуждаясь на мой счет, но веских оснований для подобных сомнений я не находил и всякий раз кончал тем, что решал положиться на его мнение. Уж очень приятно было иметь единомышленника.

А вскоре надежды Пастериса стали обретать под собой реальную почву.

Пятнадцатое юбилейное первенство страны по боксу намечено было провести у нас в Каунасе. В Москве в связи с этим решили усилить тренерский состав отдельных спортивных обществ, и к нам в республику приехал Виктор Иванович Огуренков, брат знаменитого Евгения Огуренкова, о котором в то время ходили легенды.

Боксерское имя Евгения Огуренкова пользовалось непререкаемым авторитетом и огромной популярностью. Его боевой карьере можно было позавидовать. Начал он в легком,

затем перешел в полусредний и, наконец, в средний вес — и всюду неизменно добивался звания первой перчатки. Семь раз поднимался он на высшую ступеньку пьедестала почета; четыре как легковес и трижды в качестве чемпиона полусредней и средней весовых категорий. А в 1944 году ему удалось совершить то, что иначе, чем подвигом, пожалуй, не назовешь: выиграв пятираундовый бой у Навасардова, он завоевал звание абсолютного чемпиона Советского Союза. Такого в боксе никогда прежде не случалось: боксер-средневес победил чемпиона страны в тяжелом весе! Правда, на другой год Королев восстановил, как говорится, статус-кво, отобрав у Огуренкова титул самого сильного боксера отечественного ринга. Но и ему это далось нелегко: Огуренков упорно дрался все пять раундов, так и не дав своему грозному сопернику провести завершающий удар. Судьи отдали победу Королеву с небольшим перевесом в очках.

Встречался Евгений Огуренков и с другим великий боксером того времени — будущим трехкратным олимпийским чемпионом, многократным чемпионом Европы, а затем одной из лучших перчаток профессионального бокса, знаменитым венгром Ласло Паппом. Папп, несмотря на всю свою блестящую технику и чудовищной силы удары, не смог добиться перевеса и потерпел поражение.

Сила Огуренкова заключалась в его универсальности и огромном тактическом разнообразии. Одинаково искусно владея и ближним боем и боем на дистанции, великолепно работая как в нападении, так и на контратаках, он подбирал к каждому противнику особые ключи, навязывая ему манеру боя, в которой то чувствовал себя слабее всего. Привыкнуть к. нему было невозможно. Постоянно шлифуя технику и накапливая в своем боевом арсенале всевозможные новинки он всякий раз строил поединок на какой-либо неожиданной для соперника основе.

Если имя одного брата гремело на ринге, имя второго значило в боксе не меньше — Виктор Иванович Огуренков славился как великолепный воспитатель и прекрасный тренер. Когда он, приехав в Каунас, согласился взять меня под свою опеку, мне повезло вдвойне. Во-первых, лучшего учителя нельзя было и желать, а во-вторых, Виктор Иванович придавал особое значение в подготовке боксера-тяжеловеса способности к быстрому и широкому маневру на ринге, что оказалось мне особенно на руку. Он заинтересовался во мне тем, на что делали ставку мы с Пастерисом и что в то время являлось моим основным козырем в завязавшемся соперничестве с Королевым. Новый тренер, хотя и не разделял наших надежд в той степени, в которой нам с Пастерисом хотелось бы, но тоже считал, что

шансы у меня есть. Нужно лишь упорно готовиться.

На что в процессе подготовки следует сделать особый упор, указал сам Королев, который после Тбилиси обратил наконец на меня внимание.

«Такого напряжения в поединках боксеров, как на 14-м первенстве СССР, я еще не видел, — писал он в одном из журналов. — И что больше всего меня радует, это появление на большом ринге талантливых молодых тяжеловесов. Особо хочу отметить выступление москвича Анатолия Перова. Ему 20 лет. У него замечательные физические и моральные данные: сила, решительность, выносливость. Именно этими качествами я и объясняю его победы над моими постоянными противниками, первоклассными тяжеловесами — тбилисцем Андро Навасардовым и эстонцем Мартином Линнамяги. Однако у Перова есть еще ряд существенных недостатков. Основные из них — довольно однообразная тактика и недостаточная маневренность на ринге. Серьезного внимания заслуживает 19-летний литовец А. Шоцикас. У него грозный удар и высокие моральные качества. Особенно показателен в этом отношении его бой с Перовым. Проиграв сильно второй раунд, Шоцикас нашел в себе силы, чтобы добиться перелома и одержать победу. Шоцикасу нужно больше работать над приобретением выносливости, которой пока ему не хватает».

Возразить против этого было нечего. Королев точно обозначил наши с Перовым главные недостатки. Следовало лишь добавить, что они, начиная список, далеко его не исчерпывали.

Работать приходилось много, но дело спорилось, и чувство увлеченности не теряло своей остроты, а, наоборот, день от дня росло. Жизнь моя к тому времени уже вошла в накатанную колею. Школу я успел закончить и стал студентом Каунасского института физкультуры. А после того, как я в конце 1948 года, победив чемпиона Латвии Мейлуса и чемпиона Эстонии Линнамяги, завоевал первое место на спартакиаде Прибалтики, мне присвоили звание мастера спорта.

В том же году состоялась и моя первая встреча с зарубежным боксом. В Ленинграде проходил матч с боксерами Финляндии, где мне удалось нокаутировать во втором раунде финского тяжеловеса Пеккалу. Выиграл я и в местных республиканских соревнованиях — нокаутами в первых раундах. Дело, словом, не стояло на месте, рос вместе с ним и я сам.

ДУЭЛЬ

Но все это — Юрченко, Навасардов, Линнамяги, Перов — являлось лишь подступами к главному, к спору, который уже завязался между мной и первой перчаткой страны, Николаем Королевым. И третья наша с Королевым «дискуссия», как я рассчитывал, должна была состояться на ринге XV юбилейного первенства Советского Союза.

В начале июня 1949 года в Каунас съехались 260 лучших боксеров страны и несколько десятков тысяч болельщиков и любителей бокса. Личное первенство решено было проводить по двум группам; в одной участвовали мастера и перворазрядники, во второй — боксеры второго разряда. Это давало возможность наиболее полно представить на каунасском ринге всю девяностотысячную армию рыцарей кожаной перчатки.

В городе в эти дни, казалось, говорили только о боксе. Каунасская газета «Тарибу Лиетува» целиком отдала свои страницы под спортивные обзоры и выступления знаменитых мастеров ринга. Гостиницы давно были переполнены, а в город продолжали прибывать все новые и новые группы болельщиков — из Вильнюса, Шяуляя, Мариамполе, Кайшадориса, одним словом, со всех концов Литвы. Бокс в республике всегда считался одним из самых популярных видов спорта: статистика отводила ему третье место — сразу после футбола и баскетбола.

Утром в день начала соревнований городской транспорт работал преимущественно в одном направлении — к горе Витаутас, где размещался огромный спортзал Литовского института физкультуры. Флаг открытия XV юбилейного первенства поднял под гром аплодисментов десятков тысяч любителей бокса абсолютный чемпион страны Николай Королев.

Особый интерес зрителей, естественно, вызывали поединки, в которых участвовали литовские боксеры.

Начали они неплохо. В первой же паре боксер наилегчайшего веса, представитель литовского общества «Жальгирис», Куликов добился победы у своего соперника из Молдавии. Вслед за ним выиграли по очкам средневес Мицкявичус и полутяжеловес Рудис. Всего за первый день в двенадцати проведенных на обоих рингах поединках боксеры Литвы одержали восемь побед.

В тяжелом весе сюрпризов не было. Королев уверенно сломил сопротивление армянского тяжеловеса Ахумяна, заставив того отказаться на четвертой минуте от продолжения схватки. Анатолий Перов вновь выиграл по очкам у Навасардова. Мне также удалось добиться решительного преимущества в бою с

чемпионом Российской Федерации Шалаевым: рефери после двух нокдаунов прекратил бой в начале второго раунда.

На другой день Королев в том же стиле провел свой второй бой с чемпионом Вооруженных Сил Додельцовым. Проведя сразу же после удара гонга несколько коротких, но мощных атак, Королев совершенно деморализовал своего противника и уже на второй минуте послал его боковым в голову в нокаут. А в «Тарибу Лиетува», как бы в пояснение к этим двум боям, появилась статья Королева «Использование удара».

«Решительная победа невозможна без наступления, — писал он в ней. — Наступательный бой должен быть маневренным. Уметь нащупать слабое место в защите противника путем маневров и обманных движений — значит заставить его раскрыть защиту и тем самым открыть путь для своего удара. В тех случаях, когда удар достиг цели, но не привел к ожидаемому результату — чистой победе, следует без спешки выбрать уязвимое место для последующего удара и наносить удары в ходе преследования, пока противник не будет побежден или не откажется от боя».

Именно так и поступал сам Королев. Шел вперед, атакуя своих соперников из любых положений и непрерывно нанося мощные удары с обеих рук, а те либо валились на брезент, либо их секунданты выбрасывали на ринг полотенце.

Статья была опубликована под рубрикой «Советы мастера», но беда заключалась в том, что воспользоваться этим советом могли, кроме самого автора, лишь очень немногие боксеры. За тактической простотой боевой манеры Королева скрывалось огромное мастерство и тонкая, разносторонняя техника. Без них о подобной тактике нечего было и мечтать.

Об этом в следующем номере газеты, под той же самой рубрикой, категорично высказался ветеран советского бокса, заслуженный мастер спорта Яков Браун. Анализируя бой одного из многочисленных подражателей королевскому стилю москвича Леонида Козлова, который, стремясь закончить схватку нокаутом, но не обладая опытом и искусством своего именитого учителя, ввязался в откровенный обмен ударами, Браун писал: «В результате получилась рубка, бой по порочной системе «чья голова крепче». Оба боксера «плавали», оба получали удары, которых можно бы избежать, и во втором раунде Козлов, нарвавшись на встречный удар, оказался на полу. Исход поединка решило не мастерство, а случайность». Разобрав далее еще несколько аналогичных боев, Браун закончил лаконичным, но весьма вразумляющим наставлением: «Боксеры, стремящиеся закончить бой решающим ударом, должны прежде суметь

заставить противника раскрыться и не надеяться, что это удастся сделать в момент обмена ударами».

Дополнение Брауна к статье Королева явилось весьма существенным, но на стороне абсолютного чемпиона страны стояла его собственная практика, которая оказывала на многих боксеров гораздо более сильное влияние, чем любые, самые бесспорные теоретические выводы и обобщения. Рубки на обоих рингах было хоть отбавляй. Более сорока боев, например, закончилось рассечением бровей; хватало с избытком и других травм. Но общий уровень мастерства на каунасском первенстве оказался тем не менее достаточно высок — это в те дни отмечали все спортивные обозреватели.

Добились крупного успеха и наши литовские боксеры. Забегая вперед, скажу, что они, набрав, как и сборная Латвии, 25 очков, заняли в командном зачете шестое место.

Заслуженный мастер спорта Виктор Степанов посвятил им в своей обзорной, подводящей итоги первенства статье специальные строки. «В заключение отдельно хочется сказать о боксерах Литовской ССР, — писал он. — Сборная Литвы выступила дружным, хорошо подготовленным коллективом. Те времена, когда команда Литовской ССР с разгромным счетом 0:8 проиграла команде Москвы, прошли. Техника, физическая и морально-волевая подготовка боксеров Литвы заметно выросли. Сейчас команда прочно находится в десятке лучших страны. Такие боксеры, как мастера спорта Шоцикас, Серапинавичус, Гроховский и Шнейдеманс, являются достойными противниками признанных мастеров кожаной перчатки. Второй тяжеловес Советского Союза А. Шоцикас заметно вырос в технике бокса, стал более подвижен, разнообразен. Безусловно, лишь он один может оказать достойную конкуренцию чемпиону СССР, заслуженному мастеру спорта Н. Королеву».

Но все это было позже. А пока бои на каунасском ринге продолжались, и будущим победителям предстояло еще доказать право на звание первых перчаток страны. Что же касается тяжелого веса, то оценка Степанова оказалась и вовсе преждевременной — каунасский ринг так и не выявил ни первого, ни, как выразился Степанов, «второго тяжеловеса». Вышло так, что советский бокс в том году вообще остался без чемпиона в этой весовой категории.

Королев, вынудив своего третьего противника, украинского боксера Федяева, отказаться после первого раунда от продолжения схватки, вышел в финал. Мне это тоже удалось. Победы над Мартином Линнамяги и Анатолием Перовым обеспечили мне возможность попытаться завоевать золотую

медаль чемпиона Советского Союза.

— Дело за малым: убедить Королева, что для тебя эта медаль важнее. И по возможности, не словами, а как принято говорить в боксе, с помощью жестов, — пошутил, напутствуя меня, Огуренков. — И не старайся закончить бой в первом же раунде, это может создать неправильное впечатление!

— Двигайся! Твоя победа не в руках, а в ногах, — сказал Мисюнас.

— Ни пуха ни пера! — пожелал Заборас.

И вот мы с Королевым снова вместе на ринге. Это наша с ним третья встреча.

Все как обычно. Судья скороговоркой произносит знакомую формулу боя, быстро отступает в сторону. Глухо звучит гонг. И «живой танк», по выражению Пастериса, начинает неотвратимо двигаться на меня. Движения Королева по-прежнему скупы и неторопливы, левая рука опущена ниже резинки длинных, до колен, по тогдашней моде, трусов, бритая крупная голова, как всегда, открыта, будто специально поджидая удара… Но я не забыл Тбилиси и отступаю назад, ограничиваясь пока одиночными прямыми правой.

А вот и атака! Два подряд быстрых боковых левой — до самого последнего мгновения не разберешь, то ли финты, то ли настоящие удары — и Королев входит в ближний бой, чтобы развить атаку своими знаменитыми сериями по корпусу. Но я настороже. Отхожу назад, нанося ответный удар правой в голову.

Дистанция восстановлена. Противника это явно не устраивает. Несколько энергичных, наслаивающихся одна на другую атак! Но меня вновь выручает мой верный конек — быстрая реакция и подвижность. Прав Пастерис, тысячу раз прав: ноги и еще раз ноги! Ни один из ударов Королева пока не прошел; мне же несколько раз удалось удачно контратаковать левой. Удары легкие, но очки за мной.

Королев, видимо, что-то опять задумал. Наступает, но в ближний бой не рвется — финтит корпусом и левой. Холодные серые глаза неотрывно смотрят мне прямо в зрачки. И вдруг их взгляд сорвался и скользнул куда-то вниз; не раздумывая, чисто автоматически, я молниеносно опустил локоть. Это было сделано вовремя. Мощный боковой Королева обрушился на меня, прижав мой локоть к солнечному сплетению. Упусти я мгновение, и мне бы несдобровать. Крюк правой зародился из самого невероятного для удара положения. А ощущение такое, точно двинули под ребра поленом… От последовавшей за ним стремительной серии я вновь избавляюсь быстрыми отходами назад, подкрепленными сдерживающими прямыми правой.

Гонг, возвестивший конец первого раунда, прервал бурную атаку Королева.

— Пока хорошо! Инициатива его, очки за тобой, — быстро бросил мне Огуренков, закручивая надо мной полотенце. — Старайся чаще контратаковать. У тебя это сейчас получается.

Раундом я и сам был доволен. Впервые мне удалось в течение целых трех минут не пропустить ни одного из сильных ударов Королева. А ведь он атаковал почти непрерывно.

Неужели не выдохся? Неужели не устал? Я взглянул в противоположный угол: у моего соперника спокойное, словно высеченное из каменной глыбы лицо, дышит ртом, грудь вздымается высоко, но это ни о чем не говорит, — кто из боксеров не старается как можно лучше провентилировать в перерыве легкие! Дыхание в бою — половина дела.

Второй раунд. Королев, будто первого не было, прямо из своего угла устремляется через весь ринг ко мне. Мои прямые правой на этот раз его не останавливают — он принимает их на лоб; и тут мне приходится туго — меня несколько раз встряхивает от увесистых ударов снизу и сбоку. Надо вырываться из ближнего боя. Бью вразрез левой, делаю шаг в сторону и еще раз слева, боковым… Достал! Вижу, как дернулась голова противника. Только бы мне не упустить момент: правой в голову, еще раз боковым, а теперь прямой левой в… От встречного удара потемнело в глазах; отскакиваю вслепую назад и натыкаюсь лопатками на канаты: Королев, нагоняя, уже развернулся в длинном — от бедра — убийственном свинге… Ух, кажется, обошлось. В последнее мгновение успел нырнуть под перчатку; тут же вхожу в клинч и без зазрения совести крепко обхватываю противника обеими руками.

На трибунах оглушительный свист. Расходимся по команде рефери «брэк», и Королев, не теряя ни мгновения, снова бросается в атаку. Отскакиваю назад — раз, другой… При очередном отходе сильно попал правой прямо в подбородок. Королев вроде бы временно стих; ему надо восстановить растраченные в яростных вспышках силы. Мысленно перевожу дух: прав Пастерис, прав Огуренков — ноги, тысячу раз ноги! Но ведь Огуренков советовал еще и контратаковать, говорил, что у меня сегодня хорошо получается… И вдруг, неожиданно для себя, я сам бросаюсь в атаку. Для Королева это, кажется, тоже сюрприз. Он, конечно, верен себе и, хотя явно устал, не пытается уклониться, наоборот, упрямо идет навстречу. Впрочем, чему удивляться — никто никогда не видел, чтобы он отступал. Лучше умрет, чем сделает шаг назад.

Успеваю достать его очень сильным боковым слева. Что он, в

самом деле, из камня, что ли? Скольких я уже посадил этим боковым, а ему хоть бы что. Снова атакует…

Гонг.

— Раунд твой! — говорит Огуренков. И мне почему-то кажется, что он сейчас засмеется. Но он не смеется. Он крутит и крутит полотенцем. Крутит и опять говорит: — Раунд твой!

Что, интересно, сейчас думает Заборас? Но мне некогда отыскивать его глазами, спрошу после боя. А сейчас — дышать, дышать, дышать… И почему люди не стремятся дышать всегда полной грудью? Они даже не замечают своего дыхания, не обращают на него внимания, плюют на него… А как это здорово, когда есть несколько секунд передышки, и ты можешь глотать, втягивать в себя литрами живительный, возвращающий силы воздух!

А Огуренков все крутит и крутит полотенцем. И я дышу, дышу…

Третий раунд начинается в обоюдной атаке. Но я не зарываюсь. Я не забыл Тбилиси: хрящ у меня сросся, и нос, как обещал Пастерис, стал почти лучше прежнего, но все-таки я помню Тбилиси. Я атакую, но не зарываюсь. Несколько быстрых ударов и сразу отхожу. К моему удивительному противнику, который не знает, что такое сделать шаг назад, нельзя привыкать. Его надо уважать; яростно, до самозабвения уважать; уважать каждый миг, каждую секунду, уважать и стараться держать на дистанции. В ближнем бою он может сломать не только нос, но и ребра, а может даже целиком всю грудную клетку… Мне вдруг почему-то становится весело; я мокрый, как мышь, дышу, как паровоз, едва таскаю свои знаменитые — сверхбыстрые и сверхподвижные — ноги по рингу, но в то же время чувствую, что мне почему-то становится весело. Этого, конечно, никто не увидит, физиономия у меня вся в пятнах от пропущенных ударов, и улыбки, разумеется, на ней не найти — мое веселье спрятано где-то глубоко внутри, но я его все же чувствую. Неужели я выигрываю бой?

На трибунах стоит сплошной рев, большинство болельщиков еще в первые секунды после гонга вскочили на ноги и теперь уже не сядут до самого конца. Я твердо знаю: не сядут. Но не надо отвлекаться, не надо забывать про ноги; это мне только кажется, что я их едва таскаю, на самом деле они еще в полном порядке, они по-прежнему вовремя уносят меня из-под сокрушительных ударов противника. Но и я не остаюсь в долгу, я тоже отвечаю на удар ударами, и они проходят, эти удары, они достают цель — печень, солнечное, подбородок… Это неплохие удары, они приносят очки; жаль только, что действовать в основном

приходится правой рукой. А я левша. Вот бы и ударить левой. Но левой трудно, за моей левой противник неусыпно следит… На удары справа ему, видно, наплевать… Что ж, дело его. Судьи на это смотрят иначе, у них другое мнение на этот счет.

А вот, наконец, прошел и прямой левой. В корпус. Внешне на Королева и это не действует. Но там посмотрим… Да, сегодняшний бой не похож ни на тот, что был в Риге, ни на тот, что в Тбилиси. Королев не только нападает, теперь ему приходится и обороняться. Активная оборона, но все-таки оборона. А главное, я не иду на поводу, не мотаюсь у него на привязи. В выгодный ему ближний бой он проходит все реже и реже, да и выходить из него без особых потерь я, кажется научился. Основное, не допускать встречного боя, тут против него долго не выстоишь. Не таких с ринга на руках выносили…

Бросаю мгновенный взгляд на часы — осталось меньше минуты. Теперь нужно выложиться до конца, не жалеть сил — нужна концовка. А есть что выкладывать? Остались ли силы?

И вдруг я чувствую, что совсем выдохся, что вот-вот свалюсь с ног без всякого удара. Неужели не дотяну?.. И тут где-то в глубине сознания опять вспыхивает острый огонек какого-то сумасшедшего веселья; оно, я чувствую, граничит с отчаянием, но оно помогает мне.

Гонг застает нас в обоюдной атаке. Я опускаю руки, делаю шаг в сторону и чувствую, что сейчас заплачу…

— Бой твой! Твой! — кричит мне прямо в ухо откуда-то появившийся возле канатов Пастерис. Лицо его сияет, и, выталкивая меня на центр ринга, где уже поджидает, чтобы объявить победу, рефери, снова кричит мне вслед: — Ты выиграл!..

И судья поднимает вверх руку Королева.

Не знаю, сколько прошло времени, пока наконец не утихомирились трибуны. Зрители словно с ума посходили. Грохот и свист стоял такой, что у меня до сих пор начинает ломить в ушах от одного воспоминания.

Решение судей было в конце концов отменено. Звание чемпиона решили не присуждать никому — ни мне, ни Королеву, а личное первенство назначили, по указанию Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, разыграть заново. Это было беспрецедентное в истории бокса решение.

Кажется, больше всех тогда огорчился Заборас. По-моему, даже больше меня самого. Я, в отличие от него, не был так уверен в своей победе. Бой был равным — вот все, что я твердо знал, и этого для меня, в общем, было достаточно.

Иначе отнесся к делу Огуренков. Не вдаваясь в излишние

обсуждения, кто же все-таки выиграл — второй бой сам покажет! — он просто сказал, что я на этот раз оказался на высоте, и подробно объяснил, почему так считает.

— Не уступил инициативу — раз. Не ввязывался в рубку — два. Мешал работать Королеву в ближнем бою — три. С умом пользовался собственными ногами — четыре. И наконец, самое главное — дрался не вслепую, а в рамках намеченного тактического плана — пять… Словом, молодец! Готовься к матчу в Московском цирке.

Матч, который должен был наконец выявить в тяжелом весе чемпиона 1949 года, получил наименование турнира четырех сильнейших и состоялся в самом конце декабря, накануне нового, 1950 года. Победу вновь отдали Королеву, и на этот раз окончательно, но я знаю, что этот бой оказался для него самым трудным. Гораздо труднее, чем в Каунасе. Позже сам Королев так отзывался о нем: «За всю спортивную жизнь у меня не было боя столь сложного, столь драматического, чем этот бой с Шоцикасом, — писал он в своей книге. — Сравнивая как-то бой с шахматами, я говорил о постоянной, скрытой опасности внезапного мата в партии на ринге, так сказать, при всех фигурах на доске. Нечто подобное получилось в нашем с ним поединке. Сложный бой!»

И для меня он оказался не проще. И я до сих пор не знаю, кто же из нас тогда выиграл. Думаю, что скорее всего никто. Бой оказался исключительно ровным, но в боксе, как известно, ничьих не бывает. Хватит и той, что была в Каунасе.

В Москве все вышло иначе.

Во-первых, Королев, которого за последние десять лет никто ни разу не видел на полу, оказался в нокдауне. Это произошло в середине первого раунда.

Начал его Королев настолько стремительно и зло, что я сразу понял, как не понравилась ему наша предыдущая встреча. Он явно собирался отыграться за прошлое. Остановить я его не смог, и схватка завязалась на короткой дистанции. Я буквально утонул в шквале ударов. Было бы бессмысленно с моей стороны поддерживать этот бешеный темп: мастерство соперника в ближнем бою тотчас же не замедлило бы сказаться. В глухую я не ушел, но защищался как мог энергично. В общем, удалось выбраться из передряги более-менее благополучно; тяжелых ударов во всяком случае я не пропустил. Получилось и с ответными: два-три моих боковых дошли до цели.

К середине раунда Королев несколько умерил пыл. И не мудрено. После той бури, которую он только что устроил, иной не отдышался бы и за несколько минут. Королеву хватило секунд

двадцать; очередная бурная атака показала, что энергия противника вполне восстановлена. Но меня это не смутило — к феноменальной выносливости Королева все давно привыкли; я продолжал в прежней манере: отходы назад и в стороны, уклоны, нырки, ответные удары правой — не сильные, не частые, но зато точные.

Могло показаться, что я безнадежно проигрываю; по крайней мере, так считала публика — я слышал шум на трибунах, знал, что многие болельщики уже повскакали со своих мест. Но я не проигрывал. Впечатление со стороны порой обманчиво. Особенно на неискушенный взгляд. Неудержимый натиск Королева, его яростные, непрекращающиеся атаки неотразимо действовали на зрителей, создавая иллюзию, будто противник вот-вот рухнет, погребенный под вихрем ударов.

Однако тяжелые удары Королева чаще всего не достигали цели, попадая то в плечи, то по локтям, то в подставленные перчатки. И сам Королев, в отличие от зрителей, разумеется, это видел. То, что ему никак не удавалось сломить мое сопротивление, явно его раздражало. Но он был не из тех, кто поддается эмоциям, позволяет чувству взять над собой верх. Он был настоящий боец и настоящий боксер. Если он и испытывал ярость, то никогда не позволил бы ей вырваться наружу; она полыхала где-то в глубине сознания — холодная, зоркая и оттого втройне грозная; она возбуждала, как допинг, высвобождала, как это бывает при стрессе, резервные силы, но вместе с тем она не ослепляла и не обезоруживала, толкая на необдуманность или неосмотрительность. Королев работал жестко, может быть, жестче, чем обычно, но оставался самим собой — хладнокровным, трезвым, беспощадным.

И когда мне удалось достать его боковым левой, это не было с его стороны ошибкой: просто на этот раз я переиграл его и оказался быстрей. Он только что провел серию, завершив ее сильным ударом в голову — я ждал его, этот удар, и, нырнув под руку, ответил молниеносным встречным. Королев оседал на пол медленно, будто сомневаясь, правильно ли он делает, будто еще не поздно передумать и, приостановив усилием воли падение, остаться на ногах. Но так только казалось. Удар пришелся точно в подбородок, и действие его уже невозможно было преодолеть. И все же Королев не упал, как обычно падают от подобных ударов — лицом в брезент; его могучие руки не подломились, и он, опустившись на колени, тяжело уперся перчатками в пол.

Виктор Михайлов — когда-то извечный его соперник на ринге, а теперь судья — открыл счет.

Зрители вскочили с мест и, ошарашенные случившимся,

молча уставились на ярко освещенный квадрат ринга. Большинство из них еще не успело осознать, что, собственно, произошло. Под куполом цирка, только что сотрясавшегося от шума и криков, наступила короткая тревожная тишина, которую разрывал лишь резкий голос Михайлова, отсчитывающего секунды.

Королев встал на счете «четыре». Встал тяжело, но решительно. Он не захотел подождать до восьми, хотя несколько лишних секунд могли помочь ему прийти в себя. Тогда нокдаун считали только до тех пор, пока боксер касался брезента хотя бы одним коленом. Состояние грогги в счет не шло. Но Королев остался верен своему характеру и не пожелал воспользоваться передышкой.

Я по себе знал, что он сейчас испытывает, и отдал в душе дань его мужеству. Но на ринге нет места для сантиментов: бой есть бой, и сущность его всегда одна — сломить любой ценой сопротивление противника. Иначе он это сделает вместо тебя. И я, разумеется, бросаюсь в атаку. Ситуацию надо использовать до конца.

Королеву сейчас приходится туго. Он все еще оглушен: движения его чуть скованны, руки утратили привычную быстроту и точность — в мозгу, видимо, еще не осело взорвавшееся от удара облачко белесого тумана, заволакивающее и притупляющее сознание. Но Королев и не помышляет о том, чтобы уйти в глухую защиту, он даже не старается войти в клинч; все, что он себе позволил, — это поднять руки и прикрыть подбородок перчатками. Но и одного этого оказалось достаточно, чтобы потрясти воображение болельщиков: репутация несокрушимости Королева давно обрела характер незыблемой истины, и никому просто в голову не приходило, что он может изменить своей прославленной манере встречать удары либо плечом, либо движениями туловища. Его неизменный принцип: руки — не для защиты, а для нападения, был общеизвестен.

И вот теперь ему пришлось от него отступиться. Странно было видеть Королева в закрытой, сгруппированной стойке. Такого еще никогда не случалось. Хотя, если говорить вообще, ничего особенного здесь не было: боксеры, приноравливаясь к обстоятельствам боя, нередко изменяют характер стойки. Вся штука в том, что речь шла не о ком-нибудь, а именно о Королеве. Его авторитет как бы исключал аналогии.

Раунд кончился в мою пользу.

Сидя в своем углу, я видел, как секундант Королева, один из самых известных в прошлом боксеров — Константин Градополов, что-то торопливо говорил, подчеркивая слова энергичными

взмахами ладони. Королев коротко взглянул в мою сторону и кивнул. Пытаться разгадать смысл пантомимы явно не стоило. Она могла означать что угодно. В том числе и то, что я, чтобы закрепить успех, непременно стану наступать и тут-то меня как раз и следует ловить на удар. Последнее, кстати сказать, было наиболее вероятным. Но если и так, если даже я угадал, что другое мне остается делать? Атаковать я, разумеется, буду. В кои-то веки удалось послать Королева в нокдаун! Глупо не попытаться воспользоваться случаем, не попробовать выжать из него все, что можно. Тем более что, если упустить время и дать противнику окончательно прийти в себя, вторично надеяться на такую удачу вряд ли придется…

Тогда я не подозревал, что именно на подобный ход рассуждений рассчитывали противник со своим секундантом. Они знали, что молодость нетерпелива и часто выдает желаемое за действительное. Ничто не вынуждало меня отказываться от первоначальной, уже принесшей свои плоды тактики: вести бой на контратаках, максимально используя свое преимущество подвижности и быстроты передвижений на ринге; ничто, кроме собственного легкомыслия. Мне хотелось думать, будто противник почти сломлен и атаковать сейчас — лучшее средство, чтобы закрепить успех и добиться победы; мне хотелось так думать, и только поэтому я думал именно так, а не иначе. А то, что удачу принесла не тактика натиска, а тактика маневра и контратак, — об этом я старался не вспоминать. Какой смысл держаться за старое оружие, если оно уже сделало свое дело и теперь можно воспользоваться новым, более эффективным и действенным? А главное, более эффектным и желанным…

Конечно, понять меня было нетрудно. Просто мне очень хотелось выиграть бой. Прежняя тактика побед пока не принесла, а новая вселяла надежду. Особенно теперь, после того как противник побывал в нокдауне и, следовательно, утратил в какой-то мере боеспособность.

Однако беда заключалась как раз в том, что из этого ровно ничего не следовало. И, надо отдать должное Королеву, разубедил он меня весьма быстро.

Второй раунд начался совсем не так, как я предполагал. Я просто не успел ничего сделать. Королев ринулся на меня сам, ринулся столь стремительно, будто никакого нокдауна не было, и он только начинал бой. Королев не просто атаковал, он шел напролом, взрываясь раз за разом бурными многоударными сериями; энергия в нем клокотала, как в паровом котле, в котором до конца перекрыли клапан, и этот чудовищный по силе натиск невозможно было ничем остановить. Впрочем, я и не

собирался этого делать. Помня о решении, только что принятом мной в перерыве, я не хотел от него отступаться и переходить в оборону: на атаки я отвечал атаками же. Рубка шла на всех дистанциях, включая и ближний бой, — я уже не пытался его избегать. По рингу метался какой-то сплошной вихрь из ударов: оба мы били из всех, подчас просто из немыслимых положений, но перевеса пока не добился никто.

На трибунах творилось что-то невероятное. Решив поначалу, что Королев наконец-то нашел в моем лице достойного соперника, и видя, что в конце первого раунда игра пошла в одни ворота, большинство болельщиков поторопилось предсказать чемпиону страны поражение. Но второй раунд всех буквально ошарашил: Королев, развив с первой же секунды чудовищный темп, как нельзя более убедительно показал, что в архив его списывать явно рано. Его мужество, его упорство и стойкость могли хоть кого привести в восхищение, и ценители бокса отдавали сейчас ему должное: стены цирка, казалось, вот-вот не выдержат и рухнут.

Королев, разумеется, по-прежнему работал в своей обычной открытой стойке. Видимо, решил, что игра не стоила свеч, а, вероятнее всего, сказался его кремневый характер — во всяком случае, эта минутная его слабость никогда больше уже не повторялась. Удары он, правда, пропускал сейчас чаще обычного, но внешне они не оказывали сколько-нибудь заметного действия: натиск ничуть не слабел, а, казалось, усиливался от минуты к минуте.

В середине раунда я вновь попробовал перевести бой на дистанцию, чтобы попытаться улучшить момент и провести решающий удар левой. Несколько секунд я обрабатывал противника на расстоянии, тщательно готовя удар. И тут Королев внезапно снова прошел в ближний бой и, пока я пытался разорвать дистанцию, успел обрушить на меня одну из своих самых убийственных серий боковых по туловищу. Я отскочил, но было уже поздно. Короткие мощные удары в печень и в область сердца сказались через десяток-другой секунд: дыхание стало прерывистым, а тело и руки налились свинцовой усталостью. Королев действовал, как всегда: дождавшись, когда я в разгаре атаки ослабил защиту корпуса, он молниеносно сблизился и не медля пустил в ход свою тяжелую артиллерию. Конечно, он рисковал и мог нарваться на сильный встречный, но подобная угроза, конечно, не могла сорвать его замыслов: риск всегда был его стихией.

Теперь мы как бы поменялись ролями. Теперь уже я искал передышки, а Королев нападал, не давая мне восстановить силы.

Удары по корпусу — штука коварная. Внешне они неэффектны, и зрители их часто не замечают, но тому, кто их пропустил, от этого, конечно, не легче. Через какое-то очень короткое время боксер вдруг скисает прямо на глазах. Только что он царил на ринге, быстро и энергично двигался, осыпая противника градом ударов. А теперь — хотя, казалось бы, ничего не случилось, — движения его резко замедлились, атаки стали неточными и вялыми, удары запаздывают, попадают в воздух; а вот он отвернулся в сторону и сплюнул себе под ноги капу… Выплюнутая капа — верный и бесспорный признак, что дыхание окончательно сбито, а значит, и силы тоже на исходе.

Капу я не сплюнул — резиновый загубник, предохраняющий губы от рассечений, в те времена был еще редкостью, и большинство боксеров привыкли обходиться без него, — но воздуха легким явно не хватало. Дышал я часто и всей грудью. Противник мой, разумеется, это отлично видел и делал все, чтобы не дать мне перевести дух. Учить его, как это делается, не приходилось. Королев был великим мастером по этой части. Он буквально прилип ко мне и не отпускал от себя ни на шаг. Отяжелевшие ноги лишили меня главного преимущества — подвижности, и теперь я был всецело в его руках. А они, эти могучие руки, работали сейчас в полную силу, и мне с каждой секундой все труднее становилось сдерживать их натиск: короткие, без замаха, удары снизу и резкие хлесткие хуки все чаще и чаще пробивали защиту, обмолачивая, как цепами, мои бока, грудь и живот. В горле стало сухо, воздух врывался в легкие с хрипом и свистом, сознание заволакивала тупая, тяжелая боль… Вот оно, возмездие за легкомыслие! Хотел добить противника, а вышло, что добивают самого… Надо как-то продержаться до конца раунда, надо разорвать дистанцию…

Но дистанцию мне разорвать так и не удалось. Ее разорвал лишь удар гонга.

— Раунд ничейный, — сказал Огуренков, принимаясь за свою обязанность секунданта. — Думаю, что ничейный. В первой его половине ты был лучше. Значит, первый за тобой, во втором — ничья. Теперь дело за концовкой…

Да, дело за концовкой. Только вот где взять на нее силы? Грудь, казалось, вот-вот взорвется и разлетится на мелкие куски. Воздуху, воздуху, воздуху!.. И вдруг в нос ударило чем-то острым и резким, дыхание совсем перехватило, а из глаз покатились крупные слезы — Огуренков смочил край полотенца нашатырем.

Сознание сразу прояснилось, и дышать стало легче. Я вновь услышал скороговорку Огуренкова:

— …опережать. Он тоже устал. Старайся опережать!

Какое тут, к черту, опережать, подумал я, согласно кивая в ответ головой — пусть Огуренков успокоится, пусть не мешает дышать; какое, к черту, опережение, когда я того и гляди свалюсь с табуретки! Сейчас бы добраться до раздевалки, лечь, вытянуть ноги и закрыть глаза, и ждать, когда отпустит эта проклятая боль в боку и в животе, когда перестанет царапать и раздирать грудь, а потом напиться холодной, со льдом воды, одеться и поскорее убраться куда-нибудь подальше, все равно куда, лишь бы подальше, лишь бы не видеть больше ни Огуренкова с его нашатырем и дурацкими советами, ни орущих на трибунах зрителей, ни этого проклятого залитого безжалостным светом ринга, где из тебя выколачивают душу, будто пыль из старого ковра…

Но я знал, что никуда не уйду, что сейчас эта короткая и вместе с тем бесконечно долгая, растянутая чуть ли не в вечность минута передышки пройдет, и я вновь окажусь посреди ринга, вновь стану принимать и наносить удары, бить сам и получать сторицей в ответ. Таков бокс, и он, ей-богу, прекрасен…

Удар гонга бесследно смыл все эти и все другие мысли, сохранив в сознании лишь одно: Огуренков, конечно, прав, Королев тоже устал, и нужно попробовать работать на опережениях.

Поначалу у меня это получилось. Несколько раз мои прямые правой оказались быстрее, и очков прибавилось. Но когда на ринге Королев, торопиться с выводами не стоило. Я это хорошо понимал и не обольщался на свой счет. Дело решат не эти удары, до конца раунда еще далеко…

Однако бой едва не кончился для меня гораздо раньше.

Забегая вперед, хочу сказать, что, сколько бы раз я ни встречался с Королевым, привыкнуть к нему я так и не сумел, никогда не переставая удивляться его нечеловеческому упорству. Он всегда и во всем шел до конца, никогда не утрачивая своей безграничной способности искать возможность переломить бой в свою пользу, искать каждый миг, каждую секунду, искать вплоть до последнего удара гонга.

И тогда его тоже ничуть не обескуражил тот факт, что за минуту перерыва между двумя раундами мне удалось восстановить силы, восстановить настолько, что я оказался в состоянии не только продолжать бой, но и нападать, и даже опережать противника. Королев отнесся к этому спокойно; просто принял к сведению — и все. Так, по крайней мере, мне тогда показалось. Но когда я окончательно осознал, что вновь стал быстрее соперника, и начал искать случай, чтобы провести решающий удар, он вдруг перестал стремиться к сближению и

сам завязал бой на дистанции. Мне это было на руку. Финтя туловищем и угрожая прямым правой, я старался занять исходное положение для акцентированного бокового слева. Королев, будто облегчая задачу, сделал шаг в сторону и оказался на мгновение именно там, где мне нужно. А дальше произошло то, что случалось уже не раз и к чему я пока так и не сумел приспособиться: в тот момент, когда я уже находился в ударе и изменить ничего было нельзя, Королев молниеносно присел, подставив вместо челюсти лоб, и ударил вразрез.

Пол выскочил у меня из-под ног, прыгнул куда-то вверх, затем резко наклонился и наконец швырнул меня спиной на канаты. Пытаюсь уцепиться за них рукой, но она бессильно соскальзывает, ноги подламываются, и я валюсь ничком на брезент.

— Два… Три… — слышу я над собой голос Виктора Михайлова.

Уши будто заложило паклей, и шум трибун едва проникает в сознание, но счет я слышу отчетливо. Надо вставать… Встать! Я пытаюсь, но ничего не выходит: руки разъезжаются по хрустящему от канифоли брезенту, и я вновь опускаюсь на настил.

— Пять… Шесть… — это опять рефери. Хоть бы замолчал наконец… И что ему так неймется! Ну, лежит человек и лежит, никому не мешает… Вот полежу еще немного и встану. Пусть только пол перестанет крутиться. Крутится и крутится, точно карусель… И лежать на этом вращающемся полу, честно говоря, противно. Надо встать…

— Семь…

Я упираюсь в брезент руками и встаю на колени…

— Восемь…

Одно колено все еще касается пола…

— Девять…

Я уже опять на ногах…

— Бокс!

Вот именно, бокс, мелькает у меня в голове, и я, качаясь как пьяный, делаю шаг вперед. «Бокс, — думаю я и увертываюсь от мелькнувшей перед глазами черной перчатки. — Бокс, вот именно бокс», — повторяю я еще раз про себя, входя в клинч.

Пусть пол крутится и качается под ногами, пусть трещит и разламывается от свирепой боли черепная коробка, пусть плавают в глазах белесые клочья тумана — бокс, говорит рефери, и, значит, нужно продолжать бой. Бокс! А что, собственно, оно означает, это короткое, как удар бича, чужеземное слово, которое заставляет меня сейчас топтаться здесь, под ярким светом

юпитеров и сжимать в объятиях какого-то малоизвестного мне гражданина в трусах и майке, который норовит вырваться, чтобы двинуть меня под ребра или в подбородок… Бокс! Надо будет спросить потом Забораса или Мисюнаса, они, наверное, знают… Кое-что я уже успел, впрочем, узнать и сам. Например, то — как все-таки здорово чувствовать, что ты можешь положиться на самого себя, знать, что не сдашься, что выстоишь до конца, а если и не выстоишь, если вновь свалишься на пол, то это будет не из-за твоей слабости — просто противник оказался сегодня лучше, но завтра можешь стать лучше ты сам.

Да, противник силен. Но он уже падал сегодня от твоей перчатки. Теперь настал твой черед — что ж из того! Важно, что ты не сдался и встал. Важно, что гонг застает тебя, как мужчину, в борьбе…

Я, шатаясь, иду в свой угол и не слушаю, что говорит мне Огуренков. Не все ли равно, чью руку сейчас поднимет судья в знак победы. Я знаю теперь самое главное: бой был одинаково трудным для нас обоих, и он еще далеко не кончился, этот наш затянувшийся бой.

БОЙ С ТЕНЬЮ

В Каунас я вернулся в отличном настроении. Прошло ровно два года, как я впервые надел кожаные перчатки. Время ученичества кончилось. Теперь я уже мог считать себя зрелым боксером. За плечами у меня было тридцать девять боев, тридцать один из которых удалось выиграть. Причем двадцать — нокаутом. Добился победы и над сильнейшими тяжеловесами страны: Навасардов, Перов, Юрченко, Линнамяги — все они один за другим сложили оружие. Конечно, они не сдались, они вновь и вновь будут выходить на ринг, и всякий новый бой станет для меня новой проверкой сил, новым испытанием, но это уже не тревожило. Я верил, что сумею удержать за собой завоеванное.

Оставался лишь один Королев — единственный во всей стране, у кого мне так и не удалось ни разу вырвать победу. Четыре боя — четыре поражения. Но не одни только поражения… Эти бои стали и моей лучшей школой. Ничто не могло бы столько дать, сколько дали эти бои… Королев учил меня пусть беспощадно и жестоко, учил своими, порой слишком тяжелыми кулаками, но зато и сама его наука оказалась для меня бесценной. Под его пушечными ударами, когда каждый раунд казался вечностью, а каждая секунда полыхала нестерпимым накалом, постигались не только секреты боя, но и сама сокровенная сущность единоборства на ринге. Видя, как Королев упрямо идет на удары, идет, не щадя ради поставленной цели ни себя, ни противника, я порой чувствовал, будто собственными руками щупаю тот гранит, из которого вытесан его характер, и сила этого характера каким-то образом передавалась мне самому.

Поднимаясь с пола в Риге и Тбилиси, в Каунасе и Москве, я всякий раз ощущал и собственную причастность к тому, что уважал и ценил в своем грозном противнике. Его мужское достоинство, его гордость бойца постепенно, раз от раза передавались и мне. Между нами возникла какая-то незримая связь, которая не просто связывала нас, а как бы соотносила друг с другом. Я видел уважение в его глазах, когда после шестого нокдауна встал на ноги в Риге, я знал также, что он испытывал чувство удовлетворения, когда я поднялся на счете «девять» в Москве. Все это нисколько не мешало ему тут же обрушить на меня всю мощь своих жестоких ударов, чтобы, если удастся, снова и снова сбивать меня с ног, сбивать до тех пор, пока я не смогу больше продолжать бой. И все же, если бы он увидел, что я мог встать, но не встал, это не принесло бы ему удовольствия. Напротив, он ощутил бы нечто вроде того, будто обманулся в

своих ожиданиях. Казалось бы, тем убедительнее победа, если противник сложил оружие, осознав полную бесполезность дальнейшей борьбы, но Королеву нужно было другое — ему нужен был бой до конца, бой, в котором бы не осталось никаких недомолвок и в котором противник сделал абсолютно все, что мог. Уважение к побежденному становилось уважением к победителю.

Королев помог мне понять самого себя. Помог отыскать на ринге то, что я искал все это время, — мой собственный, скрытый до того от меня самого характер.

Если это и звучит странно, то только на первый взгляд. Понять и найти себя дано далеко не всегда и далеко не каждому. Люди нередко живут не своими жизнями и не своими характерами — им лишь кажется, что они то, что есть. А на самом деле они совсем не знают самих себя, и порой только чрезвычайные обстоятельства способны развеять их привычные заблуждения на собственный счет. Однако обстоятельств этих можно ждать очень долго, а можно и не дождаться вообще. И тогда догадки останутся непроверенными, и лишь смутная неудовлетворенность будет время от времени напоминать о том, что что-то так и не свершилось в тебе, так и не раскрылось, неприметно увяв и заглохнув. Но, если уж повезло, если удалось по-настоящему, до дна, заглянуть в собственную душу, тогда обычно дороги назад нет, тогда сознаешь, что отныне и на всю жизнь стал самим собой.

Путь к себе у каждого свой. Моим путем стал ринг, и встречи на нем с Королевым сделали его намного прямей и короче.

Что же касается искусства бокса, ему, кроме Королева, меня учили как мастера старшего поколения — Навасардов и Линнамяги, так и мои сверстники — Юрченко и Перов. Под их увесистыми кулаками я быстро набирался ума-разума, навсегда усвоив, что на ринге нет слабых противников, что любой может стать и грозным и опасным, стоит только чуть-чуть переоценить свои собственные силы. Ринг требует уважения сам по себе и зазнайства или легкомыслия никому не прощает. Особенно в тяжелом весе, где каждая ошибка, каждый пропущенный удар легко могут привести к катастрофе, которой ничем уже не поправишь. В этом, к сожалению, мне еще не раз предстояло убедиться. Но не только самому. Приходилось убеждать и других.

Еще до поединка в Московском цирке мне довелось побывать за границей. В августе 1949 года в столице Венгрии Будапеште проводились международные студенческие игры. В состав нашей команды включили и меня.

Не стану рассказывать о своих переживаниях, они понятны:

первая поездка, как первая любовь, — любой пустяк, любая мелочь воспринимаются всем сердцем. Конечно, я тревожился, боясь подвести и нашу команду, и весь советский спорт, защищать честь которого мне было, как я считал, еще рано. Друзья подбадривали, заверяя, что таких, как Королев, среди любителей ни в Венгрии, ни в любом другом месте больше нет, а со всеми прочими я, дескать, легко управлюсь. Я смеялся, отвечая шуткой на шутки, но беспокойство в глубине души оставалось.

А тут еще кто-то показал мне моего будущего противника, чемпиона Венгрии в тяжелом весе Шараи, заявив при этом, что тот обещал нокаутировать меня в первом же раунде. Выглядел Шараи внушительно. Это был рослый, плечистый парень с хорошо развитым атлетическим торсом. Держался он небрежно и слегка высокомерно.

Конечно, судить о сопернике по одному внешнему виду вполне бессмысленно, но какое-то впечатление все равно остается, и на ринг ты выходишь именно с ним. Не знаю, что думал обо мне сам венгр, но мне его пренебрежительные слова не понравились — ведь никогда прежде мы с ним не встречались и знать друг о друге ничего не знали. Про себя я решил, что хвастовство это ему дорого обойдется.

Разумеется, я не собирался срывать на нем свое раздражение — на ринге такое не принято; просто я считал, что тот, кто способен на подобные легкомысленные заявления, и в бою должен вести себя столь же опрометчиво. А если так, завидовать венгру не приходится.

Спешить я не стал, весь первый раунд посвятил разведке. Шараи, видимо, то ли решил, что я его боюсь, то ли поверил, что я для него легкая добыча: настоящих ударов я пока сознательно не наносил — пусть поуспокоится и привыкнет. Так или иначе, но венгр к концу раунда все чаще и чаще атаковал, не забывая, однако, тщательно следить за защитой. Удар у него в правой был, только в ход его пустить никак не удавалось: я оказывался быстрее и либо опережал встречным, либо легко уходил. Шараи понемногу начинал нервничать и раздражаться. Чего я, собственно, и добивался. Рисковать мне не хотелось, а защита у него была поставлена совсем неплохо.

Во втором раунде я решил немного помочь противнику и раскрыл голову, будто попался на его финты и стараюсь понадежнее прикрыть печень. Венгр прыгнул, будто им выстрелили из пушки, — длинный свинг обрушился туда, где только что находился мой незащищенный подбородок; но беда в том, что удара я ждал и уйти от него не составляло никакого труда. Зато сам Шараи нарвался на ответный встречный.

Венгр сел, но тут же вскочил на ноги. Вижу, считает инцидент досадной случайностью. Тем лучше. Атакую теперь сам — боковым в голову. Шараи вздергивает вверх руки и получает прямой в печень; резко распрямляюсь и, не глядя, вторично бью левой же в голову — знаю, что противник уже успел опустить локти.

Так и есть. Шараи на полу. Подниматься, судя по всему, не собирается.

— За что боролся, на то и напоролся, — шутят ребята в раздевалке. Им весело: они свои бои тоже выиграли.

Труднее всего пришлось тбилисцу Габриэлю Ханукашвили. Перед встречей он повредил себе ребро. Любое движение вызывало нестерпимую, острую боль, а в легчайшем весе, если хочешь победить, двигаться надо особенно проворно.

Ханукашвили победить очень хотел. И оба его соперника, румын Маргарет и поляк Круза, даже не заметили, что Ханукашвили выходил на ринг с травмой. Темп, в котором он провел оба боя, оказался настолько высок, что противникам было не до наблюдений.

Отлично провели поединки и остальные. Булаков, например, нокаутировал обоих своих соперников — чемпиона Румынии Секоана и чемпиона Венгрии Сарта.

Моя вторая встреча с поляком Флишиковским прошла примерно в том же духе. Поляк от излишка боевого запала бросился на меня с места в карьер в первом же раунде. Он молотил кулаками до тех пор, пока я не остудил его пыла ударом в солнечное сплетение. Он лег, и судья сосчитал над ним до десяти.

В Будапеште я получил свою первую золотую медаль. Еще пять медалей привезли в Москву мои товарищи по команде. Не удалось добиться первых мест лишь двоим нашим боксерам: Ханукашвили, который проиграл финальный бой олимпийскому чемпиону венгру Чику, и средневесу Когану. Что касается Когана, то его противником в финальном бою оказался сам Ласло Папп. В тот раз я его увидел на ринге впервые. Все свои бои Папп закончил досрочно. Финальную схватку он провел тоже очень уверенно, послав Когана в третьем раунде одним из своих мощных боковых ударов в нокаут.

Папп хотя и работал в типичной для боксера-левши правосторонней стойке, но на самом деле левшой не был. Его стремительный правый крюк через плечо противника всегда оказывался неожиданным — не внезапностью самого удара, а его неожиданной сокрушительной мощью. Ведь обычно от тех, кто работает в правосторонней стойке, ждут сильного

акцентированного удара слева, а не справа; и Папп умело пользовался в бою этим своим преимуществом. До него в боксе были известны лишь так называемые скрытые левши. Папп же сумел перехитрить всех: он явился на ринг в редкостной роли скрытого правши. Именно такой коварный удар и отправил Когана в нокаут.

Домой мы возвращались в праздничном настроении. Советский спорт одержал в Будапеште блестящую и, можно сказать, сверхубедительную победу. Из 134 золотых медалей 114 завоевали наши спортсмены, а вместе с ними, естественно, и общекомандное первенство.

Но больше всего меня, конечно, обрадовали успехи моих земляков, литовских спортсменов. Мне навсегда врезалась в память встреча, которую нам устроили в Вильнюсском аэропорту. На летном поле собралась целая толпа. Тут были и спортсмены, и представители общественности, и просто болельщики, любители спорта. Нас буквально забросали цветами. А потом прямо у самолета как-то сам собой устроился импровизированный митинг. Долгих речей никто не говорил, просто каждый выразил, как умел, свою радость.

Эта теплая, какая-то по-домашнему непринужденная и вместе с тем очень эмоциональная встреча лишний раз подтвердила, как щедро и искренне любят у нас в Литве спорт. А знать это — для спортсмена великое дело.

Отметила успехи литовского спорта и пресса. Одна из газет не поскупилась даже на поэтичное слово. В своем обозрении, посвященном лучшим людям республики — героям труда, искусства и науки, — были и строки, адресованные нам, спортсменам:

Повсюду над Литвой свободной,
подняв перчатку чемпиона,
проходит Шоцикас в строю.
Он год от года неуклонно
чеканит технику свою.
Здесь три Микенаса. И каждый
уже прославлен не однажды:
ваятель, мастер, рекордсмен.
Микенас — скульптор вдохновенный,
Микенас — шахматист отменный,
Микенас — признанный спортсмен.

Я привел здесь эти строки, выражающие в шутливой форме вполне серьезное признание спортивных заслуг, вовсе не потому,

что в них попало заодно и мое имя — вместо него можно было назвать десятки других имен, в Литве к тому времени появилось немало отличных спортсменов, — просто мне лишний раз хочется подчеркнуть, что успех на борцовском ковре или за шахматной доской, на ринге или на гаревой дорожке никогда не воспринимается только как личный успех, он неизбежно становится достоянием многих — всех, кому дорог спорт. Я понял это не сразу, но, когда понял, жизнь моя обрела новый, более глубокий и емкий смысл. А вместе с тем и иную меру ответственности.

Когда несколько месяцев спустя я начал готовиться к новой зарубежной поездке — на этот раз в Варшаву, на международный турнир по боксу, — чувство тревоги овладело мною уже всерьез. Понимая, что меня берут не ради увеселительной прогулки, я заранее задавался вопросом: а что будет, если не удастся оправдать оказанное доверие?

— Отберут перчатки и заставят до самой пенсии подметать ринг! — смеялся в ответ Заборас, стараясь шуткой отвлечь меня от моих переживаний. Они ему казались наивными. — А может, тебя это устраивает? Дело-то бесхлопотное: пыли на ринге не бывает. Радоваться надо, а он нос повесил…

— Неприятно, когда ждут результатов, — пытался объяснить я.

— Так если бы их от тебя не ждали, зачем тогда тебя посылать? Проигрывать можно и у себя дома, незачем ради этого в Варшаву ехать.

— А если все же проиграю?

— А где ты видел боксера с гарантией на победу? Спорт — не часовой завод, талонов на безотказную работу не выдает.

— Но раз выбрали, значит должен оправдать надежды, — упрямо стоял я на своем.

— Правильно! — заключил Заборас. — Кончай трепаться и начинай оправдывать. Тебя мешок уже больше часа ждет…

Я шел к мешку и вымещал на нем все свои треволнения.

Тревоги мои можно было понять. Золотая медаль чемпиона страны принадлежала не мне и, если проиграю, думал я, получится, будто я всех обманул, прикинулся не тем, чем являюсь на самом деле. По своей тогдашней неопытности я забывал, что в состав сборной меня включили не по моей просьбе, на которую я, разумеется, никогда бы и не осмелился, а решением тренерского совета. Там, конечно, знали, что у меня мало опыта, но именно за ним меня и отправляли. Новичков надо обстреливать, и чем скорее, тем лучше; ветераны не вечны. В этом, собственно, и заключалась главная цель поездки.

Но я был молод и многое воспринималось мной однолинейно, без учета сопутствующих всякому большому делу стратегических соображений. Я считал, что от меня ждут побед, и это было правильно, но это было не все. Главное, были надежды, которые связывали со мной на будущее.

Вот их-то я действительно должен был оправдать.

Но всякое будущее начинается в настоящем. И к варшавскому турниру я готовился, не жалея ни времени, ни сил. Огуренков взялся за меня всерьез. Нас с ним к тому времени связывал не только бокс, но и дружба. Она завязалась как-то неприметно, но вскоре окрепла, стала надежной и прочной и осталась со мной на всю жизнь.

Виктор Иванович был человеком щедрой души и чуткого сердца, он легко находил дорогу к людям, и получалось это у него как-то само собой, просто и естественно. Он многое повидал, великолепно разбирался не только в боксе — его интересы обладали универсальной широтой, с ним можно было поговорить о тысяче разных вещей, и обо всем он мог сказать что-то свое, что-то новое, о чем ты и не догадывался; он никогда не знал, что такое скука или душевная лень, — его присутствие во все вносило свежесть и какую-то бодрую, кипучую неугомонность.

Бокс он понимал, что называется, до дна, до самой последней скрытой глубины. И, что главное, умел не только объяснить, но и показать. Пожалуй, не найдется такого приема, хитрости или уловки, которая бы осталась ему незнакомой, — секретов и тайн в боксе для него не было. Учиться у него было радостно и интересно. Ругал он редко, хвалил скупо, но тем не менее его заинтересованность чувствовалась всюду и во всем. Чувствовалась без слов; они просто были ни к чему. Своим ученикам он никогда ничего не навязывал. Умел увидеть, чем каждый из них богат, в чем его собственные особенности и преимущества, а разглядев их, на них и сосредоточивал свои усилия, свое искусство и умение воспитателя. Он считал, что на ринге надо уметь все, что умеет противник, и еще то, чего он не умеет, но при этом всегда нужно оставаться самим собой.

— Чужим оружием боя не выиграешь. Надо уметь выковать свое, — любил говорить Виктор Иванович.

Во мне он считал главным быстроту реакции и редкую для тяжеловеса подвижность. И еще мое всегдашнее настойчивое стремление разнообразить бой, строить его, сообразуясь с требованием внезапностей и неожиданностей, так, чтобы противник нервничал и ни к чему не успевал привыкнуть.

— Конечно, у тебя, как у всякого, есть в запасе и кое-что другое. Например, удар. Но удар для тяжеловесов не редкость.

Поэтому забывать о нем не годится, но ставку надо делать не на него, а на то, что выделяет тебя из общего ряда, — говорил Огуренков. — Побеждать нужно тем, чего нет у других.

— А если у противника тоже быстрая реакция? И ноги у него не хуже?

— А голова?

— Что голова?

— Голова у тебя есть? Вот и думай ею, приглядывайся, ищи. На ринге, как и в жизни, людей без слабостей не бывает.

— Но ведь и у противника не кочан на плечах, И у него голова, — продолжал допытываться я.

— Верь, что твоя умнее! — улыбался Огуренков и уже серьезно добавлял: — Но и его дураком не считай. А потом, кто говорит, что побеждать — просто? Побеждать трудно, но побеждать надо, вот и все дела!

Побеждать было действительно нужно. И победы приходили по-разному. В Варшаве, например, они достались легко. Но сама эта легкость добывалась тяжелым трудом, она возникала из огромной повседневной работы. Боксером можно родиться, но родиться боксером — еще не значит им стать. Природа создает лишь задатки, извлекать их наружу приходится самому. Извлекать и творить из них единое целое. Это похоже на добычу руды; но мало ее только добыть, нужно еще и освободить от посторонних примесей, и обработать, и довести до окончательной формы. Впрочем, так бывает не только в спорте; человек — тот же скульптор: всю жизнь ему приходится ваять самого себя.

В Варшаве мы пробыли около недели. Город, как и многие другие после войны, оказался сильно разрушенным. Всюду, куда ни погляди, руины; кое-где они тянулись на целые кварталы. Но кругом который уже год кипела стройка. На редкой улице не встретишь подъемных кранов и лесов. Среди прохожих то и дело мелькали комбинезоны и спецовки строителей. Самая модная сейчас профессия, сказали нам.

Но и о спорте варшавяне тоже не забывали. На стадионе Войска Польского, где открылся международный турнир по боксу, собралось больше 30 тысяч зрителей. Бокс в Варшаве любили и, главное, понимали. Болельщики на трибунах проявляли редкое беспристрастие. Хотя советских боксеров, пожалуй, встречали все же теплее, чем остальных. Правда, и класс у наших ребят в среднем был значительно выше.

Первым моим противником оказался молодой, не старше меня, и физически очень сильный румын Богита. Упорства и мужества у него было хоть отбавляй. Кстати, это оказался как раз тот случай, когда понадобилось, согласно совету Огуренкова,

изрядно поработать головой. Богита обладал теми же качествами, что и я: высокой маневренностью и быстрой реакцией. Первые два раунда он, хоть и. проигрывал по очкам, но явного превосходства добиться пока мне не удавалось. Пришлось искать к нему специальный подход.

К концу второго раунда я заметил, что Богита при входе в ближний бой чуть раньше, чем нужно, опускает руки. В третьем раунде я проверил свое наблюдение: оно оказалось верным. Но и Богита, видимо, что-то учуял и теперь старался держать меня на дистанции. А может, просто устал… Так или иначе, от замысла своего отказываться я не хотел. Он, бесспорно, мог принести решающий успех. Взломав финтами защиту противника, я сблизился и с боковым левой прошел в ближний бой. Точнее, сделал вид, что именно в этом заключается моя цель. А в последнее мгновение, когда Богита уже решил, будто так оно и есть, я сделал внезапный шаг назад и резко ударил левой в подбородок.

Румын упал. Удар прошел чисто, и Богита оказался в тяжелом нокдауне. От нокаута его спас гонг.

Когда я стоял в своем углу и смотрел, как Богита пытается встать, как разъезжаются у него на брезенте руки, как мотает он из стороны в сторону головой, стараясь стряхнуть с глаз заволакивающую их пелену, мне вдруг подумалось, как легко, в сущности, уязвим человек, насколько зыбка та грань, которая отделяет его от беспомощности. Достаточно одного точного удара кулака, и вот даже хорошо тренированный, атлетически сложенный и пышущий здоровьем человек валится в беспамятстве с ног и становится совершенно беззащитен — что хочешь, то и делай.

На ринге, конечно, ничего страшного. Ну а если на улице? Как говорится, в глухом и безлюдном месте? Жизнь, она всякая; мало ли что может случиться… Человек, если он себя уважает, просто обязан позаботиться, чтобы исключить саму возможность попасть в подобное унизительное, а то и опасное положение. Хотя бы уж только ради одного этого стоит пересмотреть свое отношение к боксу тем, кто все еще нет-нет да пытается дискредитировать его в глазах общества. Что там ни говори, а защищать мужское достоинство приятнее своими руками, чем с помощью милиции.

Может быть, все это промелькнуло у меня в голове оттого — сами мысли, разумеется, оформились уже позже, тогда на ринге я только подумал, что человек совсем не так крепок, как нам это обычно кажется, — что как раз накануне боя кто-то из ребят рассказал на этот счет любопытную историю.

Незадолго до поездки в Варшаву он, возвращаясь вечером от приятеля, услыхал в соседнем скверике какой-то шум, сопровождающийся женскими всхлипываниями. Подошел, видит: двое парней лет семнадцати взяли в оборот третьего. Бить его они всерьез вроде и не бьют, а перекидывают с помощью оплеух от одного к другому: третий угол, как в таких случаях говорят, заставляют искать. Девчонка стоит в стороне и хнычет. На лице у нее и жалость и отвращение одновременно. Словом, драки настоящей нет, а так, дружеская потасовка, что ли.

Рассказчик — не хочу поминать по пустякам его имени, — естественно, вмешался, спрашивает:

— Сами прекратите или, может, помочь?

Те двое отпустили парня и говорят:

— Не волнуйтесь, гражданин прохожий, мы тут все свои. Так что можете не переживать и топать дальше.

— Что ж, рад, если так. Только вот девушка почему же плачет?

— Верка? Стыдно ей, вот и ревет. Говорили же ей, что он трус, а она не поверила.

— Значит, переубедить надумали?

— Да нет, воспитываем. Он же к ней в наш переулок ходит.

— Никакой он не трус! — опять всхлипнула девушка. — Он весной котенка из Москвы-реки вытащил. Прямо в пальто полез…

В общем, выяснилось, что парень в музыкальном училище учится, скрипач, ну и, значит, пальцы он свои бережет, потому ни в какие уличные происшествия принципиально не ввязывается.

— Ну а если ему так голову когда-нибудь оторвут, как он тогда на своей скрипке играть станет? — спросил кто-то из нас, выслушав эту историю. — Пусть уж в таком случае дома сидит, а девушек провожать другим предоставит.

Посмеялись. Но я потом задумался: как же в самом деле быть? Суставы музыканту действительно беречь надо. Но не ценой же собственного мужского достоинства! Да и не одни лишь музыканты вынуждены заботиться о своих руках; а ювелиры, часовщики, хирурги — мало ли на свете профессий, связанных с тонкой и точной работой. Однако всю жизнь в белых перчатках не проживешь. Хотим мы или не хотим, но случаются ситуации, когда подобное житейское вегетарианство попросту неприемлемо. Да и, если говорить честно, не поверил я, что вся причина сводилась лишь к опасению за свои суставы; просто не научили парня постоять за себя, вот он и придумал специально для таких случаев внешне правдоподобную версию. Трус не трус; трус из-за какого-то котенка в ледяную воду в пальто не сунется, а вот чужих кулаков робеет. Потому что на свои не надеется.

Конечно, вовсе ни к чему делать культ из ринга. Но овладеть техникой самозащиты может каждый. Не зря, например, в Англии в большинстве школ бокс считается обязательным предметом. Не варварством же или агрессивностью нации это объяснять.

Сегодня, как и во все времена, любой мальчишка считает кулаки если и не лучшим, то вполне естественным аргументом в споре. Детства без мальчишеских драк не бывает. И тяга к ним не случайна: она лишь отражает в наиболее доступной этому возрасту форме извечное стремление проявить мужскую сущность — сущность защитника и бойца, сущность человека, на которого можно опереться в трудную минуту.

В мальчишеских потасовках завоевывается уважение и авторитет, в них закаляется и крепнет характер. Детство в этом смысле — своеобразный этап, когда современный мужчина как бы повторяет опыт своих далеких предков.

Между моралью детства и моралью взрослого человека — целая пропасть. И далеко не всякому удается преодолеть ее в себе до конца. То, что когда-то приносило успех и считалось доблестью, в зрелые годы, разумеется, переосмысливается, подвергаясь переоценке, но не изживается полностью, а лишь ставится под контроль норм и критериев общепринятого поведения. Кулаки, как средство разрешения конфликтов, бесспорно, утрачивают свою привлекательность, но потенциально, так сказать, на крайний случай все же сохраняют за собой эту функцию в сознании. Психика — кому это теперь не известно — формируется не в рамках одного поколения; кое-что передается и по наследству — и не только от отцов и дедов, а бог весть от кого. И сколько ни тверди, сколько ни внушай, что и подлеца нельзя бить по физиономии, прибегать к этому извечному средству все равно будут. Даже вопреки соответствующим статьям Уголовного кодекса. И отмахиваться от этого, списывать все на одну распущенность означало бы выдавать желаемое за действительность, поступать по принципу страуса, прячущего голову в песок.

Понятно, что я отнюдь не ратую за вселенский мордобой как способ решения каких бы ни было конфликтов. Я за статус-кво и Уголовный кодекс. Но один кодекс сам по себе не решает вопроса. Его набирают в типографиях обычным шрифтом, а не знаками каббалы или черной магии — прочти, как заклинание, и наваждение сгинет. Да и в самом кодексе есть на этот счет резонные оговорки. Если кто-то, испробовав меры легального убеждения, вынужден все же засучить рукава ради правого дела, а не из хулиганских или других антиобщественных побуждений, мораль и закон останутся на его стороне. А само общество только

спасибо скажет.

Беда, как ни странно, теперь совсем в другом. Слишком многие разучились засучивать рукава. Одернуть хама или хулигана, если нет поблизости милиции, сплошь и рядом становится некому. Опасаются попасть впросак — а вдруг, дескать, у хулигана рука тяжелее, он, мол, к таким делам куда привычнее. Повсеместное распространение столь невыгодной, если не сказать опасной, для общества тенденции явилось, по-видимому, одной из причин того, что бокс, наконец, включили в нормы ГТО. Да и в школах понемногу стали заводить секции бокса.

И это, безусловно, весьма отрадное явление. Оно отнюдь не означает какого-то поворота в общественном сознании, измены принципу — не давать волю рукам. Напротив. Принцип этот не только останется в силе, но обретет тем самым повышенную действенность, резко расширив возможности своего воплощения в жизнь.

«БОКС В МАССЫ!» — пожалуй, лучший девиз в борьбе общества с теми, кто нарушает принятые им нормы поведения.

Правда, массовое овладение техникой бокса все еще вызывает кое у кого тревогу, что оружие это, мол, обоюдоострое и вполне может быть повернуто против самого общества. Однако практика давно и категорично свидетельствует, что подобные опасения совершенно необоснованы.

Опять же странно на первый взгляд, но факт: хулиган настоящей драки боится. Ему больше по душе навалиться скопом на одного, или, если уж одному, так на тех, кто заведомо не даст отпора. Обычно уверенный в себе человек душевно уравновешен и дешевого уличного «геройства» не ищет. Недаром же силу отождествляют с покладистостью и добродушием. А хулиган в себе не уверен. Хулиган стремится доказать и окружающим и самому себе, что ему все нипочем, именно потому, что в душе он трус, и сам об этом догадывается. Это-то его и злит, это и выводит из себя, делая истеричным и мелочно-агрессивным. На большую, серьезную драку, он знает, его не хватит; вот он и пылит по пустякам, «доказывая себя» на тротуаре с пустой бутылкой в руке. В секции бокса такой не удержится; бокс — это большая и трудная работа над собой, да и противники там серьезные: на ринге на горло не возьмешь, и дружки на помощь через канаты не полезут. Хулиган, словом, как правило, к боксу не способен: натура не та.

Конечно, и среди них иной раз попадается крутой народ с ярко выраженной установкой на любое опасное и преступное действие. Но и такие заниматься боксом тоже не станут. Такие

обычно предпочитают нож. Они шума не ищут, действуя быстро и решительно.

Бокс — прежде всего спорт, и этим, по существу, все сказано. Те неписаные законы, тот нравственно-психологический климат, который присущ спорту, неприемлемы для людей с антиобщественными устремлениями, с ущербной, отклоненной от нормы психикой. Спорт либо вытесняет из себя таких, либо перевоспитывает, подводя к переоценке таких понятий, как сила, мужество, доблесть.

Хочу сразу же сказать, что мои убеждения основаны не только на личном опыте.

Несколько лет назад, например, во Всесоюзном научно-исследовательском институте физической культуры организовали специальную комплексную группу под руководством известного в прошлом боксера, мастера спорта, кандидата педагогических наук Олега Фролова. Группа эта провела на базе одного из районов Москвы большую экспериментальную работу. При ЖЭКах и домоуправлениях была на общественных началах создана целая сеть боксерских секций, куда мог записаться практически любой юноша или подросток. Уже через год, по данным детских комнат при отделениях милиции, число приводов за мелкое хулиганство резко сократилось!

И это, на мой взгляд, естественно.

Тот, кто приобщился к боксу, обычно уже не ощущает наивной потребности хвастать собственной лихостью или кулаками. Не станет же, скажем, спринтер бегать ради прохожих на улице стометровку!

Во всяком случае, среди знакомых мне мастеров кожаной перчатки — а за мою жизнь на ринге таких знакомств наберется не одна и даже не несколько сотен, а гораздо больше — никто из них зачинщиком уличных скандалов никогда не бывал. И, убежден, никогда не станет. А вот хамство или дебош благодаря их решительному и квалифицированному вмешательству пресекались великое множество раз.

Думая обо всех этих вещах, я вовсе не задаюсь целью рекламировать бокс как спорт, думаю, что он в рекламе не нуждается. А если и нуждается, то сам ринг, суровая красота и напряженный, захватывающий динамизм происходящих на нем поединков сделают это лучше меня.

Популяризатор или агитатор из меня никакой, я только боксер. Но какой же боксер пропустит удобный случай, отказавшись принять бой в защиту любимого вида спорта. Особенно если это бой с тенью, с той тенью, которую порой все еще стремятся совершенно незаслуженно набросить на бокс.

КОГДА ПРЕДСКАЗАНИЯ СБЫВАЮТСЯ

В Варшаве после победы над Богитой я провел еще одну встречу, с венгерским тяжеловесом Капочи. Венгр не сумел оказать серьезного сопротивления и после второго раунда отказался продолжать поединок.

Команда наших боксеров, завоевав четыре из восьми золотых медалей, заняла первое место.

А ровно через два месяца в Свердловске мне наконец удалось добиться первого настоящего большого успеха: я стал чемпионом Советского Союза.

Королев в первенстве 1950 года не участвовал: незадолго перед соревнованиями он повредил себе руку; и задача таким образом для меня значительно упростилась. Выиграв у москвича Подшивалова и боксера из Армении Додельцова — с обоими я уже не раз встречался и хорошо знал как сильные, так и слабые их стороны, — в финальном бою я встретился с Анатолием Перовым.

Перов был настроен решительно. Отсутствие Королева воодушевляло его не меньше, чем меня. Оба мы считали, что в другой раз такая возможность вряд ли представится, и потому упустить ее ни один из нас, естественно, не хотел.

Поединок предстоял упорный, но игра, как говорится, стоила свеч.

Зная, что Перов особенно силен в ближнем бою и наверняка станет к нему стремиться, мы с Огуренковым вначале избрали тактику широкого маневра по рингу, со ставкой на короткие быстрые атаки с дальней дистанции.

Нечто похожее успешно применял когда-то Анатолий Степанов. Он первый сумел приспособиться к бурным атакам атлетически сложенного и физически очень выносливого москвича. Его быстрые отходы с ударом и последующим развитием контратаки хорошо помогали сдерживать наступательный натиск Перова, и Степанову удалось тогда добиться победы. Затем его примеру последовал ленинградец Пичугин, выиграв в том же стиле бой.

Дважды приносила успех эта тактика и мне самому. Но с тех пор, как говорится, много воды утекло. Перова часто и крепко ругали, предупреждая, что ему необходимо разнообразить манеру ведения боя, и он сумел сделать необходимые выводы. Он и прежде был нелегким противником, а теперь мастерство его резко возросло.

И все же в главном Перов мало изменился: безудержный

напор, превращающий схватку в одну непрерывную мощную атаку, по-прежнему оставался его основным оружием. Потому-то мы вначале и остановились на испытанной тактике маневра и сдерживания.

Но затем Виктор Иванович вдруг передумал.

— Все равно главным твоим соперником остается Королев, — сказал он. — Значит, против него и нужно готовить оружие. Попробуй переиграть Перова в ближнем бою. Не выйдет, вернешься к намеченному плану. Но думаю, должно получиться.

На том мы и порешили.

Не знаю, как к этому отнесся противник; во всяком случае, от обычной своей манеры Перов ни на йоту не отступил. С первой же секунды боя он завелся, что называется, на всю катушку и не переводил духа два раунда кряду. Казалось, легкие его не знают устали; работали они не хуже кузнечных мехов.

Я старался не уступать. Встречая Перова прямыми ударами, я видел, что могу, если захочу, удерживать его на расстоянии, гасить атаки в тот момент, когда они только зарождаются. Что я, кстати сказать, нередко и делал. Но помня об уговоре с тренером и полностью разделяя его замыслы, я вместе с тем как бы шел противнику навстречу, позволяя ему сближаться и вести бой на ближней дистанции настолько часто, насколько это отвечало моим интересам. Рефери в такие минуты буквально из сил выбивался, то и дело растаскивая нас в разные стороны. Но тут же мы снова сшибались в центре ринга, молотя друг друга в нескончаемых, сумасшедших по темпу многоударных сериях. Перов в основном орудовал короткими боковыми по корпусу и реже в голову; я чередовал хуки с ударами снизу. Перов, пожалуй, бил чаще, но мои удары были и точнее, и тяжелее.

Зрители едва ли разбирались в том, что происходит на ринге; вихрь ударов оказался настолько яростным и плотным, что разглядеть, которые из них проходят, а которые нет, представлялось затруднительным даже и специалисту. Но на трибунах понимали одно: идет чудовищная темповая рубка. Коса, как говорится, нашла на камень. Яростный накал схватки перекинулся с ринга к болельщикам, и трибуны охватило жарким неистовством. Гвалт в зале стоял такой, что слышно, наверное, было на другом конце города.

В третьем раунде Перов начал сдавать. Легкие легкими, но такой темп хоть у кого собьет дыхание, да и удары по корпусу делали свое дело. Я тоже дышал, как паровоз, но знал, что поставленную цель удалось выполнить: осилить Перова в ближнем бою — это кое-чего стоило. А переиграть его я переиграл: оба раунда остались за мной. Нужна была, как всегда,

концовка.

Перов хотя и продолжал искать сближения, но наступательный порыв его явно выдохся. Восстановив дистанцию, я вернулся к тактике маневренного боя. Несколько точных ударов под занавес, которыми мне удалось завершить атаки, окончательно склонили перевес на мою сторону.

Все боковые судьи отдали победу мне.

Итак, долгожданное, наконец, свершилось: я стал чемпионом страны в тяжелом весе. Прогнозы Пастериса начинали сбываться. Но главное — незавершенная дуэль с Королевым — все еще ожидало меня впереди.

Наше затянувшееся соперничество, — забегая вперед, скажу, что оно длилось целых семь лет, — вообще-то не являлось чем-то необычным и новым. В спорте такое случается не столь уж редко. Но в боксе, пожалуй, подходящая аналогия имелась только одна. Причем и тут одним из двух действующих лиц опять же был Королев.

История его спортивной борьбы с Михайловым во многом напоминала нашу. Во-первых, она тоже растянулась на долгих семь лет, во-вторых, носила не менее упорный и ожесточенный характер и, в-третьих, совпадала еще в одной существенной детали: семикратный чемпион страны Виктор Михайлов был значительно старше своего соперника.

Первые четыре боя Королев, как позже я ему, проиграл. Ему, кстати, в момент первой с Михайловым встречи тоже, как и мне, едва исполнилось девятнадцать… И только на пятый раз — уже в поединке за звание абсолютного чемпиона — Королеву, наконец, удалось вырвать победу у своего грозного и неуступчивого соперника. Впрочем, через два года Михайлов вновь вернул себе этот титул, что и дало ему возможность уйти с ринга непобежденным.

Итак, пятая встреча! Сработает ли и дальше аналогия? Ведь следующая моя встреча с Королевым тоже будет по счету пятой… А то, что она неизбежно состоится, в этом я нисколько не сомневался.

Она состоялась в марте следующего года в Москве в спортивном зале «Крылья Советов».

Но перед этим я, будто специально для разминки, успел побывать вместе с нашей сборной в Швеции. Мы выступили там в трех городах — Стокгольме, Гётеборге и Садвикене и всюду расплатились за гостеприимство своих радушных хозяев самой что ни на есть черной неблагодарностью: из сорока встреч тридцать семь выиграли. Однако шведские болельщики на нас не обиделись, они понимали спорт и знали толк в боксе. Шведские

газеты не жалели на нас ни своих полос, ни своего внимания. Помещали наши фотографии, подробно описывали и комментировали не только бои, но даже тренировки. Но все это, разумеется, не спасало шведских боксеров; поражение следовало за поражением.

В Стокгольме я выиграл оба боя, нокаутировав своих противников — одного в первом, а другого, неоднократного чемпиона Швеции Муберга, во втором.

Муберг, видимо, стремясь хоть как-то объяснить свое поражение, заявил корреспонденту газеты «Дагенс нюхетер»:

— Никто в мире не может сравниться с Шоцикасом!

Столь лестная оценка, разумеется, ничего, кроме улыбки, у меня не вызвала, но огласку она тем не менее получила немалую. Каким-то образом стало также известно, что из своих двенадцати международных встреч, которые я успел провести к тому времени, все двенадцать я выиграл, и тоже нокаутом. А если к этому добавить еще и то, что за время турнира общее число нокаутов, в которых побывали шведские боксеры, достигло семнадцати, а еще двое отказались от продолжения боя, то переполох, поднявшийся среди болельщиков, нетрудно понять. Сказался он, как выяснилось, и кое на ком из самих спортсменов.

Особые надежды любители бокса возлагали в те дни на своего фаворита в тяжелом весе Ингемара Юханссона. Газеты называли его одним из основных претендентов на популярный в США приз «Золотые перчатки», который вскоре должен был разыгрываться между американскими и европейскими боксерами. Юханссон, кстати сказать, большую часть этих надежд оправдал. Ровно год спустя он завоевал серебряную медаль на XV Олимпийских играх. А еще через несколько лет, покинув любительский бокс, стал чемпионом мира в тяжелом весе среди профессионалов, выиграв нокаутом у знаменитого американского негра Флойда Паттерсона.

Когда Ингемар Юханссон поднялся вместе со мной на гётеборгский ринг, зал устроил ему долгую шумную овацию. Но швед почему-то не проявил в ответ особой радости; мне даже показалось, что он то ли растерян, то ли чем-то взволнован. Мне сначала, конечно, и в голову не могло прийти, что звезда шведского бокса, напуганный шумихой вокруг нокаутов, испытывает самый обыкновенный страх.

Ситуация прояснилась только после удара гонга. Юханссон явно боялся. Он не просто отступал под натиском моих довольно сдержанных в первом раунде атак — он от меня бегал. Когда я это понял окончательно, мне стало и смешно и стыдно.

Я, конечно, знал, что и среди боксеров попадаются иной раз

робкие люди. В обычной, рядовой, что ли, трусости их, само собой, не обвинишь. Ринг вообще, а большой ринг особенно, это исключает. С зажмуренными от страха глазами боя не проведешь. Но на опасность не реагировать нельзя. Людей из железобетона не существует. И без нервной системы тоже. Мужество — это не что иное, как способность преодолевать страх. И того, кто научился это делать, трусом никто не назовет.

Мне передавали, что после нашей с Королевым последней встречи в Московском цирке он обронил в мой адрес:

— Шоцикас трус.

Правда, впоследствии он счел нужным сделать уточнение.

— Я был прав и не прав, — добавил он. — Шоцикас боялся меня, но он умел преодолевать свой страх. Еще в первый раз, в Риге, я его бил, а он вставал и все шел и шел на меня. Это боец, ничего не скажешь.

Боялся ли я его? Нет, не боялся. Иначе я бы не искал встреч с ним на ринге. А я не просто искал, я делал все, чтобы они состоялись. Другое дело, что тяжелые, сокрушительные королевские удары вызывали у меня не только восхищение и уважение, но и естественное чувство опаски. Но ведь и сам Королев, когда он в том же самом бою на ринге Московского цирка пропустил сильный удар и, встав с пола, изменил своей, обычной открытой стойке, тоже поступил так не от прилива бесшабашной удали. Суть, конечно, не в том, что у него на какое-то время сдали нервы. Королев просто считал, что перемена стойки поможет ему лучше справиться с ситуацией. Но в этом-то и вся соль. В том, что сама ситуация показалась ему опасной. Страх проиграть бой, а значит, и страх перед противником, который его может выиграть, вынудил Королева чем-то поступиться и искать какие-то новые решения. Но это не страх труса, не боязнь перед конкретным человеком, а осознанное опасение бойца упустить из своих рук победу, опасение, которое отнюдь не только не ослабляет его волю к борьбе, а, наоборот, удваивает упорство и стойкость, высвобождая резервы характера.

И когда я говорю о недостатке мужества у некоторых боксеров, я имею в виду лишь то излишне повышенное «почтение», которое они иногда испытывают к каким-то отдельным, обычно именитым противникам, заранее настраиваясь на поражение. И оттого, как правило, действительно проигрывают.

Юханссон, судя по всему, оказался как раз из них. К слову сказать, с ним то же самое случалось и в дальнейшем. На тех же Олимпийских играх, в финальном бою с американским негром Эдвардом Сандерсом он бегал от своего противника до тех пор,

пока его не дисквалифицировали. А заодно лишили за неспортивное поведение и серебряной олимпийской медали, положенной ему, как финалисту. Именно в связи с этой «обидой» Юханссон, по его словам, и поспешил перейти в профессионалы.

Как бы там ни было, а вести бой, когда противник делает все, чтобы его избежать, оказалось делом нелегким. Я еще только готовил атаку, а Юханссон уже уходил в глухую защиту; я его настигал, пытался достать ударом, а он поворачивался ко мне спиной…

Раздосадованная публика, обманутая в своих лучших надеждах, свистела и улюлюкала, но это мало помогало: Юханссон продолжал в том же духе.

Наконец в конце третьего раунда мне удалось загнать противника в угол. Там я его и поймал боковым, когда он пытался вырваться. Юханссон растянулся во весь рост на полу, и только гонг избавил его от нокаута.

Получилось, что я выиграл по очкам. Хотя бой, конечно, надо было остановить еще в первом раунде или, в крайнем случае, во втором. Но шведам — а судили именно они, — казалось, видимо, что их фаворит может одуматься и примется за настоящую работу.

Побеждать было приятно. Но голову мне это не вскружило. В ней крепко засела жажда реванша. Я верил в него, стремился к нему, но легкой победы не ждал.

После моих последних успехов — теперь на моем счету было 58 боев, ровно 50 из которых я выиграл, — кое-кто из моих друзей считал, будто Королев мне уже не страшен. Королеву к тому времени исполнилось тридцать два года, мне «стукнуло» двадцать два, и одно только это соотношение, как утверждали некоторые, решительно склоняло чашу весов на мою сторону.

Какая-то доля истины в этом, безусловно, имелась. Но — доля, а не вся. Четыре встречи с Королевым многому меня научили, и прежде всего — уважению, которое осталось на всю жизнь. Иначе к нему и нельзя относиться. Королев из тех, на ком держится история бокса. Природа ему словно специально дала все, что необходимо для ринга: железный, несокрушимый характер, ясную голову, гранитное упорство и выдержку, изумительное чувство дистанции, блестящую, мгновенную реакцию и могучие, не знающие усталости руки. Все остальное — тактическое мастерство, блестящую технику и звероватую хитрость в бою — он взял у жизни сам, накопил в опыте и закрепил огромным повседневным трудом. Лучшего тяжеловеса, чем Королев, среди боксеров-любителей в те годы не было.

Но Королев старел… Сам, может, он этого и не чувствовал, но другие это видели и понимали. А некоторые уже начинали говорить об этом вслух.

«Пусть все тяжеловесы пока еще намного уступают по классу абсолютному чемпиону страны, — писал сразу после поединка в Московском цирке экс-чемпион страны Виктор Пушкин, — но теперь их стало так много, что через два-три года появятся новые претенденты на звание чемпиона в тяжелом весе».

Однако это случилось раньше.

На самой середине залитого ослепительным светом ринга, установленного в круглом зале Московского Дворца физкультуры «Крылья Советов», лежали две аккуратно сложенные пары боевых, черного цвета, боксерских перчаток. Над ними сошлись трое: тренер и секундант Королева Градополов, мой тренер и секундант Огуренков и судья на ринге Тимошин. Секунданты были в темных спортивных костюмах, рефери — в традиционной белой рубашке и белых брюках; они разыгрывали перчатки. И хотя одна пара абсолютно ничем не отличалась от другой — так требовал ритуал.

Но вот приготовления закончены, секунданты спрыгнули с помоста, зрители в зале настороженно затихли — сейчас прозвучит гонг.

Королев сразу же идет в атаку. Он верен себе и, как всегда, движется на ринге только вперед. Цель его тоже привычна — войти в ближний бой.

Все, как всегда, и все, в который уже раз, воспринимается опять не так, как прежде, опять в чем-то по-новому. Нет, к кому угодно, но к Королеву никогда до конца не привыкнешь…

Несколько длинных боковых левой, и он, взломав защиту, проходит в ближний бой. Я мгновенно накладываю перчатки на его бицепсы и тут же отхожу назад — серия жестоких хуков в туловище предотвращена. Но Королев, разумеется, не успокаивается. Финт левой, корпусом, еще раз левой — это уже не финт, а удар, и противник, сблизившись, взялся за дело. Мощные удары снизу, сбоку и опять снизу… Часть из них успеваю парировать, часть проходит. Коротко бью вразрез и ухожу в сторону.

Дистанция восстановлена. Знаю, что ненадолго. Королева, когда он так идет, все равно не удержишь.

Маневрирую; плету вокруг противника быструю замысловатую вязь — ровно в силки ловлю; работаю длинными прямыми: раз-два и назад, раз-два и в сторону. Королеву такая суета не нравится. Бьет внезапно скачковым левой — не достал, я настороже. Зато вот этого я уже не ждал: снова левый в голову,

еще раз — сильно! — в туловище, и противник уже развивает серию. Опять ближний бой: локти, перчатки, локти, перчатки — трах! — искры из глаз, напоролся на апперкот. Отвечаю двумя ударами снизу же и наконец отрываюсь с коротким прямым в голову на отходе…

Раунд на исходе. Оба, будто сговорившись, резко увеличиваем темп. Королев, как обычно, слишком открыт, слишком низко опускает руки. Теперь бросаюсь вперед сам, кажется, опережаю… В голову, еще раз, теперь в корпус и опять в голову… Два удара мимо, двумя достал.

Гонг.

— Мой? — спрашиваю Огуренкова глазами.

Тот утвердительно кивает и ловко закручивает полотенце. С дыханием пока в порядке, но подышать про запас не мешает — неизвестно, что готовит, сидя в своем углу, противник. Но что-нибудь придумает непременно, в этом я нисколько не сомневаюсь. Вон и Градополов перегнулся через канаты, что-то говорит, рубя по привычке воздух ладонью…

— Концовку ты сделал неплохо. Но перевес минимальный, — говорит Огуренков. — Попробуй еще увеличить темп.

Вместо ответа я вопросительно смотрю на него: хватит ли меня, ведь бой только начался, впереди два раунда?

— Хватит, не волнуйся, — угадывает мой невысказанный вопрос Огуренков. — Ты сейчас в отличной форме.

Второй раунд вновь начинается атакой Королева. На этот раз я не отхожу. Завязывается обмен ударами на средней дистанции. Темп высокий, но оба работаем чисто. Рефери тут делать нечего. Зато у нас работы по горло, только успевай поворачиваться… Королев защищается в основном нырками и плечом, я — отбивами и уклонами. Ринг гулко ухает, отзываясь на частые тяжелые удары.

Зрители поднялись на ноги. На них это действует. Им кажется, что мы сейчас усердно вышибаем друг из друга дух: ударов много, а то, что они идут в плечи или перчатки — отчего и гул — это на трибунах обычно не видят. Впечатление на неискушенный глаз сильное, острое. Но мы, естественно, стараемся не ради впечатлений; цель у обоих одна и, так сказать, вполне кровожадная — зацепить, достать сильный ударом.

Только не так это просто.

Боксеры высокого класса редко пропускают удары. Во всяком случае, гораздо реже, чем кажется зрителям. В самом упорном, самом ожесточенном бою, если противники не пренебрегают защитой, если не ввязываются в рубку, дело нередко заканчивается вполне бескровно. Конечно, я имею в виду не

уколы, с помощью которых набирают очки, а настоящий, акцентированный удар. Такой удар — штука серьезная. И если он попадает в цель — в подбородок или солнечное сплетение, — дело, как правило, без вмешательства рефери не обходится. Но провести такой удар трудно; обычно его долго и тщательно готовят, стремясь отвлечь от него внимание противника, обмануть его бдительность.

Попадаются и такие боксеры, о которых принято говорить, что они хорошо держат удар. Это не совсем верно: удар не держит никто. Просто у одних голова крепче, у других слабее. Но и только. Бойца, которого нельзя сбить с ног или отправить в нокаут, не существует. Дело решает не крепость челюсти, а искусство защиты, опыт и мастерство.

Королев защищался блестяще. Обычно его это не слишком заботит: привык рассчитывать на свою феноменальную выносливость, и, атакуя, он нередко пренебрегает защитой. Но не теперь. Его движения скупы, но ювелирно точны; массивная круглая голова будто обтекает удары; искусство нырка у него доведено до совершенства — уходит под перчатку в самое последнее мгновение, и тут же серия с обеих рук.

Я тоже стараюсь вовсю. Майку хоть выжимай, глаза заливает потом…

Наверное, со стороны все это выглядит неплохо. На трибунах прямо-таки с ума сходят: от рева и криков уши заложило. Послушать болельщиков, так они лучше нас знают, что надо делать. Им всегда все ясно. «Протаскивай его, протаскивай!» Это Королеву. А куда там протаскивать, когда темп и так такой, что от любого из нас хоть прикуривай, того и гляди вспыхнем! Протаскивать хорошо, когда противник избегает встречного боя, старается держаться на расстоянии. «Свингом! Левой бей! Левой!» Это уже мне. Все правильно, я левша, и левая рука у меня сильнее. Но и Королев об этом прекрасно знает. А свингом я вообще не пользуюсь, слишком длинный удар… Но болельщики не унимаются, кричат. Им, как они считают, виднее.

Темп прямо сумасшедший. То и дело сшибаемся в ближнем бою.

Королев вкладывает в удары всю свою чудовищную силу. Я тоже на пределе, но стараюсь опережать, стараюсь не уступить инициативу. Впрочем, она сейчас не принадлежит никому: мы оба не выпускаем ее из рук, будто перетягиваем канат — шаг мой, шаг противника. Ох как туго он сейчас натянут, этот незримый канат, вот-вот лопнет…

Королев на миг отступает, в глазах у него мелькнуло недоумение. Понятно: удивляется, почему его тяжелая

артиллерия все еще не вытряхнула из меня душу; трудится вроде бы не покладая рук… Неужели наступил перелом? Неужели пришел мой час, и я могу переиграть его в ближнем бою? Нет, достаточно и того, что работаем на равных. Руки — от запястий и до локтей — ноют тупой, саднящей болью, будто с них заживо содрали кожу, зато бока целы — настолько, конечно, насколько их можно сохранить в такой мясорубке.

Противник уже снова в работе, всаживает серию за серией. Не руки, а чисто два пневматических молота — сваи бы ими заколачивать…

К концу раунда отрываюсь, кружу вокруг центра ринга; Королеву это не нравится, но атаку готовить уже некогда, сейчас бросится без подготовки… Так и есть. Идет прямо напролом, но натыкается на мои перчатки. Несколько ударов достают цель: я вижу, как у противника дергается голова.

Концовка опять моя, а раунд?

— За тобой, — коротко бросает Огуренков, обтирая мне влажной губкой лицо и шею.

Но секунданты так говорят часто. Иногда, чтобы подбодрить, иногда оттого, что принимают желаемое за действительность. А иногда потому, что ты действительно выигрываешь бой. Какой из трех вариантов сейчас ближе к истине?

Дышу уже тяжело. Во рту сухо и горько. Огуренков подносит к губам стакан с водой. Какая она свежая и прохладная! Но пить нельзя, только прополоскать рот и тут же выплюнуть. Вода, даже несколько глотков, расслабляет. Подержал во рту, и на том спасибо.

— Ну теперь жми! Сил у тебя еще много. Жалеть их теперь незачем, давай выкладывайся до конца… Пальто я тебе потом подам.

— Спасибо! — улыбаюсь я. — И до вешалки донесешь?

Шутка, как теплый душ, смывает усталость. Так, по крайней мере, принято думать. А потом — какая еще усталость! Сил у меня, если верить Огуренкову, непочатый край, только успевай тратить. А то бой кончится — куда их тогда девать!

Ну а без шуток? Если без шуток, отвечаю я сам себе, много ли, мало ли, а выкладываться все равно придется. Королев спать не станет…

В третьем раунде дошло наконец и до рубки. Ни инициативы, ни темпа я уступать не мог. Или — или…

Крюк в голову; ускользаю вправо и отвечаю встречным прямым… Два подряд боковых в туловище; закрываюсь локтем, контратакую левой… А теперь моя очередь: правой снизу в корпус, левой туда же и затем левой в голову… Королев уходит

нырком и отвечает четырехударной серией: два боковых, два снизу…

Или — или.

Бью правой — мимо. Еще раз — достал!.. А теперь слева боковым — опять в плечо. И звон в ушах, налетел на встречный… Опять трехударную: правой, левой, еще раз левой… Попал. А это мне: хук в туловище и двойной в голову…

Или — или!

А противник, кажется, начинает сдавать. Устал. Очень устал. Но лезет, идет, ломится вперед. Только вперед — иначе он просто не может. Ноги, что ли, у него так устроены!

А я? Я могу. Отхожу, уклоняюсь, маневрирую… И бью, бью снизу, бью сбоку, бью правой и левой, бью встречными, бью вразрез, бью кроссами, бью короткими хуками, бью длинными боковыми, бью прямыми в голову и прямыми в туловище, бью по перчаткам, бью по плечам, бью по воздуху… Бью и промахиваюсь, бью и попадаю… Неужели Королев все-таки выдохся? Неужели я выигрываю бой? Но противник тоже бьет; бьет мощно, тяжело, но бьет реже… Реже. А это сейчас главное!

Черт побери, как звенит в ушах, как гудит в голове… И дымка, совсем прозрачная, но дымка в глазах… Ничего… Еще немного… Еще несколько секунд…

Боковой в голову… Достал… Теперь слева… Опять, кажется, зацепил… Чем это он меня? Как обухом… Ничего… Теперь снизу и сразу же…

Гонг.

Иду в свой угол и слышу, как ревет зал. Я никого не вижу, никого не хочу видеть, но знаю, что эта скоро пройдет. Знаю, что скоро буду очень счастлив. А пока… А пока я никого не хочу видеть и ничего не хочу слышать. Сейчас мне через край хватает самого себя…

Позже я множество раз возвращался памятью к этому бою. Я повторял его во всех деталях, во всех мельчайших подробностях. Единственное, чего я так и не смог вспомнить, что мне сказал Королев, когда все трое боковых судей показали голубые — цвет моего угла — флажки, и рефери поднял вверх мою руку. А Королев что-то сказал, но я так никогда и не смог вспомнить — что.

Наверное, поздравил с победой.

Да, это была победа. Желанная, долгожданная, самая важная в моей жизни победа. Она имела не только огромное принципиальное значение, но и — что, пожалуй, значительно важнее — несла в себе глубокий внутренний смысл. Пока Королев

оставался недосягаемым, меня никогда не покидало чувство неудовлетворенности. Я много и часто выступал, встречался с самыми разными противниками, одерживал победы и у себя на родине и за рубежом, но, несмотря на все это, где-то на самом дне души копошился червячок сомнения. Быть вторым, всегда только вторым, может, и почетно, но для меня это было неприемлемо.

И суть тут заключалась не в гордости, не в честолюбии и прочих хотя и естественных, но вторичных вещах; она скрывалась гораздо глубже, там, где люди хранят ключи от собственных резервов. Ощущение, что существует барьер, который тебе никогда не взять, надежно запирало эти резервы, не позволяя во весь рост распрямиться, взять от себя все, на что способен. Я догадывался, что так бывает далеко не со всеми, но со мной это было именно так, и я ничего с собой не мог поделать.

Из тупика был лишь один выход — победить Королева.

Но победа еще не означала, конечно, конца дуэли. Я понимал, что Королев станет добиваться реванша, что, вероятнее всего, мы встретимся на ринге еще не раз, но все это уже ничуть не тревожило; я знал, что рубикон пройден раз и навсегда, что разъедающим душу сомнениям не дано вернуться. Предстоящая борьба лишь углубляла ощущение полноты жизни, влекла возможностями утвердить себя в новом качестве.

Ждать долго не пришлось.

Через три месяца в Сталино открылось очередное первенство страны по боксу 1951 года. Боксеров съехалось много, и борьба предстояла суровая. Впрочем, ни для кого это не было в диковину. Все давно привыкли, что у себя дома, на внутрисоюзном ринге, добиться успеха нередко значительно труднее, чем в международных турнирах.

Немало набралось конкурентов и в тяжелом весе. Чтобы выйти в финал, мне пришлось провести четыре поединка; все четыре я выиграл нокаутами.

Нокаут, кстати сказать, издавна служил темой пустых по существу, но шумных и ожесточенных споров. В профессиональном боксе его всегда рассматривали и рассматривают как наиболее убедительное доказательство преимущества одного из боксеров. Чистая победа, как принято говорить в таких случаях. Однако среди любителей мнения на этот счет расходятся. Дело в том, что уменьшение числа раундов с пятнадцати до трех и более жесткие правила любительского ринга резко ограничивают возможность провести завершающий удар. И нокаут порой расценивают как случайность, которая хотя и завершает поединок, но, дескать, не всегда вносит ясность в

истинное соотношение сил.

Думаю, что это не так.

За редким исключением, когда грубо нарушены правила, говорить о случайности, на мой взгляд, просто бессмысленно. Поединок нельзя рассчитать и спланировать заранее. И случайность в нем — явление вполне закономерное. Более того, любой бой сам по себе — не что иное, как взаимосвязь различных случайностей. Стремление предупредить их означало бы пытаться избежать неизбежного. Логика боя как раз и учит тому, чтобы уметь преодолеть любую случайность, изменить ход ее развития в свою пользу. В этом одно из проявлений зрелости мастерства боксера.

И когда кто-то пытается оправдать свое поражение тем, что ему якобы просто не повезло — нарвался на удар или посекли бровь, — то за этим, как правило, ничего, кроме пустой болтовни, не стоит. Верно говорится: после драки кулаками не машут. Рассекли бровь — значит, не хватило умения ее сберечь. Нарвался на удар — следовательно, не сумел предвидеть его или избежать. Случайность тут не причина, а лишь следствие собственной небрежности и неосторожности, свидетельство того, что в какое-то мгновение оказался слабее противника, в чем-то уступил ему. А мгновение сплошь и рядом решает судьбу всего поединка. Можно оставаться лучше противника на протяжении всех трех раундов, но в последнюю секунду оплошать и проиграть бой. Обидно, но винить судьбу или несчастливое стечение обстоятельств тут не приходится: виноват сам.

На ринге есть только одна справедливость — побеждает сильнейший. Сильнейший не вообще, а в данном бою, в данном раунде, в данное мгновение.

Впрочем, разговор о нокауте далеко не исчерпывается тем — случаен или не случаен завершивший поединок удар, является ли он результатом мастерства или вмешательством слепого рока; обвинения обычно принимают более общий характер, и объектом критики становится так называемый силовой бокс. Нокаутеры, файтеры, драчуны — такие и подобные им упреки в ходу у тех, кто ратует за игру на ринге, фехтование на кулаках, сводя на нет роль сильного акцентированного удара.

Не стану вдаваться в подробности этих бесконечных дискуссий, которые, как правило, всегда носят конъюнктурный характер и никогда ничего не решают по существу. Сошлюсь вместо этого на недавний и типичный в этом смысле разговор, который произошел вскоре после мадридского первенства Европы, где в качестве одного из тренеров нашей сборной посчастливилось побывать и мне самому.

— Почему мы проиграли подряд три первенства Европы: Рим, Бухарест, Мадрид? — спросили меня в одной из спортивных редакций.

— Думаю, сегодня этого никто не знает, — ответил я, имея в виду многозначность самого вопроса.

— Сложная проблема?

— Одной тут не обойтись. Их, к сожалению, значительно больше.

— Например, так называемый проклятый вопрос: игровой или силовой бокс? — настаивал мой собеседник.

— Тут как раз вопроса никакого нет, — возразил я. — Какой смысл искусственно разделять единое целое на составные части?

— Но разделяют же! — Собеседник взял со стола подшивку газет и прочел вслух: — «Международные турниры последних лет, на которых преобладал темпераментный силовой бокс, наложили отпечаток и на подготовку наших спортсменов. Некоторые тренеры, забыв об основном положении игрового бокса (бокс — искусство самозащиты), готовили своих учеников к чисто атакующим действиям с акцентом на сильные, нокаутирующие удары… Традиции советской школы бокса должны быть восстановлены. Только курс на искусный технический бокс может принести нам стабильные успехи». Это заявил в своем интервью от 26 марта 1971 года председатель Федерации бокса СССР. Что скажете?

— Могу, пожалуй, тоже привести цитату, — отозвался я и, взяв со стола другую подшивку, отыскал нужное место и тоже прочел вслух: — «Серьезным недостатком в тактике многих наших боксеров было отсутствие сильного удара… Прикрываясь демагогическими рассуждениями о необходимости «оздоровить бокс», «оградить спортсменов от сильных ударов» и т. п., навязывался псевдоигровой стиль бокса, вводился в правило соревнований ряд ограничений, выхолащивающих смысл поединка на ринге».

— Чья это мысль? — поинтересовался собеседник, потянувшись к подшивке.

— Председателя Федерации бокса, — ответил я, передавая номер газеты за 6 июля того же года.

— Кто же прав? Простите, с каким из высказываний — весенним или, так сказать, летним — следует, по-вашему, согласиться? — взглянув на подпись и, судя по всему, нисколько не удивившись, продолжал допытываться собеседник.

— По-моему, правильнее всего согласиться с многократным чемпионом Советского Союза, двукратным чемпионом Европы и чемпионом Мельбурнской олимпиады Геннадием Шатковым. В

своей статье «И сила, и игра» он когда-то писал: «Игровой бокс не исключает, а, наоборот, предполагает наличие в арсенале боевых средств сильного нокаутирующего удара, с той лишь особенностью, что нокаут становится здесь логическим завершением игрового преимущества одного из боксеров». Убедительнее не скажешь.

— Да, но и Шатков, со словами которого действительно не поспоришь, тоже пользуется термином «игровой бокс». Не подразумевает ли тем самым и он здесь альтернативы?

— Думаю, что нет. Спор выдуман не боксерами, а вокруг боксеров. И сами термины тоже. Шатков пользуется ими вынужденно. Но его интересуют не слова, а существо дела.

— Хорошо. С цитатами мы разобрались, — улыбнулся собеседник. — Но вот, допустим, на ринге встретились два противника: один делает ставку на нокаутирующий удар, другой, наоборот, уповает только на технику, которая, по его замыслу, принесет ему победные очки. Что все-таки лучше?

— И то и другое плохо. Хороший боксер добивается не нокаута, а победы, и стремится ради нее не только овладеть разносторонней техникой, но и обзавестись сильным, акцентированным ударом.

Не знаю, удалось ли мне убедить своего собеседника — разговор вскоре перешел на конкретные проблемы, касающиеся наших неудач на европейском ринге, и к этой теме мы больше не возвращались, — но сам я твердо уверен в правоте Шаткова, чьи точные и исчерпывающие слова настолько отвечали моим собственным мыслям, что запомнились мне наизусть.

Тогда, двадцать с лишним лет назад, в разгар поединков на первенство страны 1951 года, меня, разумеется, интересовала не столько теоретическая, сколько практическая сторона подобных вопросов. И хотя к тому времени болельщики уже успели зачислить меня в ряды нокаутеров, тем не менее заканчивать бои сильным ударом я специально никогда не стремился. Это выходило как бы само собой, как естественный результат развития схватки. Добиваясь победы, я старался переиграть противника и в тактике, и в темпе, и в технике, не упуская, естественно, из виду и возможность провести сильный завершающий удар. Что там ни говори, а чистая победа оставляет куда большее впечатление. Особенно если она подготовлена всем ходом боя, а не добыта с помощью одного голого натиска или случайным ударом. А именно так обычно и обстояло дело.

«Долгое время существовало мнение, будто техника боксеров тяжелого веса, как правило, ниже техники боксеров легких весов, — писал по этому поводу известный в то время специалист

и тренер по боксу, заслуженный мастер спорта Богаев. — Практика советского бокса опровергла эту теорию. На целом ряде состязаний можно было наглядно убедиться, что наши боксеры-тяжеловесы, упорно работающие над освоением разнообразных боевых приемов, достигают высот спортивного мастерства и ни в какой мере не уступают в технике боксерам более легких весов. Так, на первенстве СССР 1951 года вызвала всеобщее восхищение встреча Н. Королева с А. Навасардовым. Оба тяжеловеса продемонстрировали разнообразие атак, применение быстрых серий ударов, наиболее рациональные формы защиты, продуманные тактические замыслы. У них было чему поучиться боксерам других весовых категорий. Столь же высокоспортивной была и встреча Н. Королева с А. Шоцикасом».

Правда, обе эти встречи, на которые в качестве примера высокотехничного бокса ссылается Богаев, закончились по очкам. Но отнюдь не потому, что названные им боксеры пренебрегали возможностью добиться победы с помощью акцентированного удара. Королев из 219 проведенных им поединков чуть ли не две трети закончил досрочно. В моей боксерской карьере насчитывается 128 боев; причем из 118 боев, которые мне удалось выиграть, в 73 случаях я также добился победы нокаутом. Однако ни Королева, ни меня никто никогда не упрекал в примитивности и прямолинейности манеры ведения боя. Стремление провести нокаутирующий удар ничуть не противоречит, а, напротив, органично сочетается с интересами высокотехничного, содержательного бокса.

Что же касается самого поединка с Королевым в Сталино — шестого в нашей дуэли по счету, — он, как я и ожидал, оказался упорным, трудным и, что главное, очень интересным. Королев вышел в финал, уверенно одолев всех своих противников. Его бой с Навасардовым, например, действительно был выше всяких похвал и вполне мог бы стать образцом для учебной литературы по боксу. Я лишний раз убедился в неправоте тех, кто торопился списать знаменитого ветерана ринга в архив. Даже возраст — Королеву давно уже перевалило за тридцать, — казалось, отступал перед железной волей этого удивительного человека. Не восхищаться им было невозможно.

Финальный бой он проиграл, и звание чемпиона страны мне удалось сохранить за собой. Но все три раунда прошли в предельном напряжении. Атаки Королева, как всегда, были сокрушительны, а защита точна и труднопробиваема; единственным преимуществом, которое я мог противопоставить и которое, по существу, только и принесло мне победу, оставался мой верный конек, мой всегдашний козырь — высокая

подвижность маневра. Во всем остальном силы наши оказались примерно равными.

— Испытываете ли вы чувство гордости, дважды уже одержав победу над Королевым? — спросил меня на другой день кто-то из болельщиков.

— Нет, — не задумываясь, ответил я. — Человек не может гордиться собственной молодостью. А других причин для гордости у меня пока нет.

— Но Королева не победишь одной молодостью! — возразили мне.

— Нет, — согласился я. — Конечно, нет. Но, не будь я молод, мне бы не одержать этих побед.

Так я думал тогда, так же думаю и теперь. Королев умел на ринге все, что умел и я, но характер у него был тверже. Лишь время — десять лет разницы в возрасте — склонило чашу весов на мою сторону.

ЧЕТВЕРКА ТУЗОВ

1952 год начался остро и напряженно.

Повсюду, где собирались спортсмены, да и не только спортсмены, склонялось на разные лады одно и то же слово — Хельсинки. Столица Финляндии готовилась к XV Олимпийским играм.

Наша страна прежде не принимала участия в этих самых массовых и самых представительных на земном шаре спортивных состязаниях. Хельсинки должен был стать первым боевым крещением. Сумеет ли советский спорт успешно выдержать его — вопрос этот волновал в те дни великое множество людей. О самих спортсменах не стоило и говорить: их он, само собой разумеется, касался в первую очередь. Подготовка к Олимпийским играм шла полным ходом.

Не оставались в стороне, естественно, и мастера кожаной перчатки.

В марте в Москве состоялся международный товарищеский турнир по боксу, в котором приняли участие сборные семи стран: Польши, Румынии, Чехословакии, Венгрии, ГДР, Болгарии и Советского Союза. Наши боксеры выиграли почти все свои бои: из шестидесяти встреч только в четырех они уступили, победу противникам. Трое из них — чех Юзеф Захара, поляк Зигмунд Хихла и венгр Ласло Папп — стали через несколько месяцев олимпийскими чемпионами, а четвертый, полутяжеловес из ГДР Ульрих Нитцшке, добился вскоре звания первой перчатки Европы.

Турнир проходил очень содержательно и интересно. В течение недели состоялось около четырехсот встреч, и рассказать о них попросту невозможно. Сильнейшие боксеры континента, такие, как, скажем, Дрогош, Касперчак, Торма, Линка, — всех не перечислишь, продемонстрировали на ринге Московского цирка высокое и разнообразное мастерство.

Особенно выделялся среди гостей знаменитый венгерский боксер Ласло Папп. Равного ему, пожалуй, в ту пору на любительском ринге не было. Все свои бои он провел блестяще, под постоянные аплодисменты восхищенных зрителей. Проиграл ему и наш сильнейший в этом весе мастер Борис Тишин, которому, правда, через год, на первенстве Европы в Варшаве, удалось взять реванш.

Без единого поражения закончил все схватки и чемпион Всемирных студенческих игр в Берлине, трехкратный чемпион Румынии в полутяжелом весе Димитру Чиаботару. В тот раз я его видел впервые и, конечно, не догадывался, какой зловещий

сюрприз готовила мне судьба ко дню нашей с ним будущей встречи.

Особого впечатления он на меня поначалу не произвел. Разве что не по возрасту самоуверен и хладнокровен. «Обомнут еще», — подумалось тогда мне. Но, как вскоре выяснилось, в Москве так и не нашлось никого, кто смог бы это сделать.

В первом своем бою Чиаботару встретился с болгарским полутяжеловесом Александром Даковым. Румын работал, как сонный, с какой-то пренебрежительной неторопливостью и чуть ли даже не с ленцой. Правда, первый раунд обычно отводится на разведку, но Чиаботару, казалось, ничуть не интересовался своим противником, и было непохоже, что он придерживает себя лишь ради того, чтобы нащупать слабые места соперника. Во всяком случае, болгарин действовал гораздо активнее. Однако румын обладал блестящей реакцией и, когда нужно, двигался с редкостной для этой весовой категории быстротой. Чувством дистанции и умением ориентироваться на ринге он тоже, при желании, мог бы похвастать. Дело было за ударом. Без сильного удара в полутяжах или тяжах многого не добиться.

Но Чиаботару, видимо, не спешил раскрывать свои карты. Даков атаковал, он защищался, неторопливо кружа по рингу и постреливая изредка левой рукой. Прямой удар левой, если боксер, конечно, не левша, называется «стоп». С его помощью обычно предупреждают или сдерживают атаки противника. Болгарин кидался в очередную атаку, румын выбрасывал вперед левую — стоп! Затем все начиналось сначала…

И вдруг Чиаботару взорвался. Это произошло мгновенно, за какую-то долю секунды. Два молниеносных боковых в голову, и Даков на полу.

На счете «восемь» болгарин тяжело поднимается на ноги. Он все еще явно потрясен, но не клинчует, а продолжает вести бой в стойке. Достань его сейчас одним хорошим ударом, и дело сделано.

Но Чиаботару не торопится. Видно, что он очень уверен в себе и привык действовать наверняка.

Так и случилось.

Не прошло и минуты, как Даков, оправившись, бросается в новую бурную атаку. Он бьет размашисто и неминуемо должен открыться. Чувствуется, что Чиаботару это хорошо понимает; он пока только защищается. Даков усиливает натиск и, завершая серию, проводит правый крюк в голову; в ответ он получает резкий и точный встречный в челюсть.

На этот раз подняться с пола болгарину уже не удалось.

Остальные свои встречи Чиаботару провел в том же духе.

Удар, как я отметил, оказался у него в полном порядке. Причем бил он с обеих рук — мощно и очень резко. Тогда, впрочем, мне и в голову не пришло придать этому какое-то особое значение; видеть на год вперед никому не дано.

Сам я провел всего три боя; в остальных трех сборных соперника против меня не выставили.

Наиболее интересным, пожалуй, оказался поединок с польским тяжеловесом Енжиком, с которым, как мне сказал кто-то перед боем, наверняка еще придется встретиться либо в Хельсинки, либо на первенстве Европы в Варшаве.

Енжик обладал изрядной физической силой, но предпочитал вести бой, как и большинство польских спортсменов, на дальней дистанции, быстро маневрируя по рингу и набирая очки. Защита у него была поставлена великолепно.

В течение первого раунда я несколько раз предпринимал попытки сблизиться, но натыкался на непробиваемую защиту. Особенно тщательно закрывал поляк голову. На этой детали я и построил свой замысел. Всю вторую половину раунда я упорно создавал вид, будто цель моя в том, чтобы провести левый боковой в подбородок, и ради этого я старательно готовлю удар. К концу раунда поляк поверил. И когда я, наконец, якобы пытаясь осуществить задуманное, принял исходное для удара положение, поляк мгновенно вскинул к подбородку руки, а я, изменив направление перчатки, ударил боковым, но не в голову, а в солнечное сплетение.

Енжика спас гонг.

Но во втором раунде я вновь сильно ударил по корпусу, и бой наш на том закончился.

Остальные два боя — с румыном Богицэ и чехом Нетука — я тоже выиграл: один нокаутом, другой по очкам.

А уже через месяц, опять же в помещении Московского цирка, начались поединки на первенство страны 1952 года, которые окончательно должны были решить, кому ехать в июле в Хельсинки.

Проведя четыре боя — финальный, естественно, опять с Королевым — и добившись во всех победы, мне вновь удалось сохранить за собой титул чемпиона в тяжелом весе. Вопрос с Хельсинки, таким образом, тоже решился в мою пользу.

Перед отъездом в Хельсинки мы всей командой отправились в Выборг, на двухнедельные сборы. Полмесяца пролетели незаметно, до предела насыщенные упорной работой. Каждый следующий день казался оттиском с предыдущего.

Режим для всех был одинаковым. Вставали в восемь утра и сразу же отправлялись на полуторачасовую прогулку. Во время

прогулки — ходьба, бег, бой с тенью и под занавес купанье в озере. После завтрака — теоретические занятия, в основном анализ наиболее примечательных боев, как бы примерка их на себя. Штука эта интересная и весьма поучительная. Когда какой-нибудь поединок вот так разбирают по косточкам и раскладывают на всеобщее обозрение, многое видится совсем иначе — гораздо шире, ярче и глубже. Каждому всегда есть что-то сказать свое, преломленное через собственный индивидуальный опыт; а опыта было не занимать — в сборную вошло немало ветеранов, таких, например, как Сергей Щербаков, Александр Засухин, Анатолий Булаков. Нередко по какому-нибудь поводу — технический прием или тактический замысел — разгорались споры, в которых всегда можно было узнать что-то новое, а порой и неожиданное. Словом, скучать на таких разборах никому не приходилось.

В час дня начиналась первая тренировка. Несколько раундов с тенью и на лапах; работа с мешком, с грушей, скакалкой и в заключение три-четыре раунда спарринга. Затем массаж, душ, потом обед и послеобеденный сон.

Вторая, вечерняя тренировка, помимо работы со снарядами, обычно включала спортивные игры: баскетбол, теннис, футбол.

Потом ужин, опять прогулка и в одиннадцать часов отбой.

И так изо дня в день. Не очень увлекательно, но зато полезно. Большой спорт без хорошей формы немыслим. За девять минут на ринге с боксера стекает, как говорится, сто потов. Не говоря уже про колоссальную нервную нагрузку. Впрочем, последняя наваливается иной раз задолго до выхода на ринг.

Я, правда, особенной предстартовой лихорадки в тот раз не испытывал. Понадеялся на прогнозы специалистов.

Когда мы приехали в Хельсинки, все, что касалось тяжелого веса, было как бы заранее распределено. Лучшие авторитеты международного любительского бокса вместе с многочисленной армией журналистов и спортивных обозревателей считали, что основная борьба разгорится между четырьмя спортсменами. Единодушно назывались имена американского негра Сандерса, финна Коски, шведа Юханссона и мое. В газетах даже появился специально изобретенный к случаю термин: четверка тузов.

Что касалось меня, то две из трех этих карт я мог считать для себя битыми. С Юханссоном я уже встречался в Гётеборге, и если чем и сумел он тогда удивить, так только тем, насколько искусно уклонялся в течение трех раундов от активного боя. Коски тоже не вызывал опасений. Я знал, что он собой представляет, и впоследствии убедился, что не заблуждался на его счет, легко выиграв у него во втором раунде нокаутом.

Единственным настоящим соперником оставался Сандерс.

Это был очень сильный, высокотехничный, с могучими ударами обеих рук боксер. Вскоре после Хельсинки он перешел в профессионалы, вошел в десятку лучших тяжеловесов мира и закончил тем, что был убит на ринге.

Поединки боксеров начались 28 июля, в последние дни Олимпийских игр, когда все основные состязания оставались уже позади. Советские спортсмены, набрав к тому времени 443 очка, завоевали в общей сложности 90 медалей и вышли на первое место. За ними шла американская команда: 71 медаль и 317 очков.

Но соревнования еще не кончились, и неразыгранные медали могли резко изменить соотношение сил.

Бокс был единственным видом спорта, для которого почему-то сделали странное исключение, и вместо трех медалей присуждались лишь две: золотая и серебряная. «Золото» «стоило» семь очков, «серебро» — пять, а за третье-четвертое места начислялось три с половиной очка. Под помостом хельсинкского ринга, таким образом, лежало 190 очков. Охотников извлечь их оттуда собралось тоже немало: двести пятьдесят боксеров из тридцати стран надели кожаные перчатки.

Жеребьевка свела меня в первый день с поляком Гостянским. Бой я выиграл легко, нокаутировав противника в начале второго раунда. Выиграли свои первые бои Булаков, Гарбузов, Засухин, Меднов, Щербаков и Анатолий Перов, который перешел в полутяжелый вес.

Но уже в первый же день нам пришлось столкнуться с недобросовестностью некоторых судей, которая раз от раза становилась все более откровенной, если не сказать наглой. Соколову, нашему легковесу, противник попался действительно сильный — чемпион Европы француз Вентайя. Но бой с ним Соколов провел неплохо, и, если бы не тенденциозность судей, победа вполне могла бы остаться за ним. Однако ее отдали французу. Судей больше интересовало не мастерство боксера, а его национальность.

Особенно беззастенчиво вели себя двое: ирландец Галлахер и судья из Италии Шарри. Правда, когда на другой день они отдали победу английскому боксеру Реардону, которого во всех трех раундах уверенно переиграл Засухин, главное жюри отстранило Галлахера и Шарри от судейства за явную необъективность. Впрочем, и суток не прошло, как обоих вновь восстановили в правах, и те опять принялись за свое.

Газеты называли такое судейство «грубой игрой», а французская «Се суар» прямо писала, что «победители зависят от настроения и национальностей судей», но дальше этого дело не

шло, и все оставалось по-старому.

Зрители, в отличие от судей, проявляли полную объективность. Их не интересовала мелкая закулисная политика; они собирались в большом зале Мессухали, где были установлены два олимпийских ринга, ради самого бокса и отдавали свои симпатии тем, кто их действительно заслуживал.

Из наших боксеров особенно тепло они встречали Сергея Щербакова. На его долю, пожалуй, выпало больше всего аплодисментов.

Противники Щербакову достались трудные. Первого из них, очень агрессивного и темпераментного аргентинца Сарфатти пришлось в конце второго раунда дисквалифицировать за частые удары открытой перчаткой и опасные атаки головой, но бровь он Щербакову все-таки успел рассечь.

Вторая бровь полетела уже на второй день в схватке с южноафриканцем Ван дер Линде. Щербаков, кстати сказать, применил в этом поединке любопытный прием. Чувствуя, что проигрывает по очкам своему более быстрому и подвижному противнику, он в середине второго раунда ушел в глухую защиту. А когда Ван дер Линде, решив, видимо, что конец близок, накинулся на него и в пылу бурной атаки на мгновение забылся и открыл голову, Щербаков точным боковым слева хладнокровно уложил его на брезент. Нокаут оказался настолько глубоким, что южноафриканец так и не сумел встать без посторонней помощи.

В третий раз Щербаков вышел на ринг уже с двумя полосками пластыря над глазами. Теперь приходилось не только вести бой, но и тщательно оберегать брови. Но тут ему повезло. Противник, итальянец Вискови, показал себя честным парнем. На протяжении всего поединка он не сделал ни одной попытки ударить по поврежденному месту. Дрался он очень мужественно и стойко, но Щербаков явно превосходил его в мастерстве и уверенно выигрывал раунд за раундом.

И все же, даже когда итальянцу стало окончательно ясно, что поражение неминуемо, он остался верен себе, до конца сохранив бойцовское достоинство и благородство.

Зрители отлично все поняли и наградили обоих шумными и долгими аплодисментами. Честь в бою стоит не меньше самой победы.

Зато следующий противник Щербакова, датчанин Юргенсен, отнесся к делу совсем иначе: начиная со второго раунда и до конца боя он откровенно старался зацепить ударом любую из двух наклеек. Однако сделать это было не так-то просто. Особенно после той мясорубки, сквозь которую Щербаков пропустил его в первом раунде.

Щербаков начал бой без разведки. Это был сплошной, непрекращающийся шквал ударов, цель которых — смять противника, подавить его волю к сопротивлению и, не давая ему опомниться и собраться для ответных действий, вырвать и уже не отдавать инициативу. Щербаков бил из любых положений, бил, ни на секунду не отпуская от себя ошалевшего под градом ударов датчанина» — он «протаскивал» своего противника и делал это весьма умело и квалифицированно.

Минута шла за минутой, а яростная, головокружительная по своему темпу атака не прекращалась. Казалось, еще немного, и советский боксер не выдержит колоссального напряжения и выдохнется.

Накал схватки давно передался с ринга на трибуны, и воспламененные, возбужденные до предела зрители вскочили со своих мест, скандируя тысячами голосов одно-единственное слово:

— Щер-ба-ков! Щер-ба-ков!!.

Во втором раунде Щербаков несколько сбавил темп, но главное было уже сделано: он полностью овладел инициативой, и противник лишь огрызался контратаками, стремясь либо зацепить своим боковым коронным левой, либо угодить в одну из поврежденных бровей. Но Щербаков, атакуя, ни на миг не забывал о защите, и все попытки датчанина пропадали впустую.

Перед самым гонгом Щербакову удалось нанести несколько резких ударов по печени, чем он окончательно сбил у Юргенсена дыхание.

В третьем раунде датчанин совсем скис и едва держался на ногах. Щербаков тоже крепко устал, но все же нашел силы на концовку и завершил бой, обрушив на противника серию тяжелых боковых.

Зрители встретили его победу бурной овацией.

И все же доминировали на хельсинкском ринге не мы, а американцы. Пятеро из них вышли в финал, и все пятеро добились золотых медалей. Наши боксеры, Щербаков и Меднов, завоевали вторые места. Щербаков в равном бою уступил победу своему давнему сопернику, известному польскому боксеру Хихле; а Меднов — у которого, кстати, тоже оказались рассеченными обе брови, — проиграл американцу Адкинсу.

Мне же, как уже говорилось, здорово не повезло и не удалось добраться даже до полуфинала. Как писали в газетах и утверждали очевидцы, без попустительства судей дело здесь тоже не обошлось. Мне, впрочем, от этого было не легче.

Все случилось неожиданно и кончилось очень быстро, в первом же раунде.

Противник — южноафриканец Ниман — как боксер никому, в том числе, разумеется, и мне, не был известен. Темной лошадкой считать его, как вскоре выяснилось, тоже не приходилось: следующий же бой он проиграл, как говорится, с треском. Выглядел он скорее как полутяж, чем тяжеловес — сухой, чуточку даже, пожалуй, тощий, весом никак не больше 82–83 килограммов. Словом, впечатления он на меня не произвел. Мне даже показалось, что он то ли не совсем здоров, то ли просто не в форме: на бледном, каком-то даже белесом лице его проглядывало что-то болезненное.

Впрочем, как мне после сказали, Ниман работал у себя в ЮАР шахтером, и цвет лица, очевидно, объяснялся его профессией.

Катастрофа произошла сразу же, на первых секундах. И рефери тут был ни при чем. Скорее сказался мой собственный недостаток опыта в подобного рода крупных международных встречах. Можно, при желании, считать это и недоразумением.

Обычно после удара гонга боксеры, перед тем как начать бой, касаются в знак приветствия перчатками. Однако ритуал этот отнюдь необязателен и ни в каких правилах бокса не зафиксирован. Просто так принято. Но традиция — всегда только традиция; формальной, узаконенной, что ли, силы она не имеет. Ее можно соблюдать, а можно и нет.

Прозвучал гонг, и я, шагнув к центру ринга, протянул навстречу противнику руки, чтобы коснуться его перчаток. Ниман то ли не знал этого обычая, то ли не захотел его выполнять: внезапный удар в челюсть отбросил меня в сторону. Сознание помутилось, глаза заволокло пеленой, и я очутился в грогги. Но на ногах я все же удержался, и боя рефери не остановил.

По существу, это был нокдаун, но тогда в таких случаях счета не открывали. Конечно, я мог сам опуститься на колено и тем заставить судью открыть счет: вероятнее всего, я сумел бы прийти в себя за эти несколько секунд передышки. Но нехватка опыта подвела и тут. Дурацкая гордость не позволила мне этого сделать.

Впрочем, одно связывалось с другим. Чтобы правильно поступить, нужно, прежде всего, трезво мыслить. А именно эту-то способность я и утратил: удар в незащищенный подбородок совершенно ошеломил меня, лишив контроля над обстоятельствами. А Ниман не давал передышки, непрерывно обрабатывая меня с обеих рук. Тут он, вообще говоря, опять был прав: каждый волен добиваться победы любыми незапрещенными правилами бокса способами. Он, конечно, видел, что я в грогги, и решил добить меня, пока я не оправился в перерыве между раундами. Старался он вовсю, и приходилось мне весьма солоно.

Единственное спасение было в клинче.

Но тут мне вновь не повезло. И здесь уже вина судьи была очевидна.

Когда я наконец вошел в клинч и попытался связать противника захватами, рефери остановил бой, чтобы сделать замечание за опасные движения головой. Но сделал он это недостаточно четко и как-то невразумительно. Во всяком случае, Ниман, видимо, его не понял. А может, не захотел понять. Так или иначе, но когда я по команде рефери сделал шаг назад и опустил руки, противник мой внезапно рванулся вперед и грохнул меня, как кувалдой, в висок.

Этого оказалось достаточно. Встать я уже не смог.

Судью дисквалифицировали. Но что толку: бой все равно проигран.

В газетах поднялся шум. Одни называли это «скандальным случаем», другие «несправедливостью к русскому», а шведская «Идроттсбладет» поместила статью, в которой подробно анализировала происшедшее. В частности, там были такие строки: «Пожилой, тучный, неповоротливый и равнодушный судья только что сообщил одетому в красную майку русскому и одетому в зеленое южноафриканцу Ниману, что они не должны бороться с опущенной головой. У судьи не было достаточной живости, чтобы удержать боксеров на необходимом расстоянии друг от друга, и он ни словом, ни жестами не дал им понять, что они могут сойтись и снова начать бой. В это время африканец сильно ударил правой рукой по виску все еще слушавшего русского…»

Все это было верно, но не меняло дела. В колоде карт оказался джокер, который побил туза. Эта карточная терминология, которую я позаимствовал из тех же газет, к сожалению, довольно точно отражала существо дела. Команда наша, как минимум, рассчитывала в тяжёлом, весе на олимпийское «серебро», и, думаю, я действительно мог его добыть, но досталось оно Юханссону. Впрочем, ему, как говорилось, так и не удалось заполучить уже завоеванную им медаль, но винить в этом, кроме себя самого, шведу было некого.

Что касается меня, я переживал неудачу очень тяжело. Как ни крутись, как ни оправдывайся обстоятельствами, команду я все равно подвел. Впервые и с тех пор навсегда я понял, насколько страшным может стать в боксе поражение. Я испытывал жгучий, опаляющий стыд. Стыд не только перед зрителями и товарищами по команде, но и перед самим собой. Унизительность положения, в котором я оказался, не смягчалась никакими обстоятельствами: несмотря ни на что, я знал, что мог выиграть бой, но проиграл

его.

«Нечего было хлопать ушами! — мысленно корил я себя. — На ринг выходят не спать, а драться». А дальше шли всякие «если бы». Если бы я помнил, что касание перчатками не обязательно, что Хельсинки не Москва и не Каунас… Если бы я был более внимателен и хотя бы попытался увернуться от удара — смазанный, он потерял бы свою точность и резкость… Если бы я, входя в клинч, не опускал голову… Если бы извлек из урока должные выводы и не повторил бы вторично ошибки… Словом, терзал себя, перебирая действительные и мнимые возможности. Но все эти «если бы» не стоили ни гроша хотя бы уж потому только, что пришли в голову задним числом. Единственное, что я мог бы и впрямь сделать, это вынудить судью открыть счет и получить тем самым спасительную передышку. Но для этого необходимо было опуститься на колени.

Опуститься? А может быть, встать? Встать на колени! Встать по собственной воле! Встать и стоять на коленях перед противником на глазах у тысяч зрителей! Одна только мысль об этом вызывала у меня необоримое отвращение. Тем и отличается бокс от любого вида спорта, что поражение здесь неизмеримо унизительнее. Унизительнее не столько по существу, сколько по форме.

Уронил в прыжке планку; не докинул до победной отметинки ядро… Обидно, но пережить можно. А вот стать на колени! Нет, это совсем другое. Это стерпеть почти невозможно. Почти? Нет, просто невозможно, иначе бы ты встал и, может быть, выиграл бой. Может, принес бы команде даже не «серебро», а «золото»: Сандерс, бесспорно, хороший боксер, но никто не доказал, что ты хуже. Только от тебя все зависело, только от себя самого!

Да, но для этого нужно было встать на колени!

И круг моих размышлений опять замыкался. С колен незазорно подниматься, но на колени нельзя вставать. Вот если бы я упал сразу, упал от удара — тогда можно было бы не спешить и подождать до счета «восемь» либо «девять», подождать, пока вернутся силы и прояснится сознание. Но я не упал. И в этом вся штука. Ложиться на брезент самому — это оказалось выше моих сил. Даже ради медали, даже ради необходимых очков. Спорт только спорт, нельзя ради него насиловать достоинство хотя бы даже и одного человека!

Я ругал, я корил, я грыз, ел поедом себя, но поделать ничего не мог. Даже в мыслях я отказывался поставить себя на колени…

С тех пор прошло много времени, я, как и полагается, стал опытнее и мудрее. Но и теперь не знаю, как надо было поступить тогда. Казалось бы, нет тут никакой проблемы, никакого вопроса.

Ради дальнейшей борьбы, ради возможной победы, конечно же, следовало поступиться на мгновение самолюбием, пренебречь на несколько секунд чувством собственного достоинства. Дескать, вынужденная мера, боевая хитрость, только и всего! Но это не так. И тот, кто хоть раз выходил на ринг, поймет меня. По крайней мере, немного, наверное, наберется случаев, когда боксер бы сам ложился на настил, чтобы передохнуть и прийти в себя после удара. Мне, например, о таком и слышать не приходилось.

Бокс не только спорт, за ним всегда стоит драка. Она как бы неизбежный его подтекст, и с этим приходится мириться. А значит, все, что связано в обыденной жизни с дракой как способом отстоять свое мужское достоинство, все, что веками накапливалось, напластовывалось в сознании, — все это в той или иной мере связано и с боксом. Можно с легкой душой заявить во всеуслышание, что не умеешь играть в шахматы, можно скрепя сердце согласиться, что не в силах выжать двухпудовую гирю, но признаться, что способен оставить без ответа оплеуху, — такое противоестественно мужской природе. Так же, как не принято отдыхать в ногах у своего противника, ожидая желанного прилива сил. Подножка тоже боевая хитрость, но ею обычно пренебрегают в настоящей драке. А драка, повторяю, прародитель бокса, и эмоционально они переживаются во многом схоже.

Когда, например, тот же Юханссон бегал на ринге от Сандерса в Хельсинки или уклонялся от боя в нашем с ним поединке в Гётеборге, он ощущал не одну только горечь спортивного поражения, он наверняка испытывал еще и жгучий, не имеющий никакого отношения к спорту стыд — стыд мужчины, который не способен постоять за себя перед глазеющей на него публикой. Бокс — спорт особенный. На ринге бьют — пусть по правилам, пусть спортивно и квалифицированно, но бьют, и этим все сказано. Оттого-то здесь и не всякое лыко в строку, не каждая боевая хитрость эмоционально приемлема.

Однако глубоко не прав будет тот, кто, прочтя сказанное, решит, будто бокс уже сам по себе унижает человека. Нельзя унизить тем, что от тебя не зависит. В бою двух победителей не бывает, кому-то приходится проигрывать…

В Хельсинки я проиграл. И мне было стыдно. Но стыдно не как человеку, а лишь как спортсмену. Это совсем другое, хотя и это не менее тяжело. Потому-то мне и не принесли облегчения ни статьи в газетах, ни слова товарищей: я не сумел поступиться чувством собственного достоинства — и по-человечески, наверное, был прав, но вместе с тем я утратил заодно и возможность добиться победы — и этим я подвел свою команду,

подвел наш спорт.

Утешало одно: надежда наверстать упущенное, отыграться в будущем. Я знал, что приложу все силы, лишь бы оплатить сполна выписанный мне чек доверия.

И мне вскоре это удалось.

СТЕКЛЯННАЯ ЧЕЛЮСТЬ

Не знаю, есть ли в истории бокса хоть одно имя, которое упоминалось бы только в связи с победами на ринге. Думаю, что нет. В боксе, как и в жизни, полоса успехов чередуется с неудачами. Любой спортсмен, каким бы он ни был прославленным и великим, знаком с горечью поражения. Только побеждать, всегда побеждать, по-видимому, невозможно.

Почему? Причин много. Но главная, на мой взгляд, одна: на ринге нельзя избежать случайностей. Не тех случайностей, из которых обычно складывается всякий бой, а таких, которые не зависят от мастерства и искусства боксера. Никто из нас не живет только рингом, но любое событие вне его способно проникнуть вслед за тобой за канаты. Политические взгляды судей, например. Или болезнь. Или неполадки в личной жизни. Да мало ли…

Но, если одна из таких причин и приведет к поражению, страшного, разумеется, ничего нет: они преходящи. Совсем иное дело — возраст. Тут уж ничего не изменить, и надеяться не на что. Одни остаются на ринге дольше, другие сходят скорее, но для каждого неизбежно наступает день, когда со спортом, с большим спортом, нужно прощаться. Иначе он вытеснит тебя сам. Третьего, как говорится, не дано.

Однако не все это своевременно понимают. И если не найдется рядом людей, которые могли бы дружески и тактично помочь осознать фактическое положение вещей, тогда нередко назревает трагедия. Спортсмен пытается продолжать борьбу, которая ему уже не по силам.

У Королева были, конечно, друзья, которые понимали, что в возрасте 36 лет пора покидать ринг, но слишком, видимо, велик был его авторитет, слишком сильна была власть его боксерского имени над умами — сколько раз доказывал он и себе и другим, что способен встать выше обстоятельств. Так было, когда он вернул титул первой перчатки после нескольких лет перерыва во время войны. Так было и после ничьей в Каунасе, когда он вопреки прогнозам уверенно выиграл финальный бой матча четырех сильнейших в Московском цирке. Так было и теперь: он снова одержал верх над своими противниками и вышел в финал первенства страны 1953 года.

И все же время брало свое. Ринг еще приносил победы, но доставались они уже тяжело…

«Боксер взмахнул руками и опустился на пол: Николай Королев провел свой коронный удар левой. Во второй половине второго раунда бой для В. Кононенко окончился нокаутом, —

писал в те дни заслуженный мастер спорта В. Степанов. Однако он уже не ограничивался простой констатацией факта, который прежде выглядел бы лишь как привычная, не нуждающаяся в дополнительных комментариях закономерность; он теперь считал необходимым объяснить его: — Спортивное большинство молодых тяжеловесов растет недопустимо медленно. Они зачастую при первом удобном случае стараются уйти в защиту. Именно таким был бой Н. Королева с В. Кононенко. С первых же минут встречи В. Кононенко отказался, по существу, от боя и лишь старался оказаться подальше от противника. — И дальше, переходя к разбору полуфинальных поединков, Степанов прямо подчеркивал, что скептицизм его отнюдь не случаен. — В тяжелом весе Н. Королев с трудом победил в четырех раундах Г. Романова».

Степанов был прав. Время, повторяю, брало свое. Как ни печально, но для девятикратного чемпиона страны, прославленного мастера кожаной перчатки Николая Королева наступила пора проститься с боксом. Другой, не менее именитый ветеран ринга — Сергей Щербаков, которому так же, как и Королеву, исполнилось 36 лет, и который тоже, как и Королев, девять раз завоевывал звание чемпиона, понимал это. Выиграв в тяжелом финальном бою у москвича Логинова и став в десятый раз первой перчаткой страны, Щербаков знал, что навсегда прощается с московскими зрителями. И он свое слово сдержал: отечественный ринг Сергей Щербаков покинул непобежденным.

Королев, правда, находился в менее выгодном положении: он вот уже три года подряд проигрывал первенство страны, занимая каждый раз лишь второе место. Неудачи больно отражались на его самолюбии, и он не желал понять их закономерную неизбежность: никто не в силах одержать победу над временем.

Разумеется, уйти непобежденным — заветная мечта каждого, но Королев упустил свой час. Хотя, видимо, ему и казалось, что это не так. Он все еще оставался одним из сильнейших, он все еще побеждал. На его пути, по существу, стоял лишь я. И Королёв стремился во что бы то ни стало вырвать у меня победу. Тогда, может быть, он и оставил бы ринг. А может, и нет. Во всяком случае, будущее показало, что он не изменил себе и боролся до конца, до тех пор, пока в дело не вмешались не зависящие от него силы и обстоятельства.

Но это случилось гораздо позже.

А в апреле 1953 года Королев вновь пробился в финал, и на ринге Московского цирка состоялась наша восьмая и последняя с ним встреча. Счет был равным: три — три, и одна ничья. Этому поединку суждено было нарушить равновесие и подвести

итоговую черту под затянувшейся на целые семь лет дуэлью.

Скажу сразу: бой Королев проиграл. Больше того, никто и не надеялся на иной исход. Никто, кроме самого Королева. А он все еще верил в себя, все еще рассчитывал на возможность одолеть и время, и своих соперников.

Дрался он мужественно и до конца. Дрался в своей знаменитой гордой королевской манере: с открытой головой и свободными для атак руками. И они, эти руки, по-прежнему обладали чудовищной физической силой и сокрушительной мощью, огромным опытом и блестящей разносторонней техникой; им не хватало лишь одного — былой точности и быстроты, того, что навсегда отобрало время.

Дуэль, которая столько лет неизменно находилась в центре внимания всех, кто имел хоть какое-то отношение к отечественному боксу, наконец закончилась. Однако я не ощутил того чувства триумфа, о котором мечтал и которого так ждал когда-то; время, которое окончательно склонило чашу весов в мою сторону, заодно многому меня научило. И прежде всего тому, что суть победы отнюдь не в торжестве над поверженным противником, она — в глубоком и спокойном чувстве внутреннего удовлетворения, которое возникает от сознания успешно выполненной большой и трудной работы; победа над противником — это в конечном счете лишь знак того, что удалось преодолеть и победить самого себя. Теперь я знал, что годы, прошедшие с того момента, когда я сидел с Заборасом на северной трибуне московского стадиона «Динамо» и восхищенно следил за поединком Навасардова с Королевым, прошли не зря. И в этом для меня сейчас заключался самый главный и самый важный смысл всех, вместе взятых, восьми поединков с Королевым; в этом — а не в том, что последний из них вновь выиграл не он, а я. Хотя, само собой разумеется, стать в четвертый раз чемпионом страны тоже было радостно и приятно.

Теперь, когда я добился прочного успеха у себя на Родине и стал, по существу, лидером в своей весовой категории, от меня, естественно, ждали столь же убедительных побед и на международном ринге.

В мае 1953 года в Варшаве начиналось очередное первенство Европы, в котором советские боксеры впервые собирались принять участие. Год назад, на Олимпийских играх в Хельсинки, я не сумел оправдать возложенных на меня надежд; в Варшаве, решил я, такое не должно повториться.

И все-таки тревога не покидала меня. Страшили не предстоящие поединки; я опасался каких-нибудь новых подвохов со стороны судьбы. И сколько я ни твердил себе, что снаряд

дважды в одну воронку не падает, а невезение тоже подчиняется законам статистической вероятности, но проку от этого было мало. Не зря говорят: тот, кто обжегся на молоке, дует и на холодную воду.

Случилось так, что опасения мои оправдались: за несколько дней до открытия первенства я сломал ногу. Точнее, палец на ноге, или, как говорят медики, плюсну.

Произошло это на баскетбольной площадке во время разминки. Александр Засухин, прыгнув за мячом, промахнулся и всей своей тяжестью «приземлился» мне на ногу. Тяжесть, вообще говоря, была невелика — Засухин, как известно, работал в весе 57 килограммов, — но и ее хватило: под кедами у меня что-то хрустнуло, и ступню обожгла острая боль. Свалившееся в буквальном смысле слова на меня несчастье показалось вначале непоправимым: на ринг в гипсе не выйдешь. На Сашу Засухина больно было смотреть, он переживал не меньше.

— Ну при чем тут ты? — утешал я его. — В игре от таких вещей никто не застрахован. Мог ведь и я тебе на ногу наступить.

— Не мог, — стараясь улыбнуться, возражал Засухин. — Я бы увернулся.

Но шутки Помогали слабо. Врач наверняка не допустит к соревнованиям, думал я, и мысль эта сверлила сознание острее, чем любая боль. Выручила опытность Виктора Ивановича Огуренкова. Бинт с его помощью наложили столь искусно, что, когда я затянул шнурки на боксерках и встал, нога вроде бы казалась вполне в порядке.

— Ну как? — спросил Виктор Иванович.

— Лучше новой! — радостно отозвался я. — И боли почти не чувствую.

— Твое счастье, перелома нет. Только трещина, — сказал Огуренков. — И все же лучше бы тебя снять.

Но я об этом и слышать не хотел. Эластичный бинт прочно «держал» поврежденный палец и почти не мешал; собравшиеся над головой тучи обещали обойти стороной, и я не мог упустить представившегося мне шанса.

На ринг я выходил с травмой, но никто из моих противников так этого и не заметил. У судей, по-видимому, тоже не нашлось поводов для сомнений или разногласий: во всех трех поединках — с немцем из ФРГ Пингелем, югославом Крисманичем и поляком Венгжиняком — победа осталась за мной. Долг за Хельсинки, таким образом, оказался погашен: я получил золотую медаль и пояс чемпиона Европы.

Однако и на этот раз судейство оставалось не всегда беспристрастным. Особенно несправедливо обошлись с Сергеем

Щербаковым.

Щербаков, как я уже говорил, завоевав в десятый раз звание чемпиона Советского Союза, решил покинуть ринг и сделал исключение лишь ради Варшавы. Уверенно сокрушив своих противников — секундант югославского боксера Здреника выбросил на ринг полотенце, а бельгиец Вламинк пять раз побывал на полу, — Щербаков встретился в финале со своим давним знакомым и постоянным соперником, польским боксером Хихлой. Это был последний бой Щербакова, и, надо сказать, провел он его просто великолепно.

Весь первый раунд Хихла, хорошо зная мощь ударов своего соперника, старался держать его на дистанции.

Однако блестящая техника и мастерское маневрирование по рингу не спасли польского боксера от сокрушительного бокового правой в голову, которым Щербаков встретил одну из его атак. Хихла в грогги. Но на ногах ему удалось удержаться, и рефери не открыл счета.

Во втором раунде Щербаков увеличил темп, и, ловко уходя нырками от ударов противника, провел несколько точных серий по туловищу. Оба раунда остались за ним, его преимущество было бесспорным и очевидным.

В последней, третьей схватке Хихла окончательно выдохся. Но и Щербаков тоже устал. Завязалась рубка на средней и ближней дистанциях. Однако Щербаков бьет чаще и точнее, гонг застает его в очередной атаке.

Хихла, пошатываясь, пересекает ринг, улыбается и, не ожидая решения судей, сам поднимает вверх руку Щербакова; зал взрывается бурными аплодисментами; фоторепортеры щелкают затворами, через канаты летят цветы, болельщики спешат поздравить нового чемпиона Европы…

И вдруг, как гром с ясного неба, голос диктора: победа присуждается Хихле! Польский спортсмен даже растерялся от неожиданности, на лице его явное недоумение; на трибунах поднимается шум, ошеломленные зрители протестуют, многие вскочили со своих мест… Среди шести тысяч собравшихся в спортивном вале «Гвардия» спокойствие сохранил, пожалуй, лишь один человек — сам Щербаков; подойдя к Хихле, он передал ему букет цветов и поздравил с победой!

На другой день сами руководители польского бокса опротестовали решение судей, заявив, что бой выигран не Хихлой, а Щербаковым, но из этого, как и всегда, ничего не вышло: в АИБА оставили протест без удовлетворения. В итоге наша сборная, получив две золотые, три серебряные и три бронзовые медали, заняла второе место. Первое досталось

команде Польши.

Но судьи судьями, а мастерство мастерством. Были, разумеется, и объективные причины, которые не позволили нам добиться более высоких результатов. На некоторые из них указывали лучшие специалисты зарубежного любительского бокса. «Советские боксеры хорошо работают, идя вперед, атакуя, — писал известный всему миру польский теоретик бокса и тренер Феликс Штамм. — Но если атакует противник и вынуждает отходить и защищаться, у русских активной защиты нет. Боксеры СССР страдают также малой подвижностью». «Русские недостаточно подвижны, — вторил ему руководитель венгерской сборной К. Ласло. — У них мало обманных движений». Болгарский тренер Вежинов считал, что «самая серьезная ошибка Советских боксеров — это неправильная тактическая установка». «Тактика большинства русских строится в основном на их силе и выносливости», — уточнял мысль своего болгарского коллеги тренер румынской сборной Вайтрауб.

Не стану спорить с авторитетами, скажу только, что говорить о боксерах огульно, во множественном числе, на мой взгляд, порой просто бессмысленно. Особенно когда речь идет о таких мастерах ринга, как Сергей Щербаков, Борис Тишин, Александр Засухин, Анатолий Булаков, Владимир Енгибарян, которые многие годы составляли костяк нашей сборной. Все они очень непохожие и очень разные. Каждый обладал неповторимой и яркой индивидуальностью, и успехи или неудачи всякого из них требовали отдельного анализа и обсуждения.

Обычно, когда говорят о той или иной школе, чаще всего имеют в виду какую-либо принципиальную установку. Итальянцы, скажем, файтеры, а поляки или англичане — игровики, фехтовальщики. Доля истины в этом, безусловно, есть; доля — но не вся истина. Национальный темперамент и традиции, естетвенно, не могут не накладывать свой отпечаток, Особенно если они вдобавок подкреплены соответствующими взглядами спортивных руководителей и ведущих тренеров. И все же стричь всех под одну гребенку никак нельзя. На ринге добиваются побед не с помощью всеобщих кампаний за игровой или, наоборот, силовой бокс, а мастерством каждого отдельно взятого боксера. Мастерство же всегда строго индивидуально.

У нас, кстати, так обычно и получалось на практике. Несмотря на меняющиеся в зависимости от конъюнктурных соображений лозунги и установки, лучшие советские тренеры всегда ориентировались в своей повседневной работе не на тенденции дня, а на реальную индивидуальность того или иного боксера, Именно поэтому советскому боксу всегда были чужды

косность, подражание какому-либо одному стилю; в его рядах одинаково победно блистали имена мастеров ринга, работающих в самой различной, самой несхожей манере. Шатков и Попенченко, Лагутин и Агеев, Туминьш и Енгибарян — подобных пар, которые работали в одно время и в одном весе, которые добились одинаково высоких результатов, но резко отличались друг от друга своим бойцовским почерком, можно привести немало, только, думается, нет в этом никакой необходимости. Каждый, кто знаком с историей советского бокса, легко продолжит список этих примеров.

Конечно, на каждом конкретном этапе в подготовке любой сборной можно подчеркнуть какие-то более или менее общие для команды упущения и просчеты. Но обычно дело решают не они: причины, как правило, всегда и глубже и сложнее. И искать их, повторяю, нужно не вообще, не собирательно-командным способом, а в рамках индивидуальности каждого отдельно взятого боксера.

Общим в Варшаве, пожалуй, было только одно — то, что советский бокс участвовал в первенстве Европы впервые. Так же, как год назад на олимпийском ринге в Хельсинки. Недаром, видно, говорят, что первый блин всегда комом.

Но есть и еще одна поговорка: лиха беда начало. И ровно через два года, на следующем первенстве Европы в Западном Берлине, она себя полностью оправдала: набрав 29 очков, наша команда вышла на первое место.

В Берлин мы приехали в конце мая. Стояла великолепная солнечная погода; безоблачное голубое небо и по-весеннему прохладный ветер вселяли бодрость, укрепляя и без того активное, боевое настроение.

Зелени на улицах было мало. Вместо нее городской пейзаж оживляла реклама. Она была всюду. Здание «Шпортпаласа», где установили ринг, не являлось, разумеется, исключением: стены его пестрели разноцветными призывами торговых и промышленных фирм. Внутри в этом смысле тоже ничего не менялось. Рекламой было заполнено все, что только можно, — каждый свободный клочок стен, трибун, потолка. Даже над рингом пламенел неоновый призыв: «Пейте кока-колу!» Государственные флаги участвующих в первенстве стран терялись в этой кричащей пестрой сумятице. Вместо них глаз натыкался на огромные пластмассовые коробки сигарет, ярко освещенные спрятанными внутри лампами. В довершение всего в перерывах между двумя поединками спускался откуда-то из-под потолка необъятный экран, на котором под вой и грохот джаза мелькали кинокадры, втолковывающие десяти тысячам зрителей

достоинства того или иного сорта сосисок или преимущества новых противозачаточных средств.

Впрочем, несмотря на откровенную назойливость и вездесущность рекламы, на нее мало кто обращал внимание. Собравшихся здесь болельщиков интересовали, разумеется, не сосиски, они пришли сюда с единственной целью — посмотреть большой бокс.

А поединки обещали стать интересными. В Западный Берлин съехалось более ста пятидесяти лучших мастеров ринга, представляющих любительский бокс двадцати трех европейских стран. Особый интерес берлинцы проявляли в отношении советских боксеров. Разрушенный, далеко еще не восстановленный город чуть ли не на каждом шагу напоминал о недавней войне, и это, судя по всему, подогревало внимание к нам со стороны жителей города. Но никакой неприязни не чувствовалось. Пожалуй, даже наоборот.

Когда на ринг поднялся мой каунасский одноклубник Ромуальдас Мураускас и диктор объявил, что это первый советский боксер, выступающий в Западном Берлине, на трибунах раздались громкие аплодисменты. Мураускаса здесь никто прежде не видел, и болельщики просто хотели выразить тем самым свои симпатии.

Аплодисменты оказались кстати: Мураускас выиграл бой. Его противник, болгарский полутяжеловес Андреев, весь первый раунд упрямо рвался вперед, но атаки его не достигали цели, а в середине второго раунда болгарин пропустил сильный удар и оказался в нокдауне. Поединок вскоре прекратили за явным преимуществом советского боксера.

Мне в тот вечер выпало по жеребьевке встретиться с румынским боксером Димитру Чиаботару, о котором я уже упоминал в связи с международным турниром в Москве. Для меня эта встреча носила весьма важный, принципиальный характер, и лучше, конечно, если бы она состоялась не в начале, а под занавес берлинского первенства, когда уже не надо было бы беречь силы. Но жребий решил иначе. И я, честно говоря, изрядно переволновался.

Дело в том, что предстоящая встреча была не первой. Первая состоялась в июле 1953 года в Бухаресте, вскоре после варшавского первенства Европы, и закончилась она для меня неожиданно и трагично.

Еще в Москве, когда Чиаботару работал в полутяжелом весе, я обратил внимание на его мощные боковые удары с обеих рук. Понятно, что после того, как он перешел в тяжелую весовую категорию, перчатки его легче не стали. Но сильный

нокаутирующий удар для тяжеловесов не редкость, и румын не произвел на меня особого впечатления. Во всяком случае, сильным противником я его отнюдь не считал. Даже после того, когда узнал, что ему удалось выиграть бой у Королева. Тем более что их поединок в какой-то мере был спорным, а сама победа Чиаботару сомнительной.

На Всемирных студенческих играх в Бухаресте мы встретились с ним лишь в финале, и до этого я успел еще раз присмотреться к нему на ринге. Приличный боксер, но и только. У меня имелись все основания считать себя лучше. Никто тогда не сомневался в моей победе.

Однако на деле вышло по-другому. Все произошло внезапно. Наш бой продолжался каких-то пятнадцать двадцать секунд, и я до сих пор не знаю, как это случилось. Сколько я потом ни расспрашивал своих товарищей, никто мне толком так ничего и не сказал. Видимо, щадили мое самолюбие.

Чиаботару двинулся в атаку без разведки, сразу же пустив в ход свои размашистые мощные боковые. Я сделал шаг назад, стремясь сохранить дистанцию, я ударил прямым правой в голову, но промахнулся. И тут он меня зацепил…

Очнулся я уже в изоляторе; рядом хлопотал врач. Голова раскалывалась от тупой боли, и чувствовал я себя словно пьяный; в глазах плавало, тело как ватное. Удар, как мне сказали, пришелся точно в подбородок и вызвал длительную потерю сознания. Глубокий нокаут.

После этой истории кое-кто поспешил поставить на мне крест. Припомнили бой с Ниманом — два нокаута на протяжении одного года! Пошли разговоры о стеклянной челюсти, о том, что я не держу удар, что у меня слабая голова и тому подобное. Одним словом, как боксер я якобы умер. В меня перестали верить.

Конечно, понять этих людей можно. По-своему они в чем-то даже были правы. Нокаут здоровья действительно не прибавляет. Особенно в тяжелом весе, где удар порой способен свалить с ног и быка. Не, раз случалось, что боксер после одного-двух нокаутов уже не мог вернуться на ринг, навсегда утрачивал необходимую спортивную форму. Нокаут — штука серьезная. Никто не знает этого лучше самих боксеров. И все-таки бокс без сильного удара немыслим, и с этим приходится мириться. Конечно, высокая техника и большой боевой опыт могут надежно обезопасить, но гарантий не дают и они. Обычно мастера ринга высокого класса, если и пропускают нокаутирующий удар, то крайне редко.

Таково правило. И оно говорило явно не в мою пользу.

Но правила не существуют без исключений. Сам я отнюдь не разделял пессимизма тех, кто поторопился списать меня в архив.

Не знаю, из какого материала была сделана моя челюсть — из хрупкого ли стекла или, напротив, из прочного железобетона, но я твердо решил, что не брошу бокс. И слово свое сдержал.

Через положенный по медицине полугодичный перерыв я вновь вышел на ринг и одержал одну за другой шестнадцать побед подряд. Не обошлось опять же и без нокаутов. Одиннадцать боев я закончил с помощью точного завершающего удара. Удержал я за собой и звание чемпиона Советского Союза, подтвердив его в пятый раз на ринге Московского цирка. Словом, мрачные прогнозы скептиков не оправдались

Но долг Чиаботару остался за мной. Я по-прежнему не считал его сильным противником, но эту мою точку зрения предстояло еще доказать.

И вот жеребьевка свела нас на ринге в первом же бою. Трибуны возбужденно гудят: многие знают о том, чем кончилась наша первая встреча, и ждут сейчас поединка с понятным нетерпением. Чиаботару разминается в своем углу; вид у него, как всегда, самоуверенный и чуть надменный. Но я знаю, что на этот раз победы ему не видать…

До гонга осталось несколько секунд. Вспоминаю советы тренера и товарищей по команде; они, я знаю, волнуются вместе со мной.

«Не выкладываться до конца! — всплывают у меня в памяти их наставления. — До финала еще далеко, бои только начинаются».

«Иди на сближение. На отходах, как в Бухаресте, с ним работать нельзя».

И снова:

«Не выкладывайся! Реванш вещь хорошая, но пояс чемпиона Европы лучше!»

Звучит гонг, и Чиаботару сразу кидается в атаку. Тактика все та же — длинные боковые в голову и непрерывный натиск. Видимо, он ждет, что я не выдержу и начну отходить. Но такое уже было, а повторения я не допущу. Я делаю шаг навстречу и бью правой в голову — есть! И сразу левой в корпус, затем опять в голову. Румыну это не нравится. Ближний бой его не устраивает: главное его оружие — длинные боковые — на короткой дистанции не срабатывает.

Чиаботару старается разорвать дистанцию, но я не отпускаю, продолжая набирать очки сериями в туловище и в голову.

Противник начинает раздражаться и выходить из себя; он пускает в ход все: то и дело бьет раскрытой перчаткой, пытается нанести удар головой. Это грязный бокс, но тут, по-видимому, и такое проходит. Рефери, во всяком случае, не вмешивается. Чем

больше выходит из себя румын, тем хладнокровнее становлюсь я. Вижу, что могу смять противника — в защите у него немало уязвимых мест, — смять и закончить бой досрочно, нокаутом. Но не хочу рисковать. Реванш должен состояться во что бы то ни стало — и никаких случайностей! Нарваться на удар вторично я просто не имею права.

— Полный порядок! — говорит секундант в перерыве. — Инициатива твоя, очки тоже, и весь раунд твой. Только не зарывайся…

Я и не зарываюсь. Во втором раунде работаю так же четко и хладнокровно. Чиаботару закусил удила и явно стремится лишь к одному — поймать на удар. Боковые у него в самом деле великолепны: резкие, хлесткие, мощные… Но все они идут мимо, в воздух. Я всякий раз вижу, как они зарождаются, и избежать их не составляет ни малейшего труда. На таком ринге, как европейский, таким путем поединка не выиграешь. Надо бы сменить тактику, опробовать что-нибудь другое… Но румын, судя по всему, этого не понимает. Впрочем, что ему остается делать, как не ловить на случайный удар. Он видит, что я легко его опережаю, и больше противопоставить ему нечего.

Вновь сближаюсь, провожу пару серий в корпус и бью на выходе снизу в голову — румына встряхивает, но он хорошо держит удар, и с волей у него тоже в порядке. Опять бросается вперед и опять — боковым в голову; ныряю под перчатку и сильно бью два раза по печени — это должно его охладить.

В третьем раунде картина та же самая. Чиаботару очень силен и выносли в, но все это ему сейчас мало помогает — не тот класс.

Гонг. Майка у меня почти совсем сухая. А вот о противнике этого никак не скажешь: дышит тяжело, лицо покрылось пятнами… Зрители взволнованно гудят на трибунах, бой им явно понравился. Однако посмотрим, что скажут судьи…

Все в порядке: все трое боковых судей единодушны в своих решениях. Перевожу взгляд на световое табло. 60: 58, 60: 57, 60: 58. Чистая победа! Реванш состоялся, и, главное, именно так, как я и хотел.

Странная это штука — оскорбленное самолюбие. Чиаботару, на мой же собственный взгляд, совсем не тот боксер, победой над которым стоит гордиться. А вот поди ж ты! Будто у олимпийского чемпиона бой выиграл! Если бы не поединок в Бухаресте, наверняка не обратил бы никакого внимания. Но в этом-то «если бы» все и заключается. Проигрывать обидно всегда, но проиграть заведомо более слабому — особенно. Такое поражение ранит несравнимо больнее.

Ну и, конечно, тот молчаливый спор, который я вел с теми, кто поспешил похоронить меня как боксера: шестнадцать побед после Бухареста будто не шли в счет — необходима была победа именно над Чиаботару, необходим был реванш. А может, я сам все это вбил себе в голову? Но так или иначе, а чувство удовлетворения от победы было велико. Успокоилось заодно и ущемленное самолюбие.

Второй бой — с итальянским тяжеловесом Боццано — не состоялся; он почему-то не явился на ринг. Впрочем, болельщики, кажется, не очень об этом жалели; Боццано не считался сильным боксером.

В следующем поединке я встретился с чехом Нетукой. Выиграл я довольно легко; судьи единодушно отдали мне победу, и я таким образом вышел в финал.

Вместе со мной в финал пробилось еще четверо: Степанов, Засухин, Джанерян и Шатков.

Владимиру Енгибаряну, который, как и я, завоевал «золото» на прошлом первенстве Европы в Варшаве, на этот раз не повезло. Он в четвертьфинале проиграл поляку Дрогошу.

Пожалуй, не повезло — это не совсем точно. Енгибарян просто не сумел подобрать подходящую к случаю тактику. Дрогош — очень подвижный, с отличным чувством дистанции и быстрой реакцией, — сумел приспособиться к коронному енгибаряновскому левому снизу-сбоку, с помощью которого тот нередко заканчивал бои досрочно, а Енгибарян упорно цеплялся за свой удар, словно в его богатейшем боевом арсенале ничего другого не оказалось. Он атаковал и мазал, вновь атаковал и вновь мазал, а поляк легкими, но точными тычками набирал очки. Ничего, кроме досады, непонятное упрямство Енгибаряна не могло вызвать; его будто подменили, настолько он был не похож на самого себя.

Степанов, Засухин и Джанерян проиграли уже в финале. Впрочем, Степанов и особенно Засухин проиграли не столько своим противникам, сколько судьям. Вся западногерманская пресса, например, утверждала, что Засухин был намного лучше своего противника, английского полулегковеса Никкольса, но судьи решили по-своему. Повторялась старая, ставшая уже привычной история.

Что касается Джанеряна, то тут вообще вышла целая история. В финале он проиграл по очкам отличному польскому боксеру, чемпиону Европы Петшиковскому. Но вот в полуфинале, в бою с итальянцем Чичиани, схватка на ринге не закончилась даже и после удара гонга.

Бой Джанерян выиграл, но диктор почему-то объявил о

победе итальянца. В зале поднялся страшный шум; Джанерян тоже недоумевал, однако безропотно смирился с решением судей. Итальянские болельщики уже поздравили Чичиани с победой, как вдруг диктор вторично подошел к микрофону и объявил, что после просмотра судейских записок победителем все же следует считать не итальянского, а советского боксера. Одним словом, первое сообщение — ошибка.

И тогда на ринге появился, так сказать, третий противник. Один из итальянских болельщиков перелез через канаты и без долгих слов бросился на судью. Дело приняло скандальный оборот. Темпераментный толстяк-итальянец явно решил нокаутировать ошарашенного неожиданностью рефери. Пришлось вмешаться нашему спортсмену. Несмотря на разницу весовых категорий, Джанерян молниеносно управился с новым претендентом на лавры европейского ринга, и разбушевавшийся итальянец был сброшен с помоста.

В результате этой и других столь же нелепых и скандальных историй пятеро судей, в том числе и ирландец Галлахер, о котором я уже упоминал, были в конце концов дисквалифицированы решением главного жюри и выведены из состава международной судейской лиги. Но жертвам их необъективности и попустительства, конечно, было от этого мало проку.

Лучше всех, пожалуй, провел свои бои Геннадий Шатков; во всяком случае, он ни разу не дал повода к себе придраться. Правда, последние два противника достались ему весьма серьезные — немец из ФРГ, чемпион Европы 1953 года Вемхонер и чемпион Европы 1951 года швед Шелин.

Особенно опасен был Стиг Шелин. Он на четыре года старше Шаткова. За плечами богатая боевая карьера; в его списке около трехсот боев, из которых не меньше ста — международных. Швед, как шутили болельщики, был весь в титулах: чемпион Европы 1951 года, призер XV Олимпийских игр, чемпион Скандинавских стран, четырехкратный чемпион Швеции. За все годы своей громкой карьеры Стиг Шелин проиграл всего-навсего 10 боев. Словом, Шатков в его лице обрел достойного соперника.

Бой они начали очень осторожно, настолько осторожно, что рефери пришлось сделать обоим замечание за неведение боя. Оно подействовало. Швед внезапно ринулся вперед в бурной атаке. Шатков встретил его во всеоружии; точная защита, молниеносные контратаки, и Шелин теряет драгоценные очки.

Во втором раунде швед атакует еще яростнее. Шатков уходит от его стремительных прямых ударов мгновенными уклонами и встречает левой в голову, развивая контратаки быстрыми

короткими сериями по корпусу. Но Шелин не успокаивается. Он снова и снова бросается вперед. Шатков действует очень лаконично и точно, ни одного лишнего движения — бережет силы, в третьем раунде ему их по обыкновению не хватает. Швед, по-видимому, делает из этого неверные выводы; его атаки становятся все более напористыми, и он уже не столь внимательно следит за защитой. В середине раунда Шелин на мгновение оставляет незащищенной голову; Шатков тут же мощно бьет правой. Швед шумно рушится на пол. Нокдаун. С трудом поднимается на счете «девять», но затем ловко входит в клинч — огромный опыт срабатывает как бы, автоматически — и ищет спасения в захватах. Так продолжается до самого гонга, который спасает Шелина от нокаута.

В третьем раунде Шелин делает ставку на удар; он, видимо, понимает, что оба предыдущих раунда им проиграны. Атакует левым прямым и тут же — боковым справа в голову. Удар хорош, но Шатков начеку; уходит уклоном вправо, отвечая левым прямым в туловище и вторично — в голову. Очки опять за ним. Несколько раз эта игра повторяется. Затем швед меняет тактику и прорывается в ближний бой. Шатков разрывает дистанцию, идет обмен тяжелыми ударами, Шаткову явно не хватает дыхания. Швед, несмотря на глубокий нокдаун во втором раунде, выглядит значительно свежее, но его активность не приносит ему заметного преимущества: Шатков, несмотря на усталость, все же точнее. До конца схватки осталось меньше минуты; Шатков, собрав в кулак всю волю, атакует серией коротких боковых ударов, часть их достигаем цели.

Последние секунды проходят во взаимном обмене на ближней дистанции.

Сложный и драматичный поединок закончен. На табло вспыхивают цифры 59:57, 60:58. Единогласно! Победа за Геннадием Шатковым, а вместе с ней и первая наша золотая медаль.

В полутяжелом весе в финале у нас никого нет.

Следующий бой — последний поединок первенства. На ринг поднимается мой соперник в финале, немец из ФРГ Хорст Виттерштейн. Здоровенный белобрысый и голубоглазый детина килограммов под сто.

После короткой разведки пробую достать боковым слева, но Виттерштейн начеку, он парирует удар и тут же сам бросается в атаку. Удары тяжелые, но чуть затянутые; легко ухожу и атакую прямым левой, затем справа по корпусу. Кое-что дошло. Противник отвечает бурной атакой, однако его боковые опять немного запаздывают; опережаю их и дважды бью в голову.

Раунд за мной.

Сажусь в своем углу на табуретку; секундант тотчас принимается за работу — обтирает шею и плечи влажным полотенцем.

— Ну как? — быстро спрашивает он. — Немец вроде не слишком быстрый?

— Есть немного, — киваю в ответ я.

— Не спеши. Впереди еще два раунда.

Да, впереди еще два раунда. Но, по существу, все решается уже во втором. Во втором раунде, кстати, случилось то, что привело зрителей «Шпортпаласа» в неописуемый восторг и за что западноберлинские болельщики окрестили меня впоследствии «джентльменом на ринге». Думаю, впрочем, что они не совсем верно истолковали мои действия.

А случилось вот что. Виттерштейн весь второй раунд старался атаковать, лез и лез напролом, пока не нарвался на сильный удар. Его резко швырнуло в сторону, но он не упал, а лишь зацепился за канат и оказался на секунду в совершенно беспомощном положении. Зрители вскочили на ноги, ожидая, что я воспользуюсь случаем и закончу бой одним ударом.

Но я не стал бить и отошел в сторону. И тут трибуны взорвались неистовым ревом: болельщики усмотрели в моем поведении чуть ли не рыцарское благородство. Восторги их подогревались, по-видимому, еще и тем, что моим противником являлся их соотечественник.

Впоследствии меня не раз спрашивали, почему я тогда не ударил. Ведь Виттерштейн, дескать, оказался на какое-то мгновение в беспомощном положении и послать его в нокаут ничего не стоило. Не знаю, может, и так. Но в тот момент я просто подумал — что и сам могу за него зацепиться, и тогда мы можем оба свалиться на пол. Лучше вдохну глоток-другой свежего воздуха, решил я. Да и бой, по всему чувствовалось, все равно останется за мной. Виттерштейна к тому времени я уже не опасался…

Но болельщики расценили мой поступок так, как он им увиделся с трибун, решив, что я не хочу воспользоваться беспомощностью своего противника. Ну что ж, им, как говорится, со стороны виднее: по крайней мере, попробовать ударить Виттерштейна я действительно мог. Аплодисменты не смолкали до самого удара гонга.

В третьем раунде немец пропустил еще один сильный боковой слева и больше уже не лез напролом. Инициатива полностью перешла в мои руки, и до конца боя я спокойно продолжал набирать очки.

Первым — раньше, чем успел это сделать рефери, — поднял в знак победы мою руку сам Виттерштейн. Мы оба, как по команде, улыбнулись и под овацию зала заключили друг друга в объятия. Не знаю, что чувствовал мой противник, а я был в самом деле очень счастлив: второй раз подряд стать первой перчаткой Европы — такое, думаю, никого не оставит равнодушным.

Домой наша команда увезла две золотые, три серебряные и одну бронзовую медали, а вместе с ними и первое общекомандное место. Изменила тон в отношении советского бокса и зарубежная пресса. «Поразительным по сравнению с Хельсинки является прогресс русских боксеров», — писала немецкая газета «Дер абенд». «Русские изумили тем, что со времен последнего первенства Европы изменили свою тактику, — вторила ей «Берлинер моргенпост». — Русские, которые являлись раньше «безостановочными рубаками» и умели лишь идти вперед, ныне боксировали в английском стиле больше, чем сами англичане».

Оставив на совести зарубежных спортивных обозревателей «английский стиль» и «безостановочных рубак» — тот же Енгибарян, скажем, в Варшаве боксировал ничуть не менее технично и разнообразно, — надо сказать, что само существо этих и подобных им оценок вполне соответствовало действительности. Начиная с Берлина советский бокс уверенно занял на международном ринге прочные, не вызывающие уже ни у кого сомнений позиции.

Что касается лично меня, то мне тоже пора было подвести итоги: прошло девять лет с тех пор, как я впервые надел кожаные перчатки; бой с Виттерштейном оказался сто двенадцатым по счету, сто три из них мне удалось выиграть. Позади осталась дуэль с Королевым, тридцать с лишним побед на международном ринге; пять лет подряд я удерживал за собой звание чемпиона страны в тяжелом весе, дважды завоевывал золотой пояс чемпиона Европы — словом, настала кульминация моей боксерской карьеры, и я это понимал.

Мне удалось добиться всего, чего когда-то хотелось, о чем я мечтал.

Пришла пора подумать о будущем. Не то чтобы я собирался оставить ринг — сама мысль об этом поначалу причиняла боль и никак не желала укладываться в сознании; просто наступил час, когда стало как-то отчетливо, совсем не так, как раньше, ясно, что никто не вечен на ринге и что в жизни существует не один только бокс.

Я к тому времени успел обзавестись семьей и получить высшее образование; начал понемногу приноравливаться к

будущей своей профессии — вел тренерскую работу в каунасском спортивном обществе «Жальгирис». В общем, жизнь постепенно как бы расходилась вширь, вбирая в себя, помимо ринга, все новые и новые, неведомые прежде заботы и интересы. Она как бы взрослела вместе со мной, набирала большую глубину и емкость; росло вместе с тем и чувство ответственности — перед государством, перед семьей, перед самим- собой, наконец, Все, словом, клонилось к своему неизбежному логическому завершению: мысль, что скоро придется покинуть ринг, постепенно сглаживалась в своей остроте, становясь день ото дня привычнее.

Чтобы принять окончательное решение, не хватало только толчка извне. А его, как вскоре выяснилось, не пришлось долго ждать.»

ПОСЛЕДНЕЕ «ЗОЛОТО»

Через несколько месяцев после Берлина состоялось очередное первенство страны по боксу, где в четвертьфинальном бою я встретился со своим земляком, одноклубником и соседом по улице Ричардом Юшкенасом. Мы хорошо знали друг друга. До этого мы не раз с ним встречались на ринге, и победа неизменно оставалась за мной.

Ричард был отличным боксером, разве только чуточку тяжеловат; его боевой вес равнялся 108–109 килограммам. Зато и удар у него был капитальный. Однако Юшкенасу не хватило, на мой взгляд, бойцовских качеств, недостаток которых он пытался перекрывать упрямством. Обладая огромной физической силой и выносливостью, он хорошо держал удар, и все наши с ним встречи я выигрывал у него лишь по очкам. Словом, в качестве противника с ним всегда было интересно встретиться, но серьезным своим соперником я его не считал. Да и сам он, насколько я знаю, придерживался той же точки зрения. Ему тогда было 22 года; он только набирал силы, и время расцвета его боксерской карьеры еще не пришло.

Однако Юшкенас к тому времени провел уже около семидесяти боев, и любители бокса его знали. Многие видели в нем многообещающего, способного боксера, но речь пока шла лишь о будущем. Никто не думал, что он через несколько дней станет чемпионом страны в тяжелом весе; никто, в том числе и я сам, не ждал того, что случилось во втором раунде нашего с ним поединка.

Бой начался спокойно и ровно. Разведка была лишней, мы слишком хорошо изучили друг друга. Юшкенас атаковал боковыми, от которых я легко уходил, маневрируя по рингу. Мои атаки, напротив, достигали цели. Я не стремился особенно вкладываться в удар: знал, что Юшкенаса свалить с ног трудно. Да в этом и не было никакой нужды: победа по очкам иной раз выглядит не менее убедительно, чем схватка, выигранная нокаутом. А очки я набирал уверенно и легко: инициатива все время находилась в моих руках.

Противник, как всегда, пытался переломить бой с помощью сильных ударов. Но он, в общем-то, старался впустую: за все наши с ним многочисленные встречи ему ни разу не удалось провести завершающий акцентированный удар. Так развивался бой и теперь. Но Юшкенас, как я говорил, славился упорством и не прекращал своих безнадежных попыток. Безнадежных потому, что я всякий раз видел начало удара. В один из таких моментов,

когда противник раскрылся в очередной атаке, я встретил его прямым слева.

Юшкенас в грогги.

Но я знал, что он сумеет оправиться. Так и случилось. Через несколько мгновений он уже старался войти в клинч, но я пресек его попытку точной серией в корпус. Очков за этот раунд я набрал с избытком.

После минутного перерыва Юшкенас вновь попробовал поймать меня на удар; я уклонился в сторону и достал его встречным в голову. Что произошло дальше, я так до конца и не понял. Юшкенас, спасаясь от дальнейших ударов, согнулся и то ли ушел в глухую защиту, то ли принял очень низкую стойку — кроуч. Несколько следующих секунд он работал, а точнее, отбивался в этом положении, глядя, так сказать, на пол. И вдруг откуда-то из-под коленки, что ли, возник удар. Это был не крюк и не апперкот, а что-то среднее, нечто вроде удара в суматошной уличной драке. Ощущение было такое, будто из-под ног вывернулся булыжник и угодил прямо в подбородок. Я до сих пор убежден, что противник и сам не видел, куда бьет, но попал тем не менее как нельзя более точно.

Я лег, словно из-под меня выдернули ноги, лег плотно, на все, как говорится, три точки. Услышал счет, попробовал подняться, но тут же вновь рухнул ничком в брезент.

Это был мой третий нокаут — третий за каких-то три года. Ниман, Чиаботару, Юшкенас…

— Странные нокауты! — услышал я на другой день ставшую вскоре ходкой фразу.

Да, в чем-то они действительно были странными. Выигрывая у сильных, я проигрывал тем, кто заведомо слабее. Даже Королеву, удар которого был тяжелее всех, какие только мне приходилось видеть, ни разу не удалось меня нокаутировать. А ведь мы провели с ним целых восемь боев!

Впрочем, если взглянуть на дело с другой стороны, то ничего странного тут, пожалуй, и нет. Просто мне трагически не везло. А невезение вещь вполне обычная и заурядная. И суть вовсе не в том, что я, как может показаться, пытаюсь найти задним числом себе оправдание.

Стоит только задать себе один-единственный простой вопрос, как все сразу становится на свои места. Легко ли провести точный акцентированный, так называемый нокаутирующий удар? Трудно. Очень трудно. А сплошь и рядом почти невозможно. Особенно если противник обладает высоким, на уровне сборной страны, классом мастерства. Казалось бы, моя собственная практика противоречит мне же самому. Но это не так. Более половины

своих боев я действительно закончил досрочно. Но среди нокаутированных мною противников не было ни того же Королева, ни Навасардова, ни Линнамяги. Ни я их, ни они меня, ни каждый в отдельности друг друга нокаутировать ни разу не смог. Любой поединок любой из этих пар заканчивался всегда лишь по очкам.

И это естественно. Завершающий удар, если исключить случайность или невезение, просто так никогда не проходит. Его долго — подчас в течение всего боя! — тщательно готовят. А противник, разумеется, это отлично видит. Он знает, на что его собираются поймать, и заранее принимает все необходимые меры. И если его боксерское искусство достаточно высоко, можно почти наверняка сказать, что задуманный нокаут так и не состоится.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на авторитет статистики. «Около 98 % боксеров, входящих в состав сборной команды СССР, начиная с 1945 года вообще не проигрывали бои нокаутами», — приводит цифровой материал в одной из своих статей специалист по боксу В. М. Клевенко. На первый взгляд удивительно. Но только на первый взгляд. Тот, кто наблюдал бои наших лучших мастеров ринга, легко поймет, что высокий уровень их искусства — надежная гарантия не только от нокаутирующего, но и часто от любого опасного по силе удара.

Мне, повторяю, просто не везло, и я, по-видимому, попал в эти невезучие два процента.

Ниман, Чиаботару, Юшкенас… Три нокаута, и все — ударом без подготовки.

Ниман. Можно ли было предполагать, что вместо приветственного касания перчатками он обрушит одну из них на мой незащищенный подбородок? Можно. Ритуал этот, как говорилось, правилами не оговорен. Но я об этом не вспомнил…

Чиаботару. Бой, кончившийся за пятнадцать секунд. Мог ли румын подготовить за эти секунды точный решающий удар? Безусловно, нет. Но я зазевался…

Юшкенас. Удар, нанесенный не видя, вслепую. Но я напоролся на него зрячий. Как это могло произойти? Я мог поскользнуться и, опустив плечо, подставить челюсть под перчатку; мог зажмурить на миг глаза от попавшей в них капли пота. Но я не поскользнулся, и пот в глаза мне не попал. Значит, случайность? Да, случайность…

Но три случайности подряд — это, пожалуй, уже невезение. Не рок, не судьба, а именно невезение. Та самая решка, которая по закону статистической вероятности может выпасть не три, а тридцать и даже триста раз подряд; стоит только попасть в разряд

невезучих.

Конечно, не статистические выкладки и не рассуждения подобного рода явились толчком к решению оставить ринг. Полоса досадных случайностей могла бы и оборваться. Особенно если, учтя горький опыт, призвать на помощь разумную осторожность и бдительность. Но три нокаута сами по себе являлись достаточно веской причиной. Случайны они или не случайны, суть дела от этого уже не могла измениться.

И все же перед тем, как уйти с ринга, я поставил цель: добиться реванша и вернуть утраченный титул чемпиона страны. Битым я уходить не хотел. Я стал готовиться к Спартакиаде народов СССР, которую намечено было провести в августе следующего года.

Через оговоренный правилами бокса шестимесячный перерыв я вновь надел боевые перчатки. Четыре поединка — четыре победы. Три из них опять удалось одержать нокаутом.

Меня часто спрашивали, не испытываю ли я теперь страха, выходя на ринг? Обычно в таких случаях я отшучивался. Но вовсе не оттого, что хотел скрыть правду. Скрывать было нечего. Тому, кто боится, на ринг попросту не за чем выходить: страх в бою неизбежно приведет к поражению. Меня не пугали ни сами поединки, ни те противники, которые поднимались вместе со мной на помост: я опасался лишь одного-единственного бойца на свете — самого себя. Четвертый нокаут я бы себе не простил. А он, как я понимал, мог быть лишь в том случае, если бы я вновь что-нибудь проморгал. Словом, думалось мне, вполне достаточно и того, что попал в два процента; рекордов по части невезучести я ставить не собирался.

Физически я чувствовал себя тоже великолепно: режим и ежедневные тренировки помогали сохранять спортивную форму. Впрочем, так было всегда. С тех пор, как девять лет назад я впервые переступил порог боксерского зала, на здоровье жаловаться не приходилось. Организм работал, как часы, и я попросту не замечал существования таких его «деталей», как, скажем, сердце, почки или селезенка. С врачами если и приходилось встречаться, то лишь перед соревнованиями, и только для того, чтобы подтвердить лишний раз само собой разумеющееся: все в норме. Бокс в этом отношении особенно хорош тем, что развивает человека всесторонне и гармонически. Словом, в свои двадцать восемь лет я не знал, куда девать избыток сил и энергии, если придется оставить ринг. А это было делом уже решенным.

То же самое советовали и друзья. И в первую очередь мой друг и наставник Виктор Иванович Огуренков. Он не скрывал, что

ему жаль отпускать меня из сборной страны, куда я входил вот уже восемь лет, но он лучше других понимал, что возраст боксера исчисляется не по паспорту, что три нокаута, особенно в тяжелом весе — не шутка и что дальше рисковать неразумно.

— Когда боксер становится тренером, он не уходит с ринга. Наоборот, главный бой для него только начинается, — говорил мне Виктор Иванович. И я видел, что говорилось это не в утешение, а вполне искренне, без какой-либо задней мысли. — Когда на помост поднимается твой ученик, схватку с противником вам приходится вести вместе. И еще вопрос, кому из вас она достанется тяжелее!

Впоследствии я не раз вспоминал эти слова, сознавая, сколько в них правды — и радостной, и горькой. Но тогда черед этому еще не пришел: в те дни я готовился к своим последним боям — поединкам на ринге 1-й Спартакиады народов СССР.

В это же время провел последние бои и Николай Королев. Он вновь — в который уже раз — продемонстрировал свою неукротимую волю, свое непоколебимое упорство в достижении поставленной цели. А цель оставалась прежней: добиться реванша и вернуть титул чемпиона страны. Неважно, что никто, кроме самого Королева, давно в это не верил — ветерану ринга исполнилось 39 лет; сам Королев смотрел на вещи иначе, и этого было достаточно. Он продолжал тренировки, продолжал готовиться к новым схваткам, продолжал верить в победу. Такому характеру нельзя было не изумляться, такой характер нельзя было не уважать.

Реванш Королев решил приурочить тоже как раз к спартакиаде. И, надо сказать, он вновь сумел опровергнуть все прогнозы, все привычные представления, сумел добиться, не побоюсь слова, ошеломительных результатов. Несмотря на 40-летний возраст и длительный вынужденный перерыв, Королев совершил, казалось бы, невозможное: выиграв все предварительные бои, он вышел в финал Спартакиады народов РСФСР и, нокаутировав в первом же раунде 22-летнего тяжеловеса Потапова, обеспечил себе право на участие в дальнейшей борьбе за золотую медаль Спартакиады народов СССР. Правда, завоевать ее ему так и не удалось, но это от него уже не зависело: вмешались врачи и к дальнейшим поединкам Королева просто не допустили.

Дело в том, что свой путь к реваншу он начал не совсем легально. Вскоре после нашего последнего боя на первенстве страны 1953 года Королев сделал вид, будто покинул ринг и целиком переключился на тренерскую работу. Однако это не помешало ему сохранять спортивную форму и, тренируя

молодежь, тренироваться самому. А в 1956 году он взял и заявил себя в качестве участника.

Неизвестно, чем бы, все кончилось, если бы не решительное запрещение врачей. Но независимо от этого Королев, по-моему, добился главного: он не изменил себе и боролся, как всегда, до конца, до самой что ни есть последней возможности. Может, это было ошибкой, может, даже нелепостью, но он, видимо, не мог поступить иначе: таков уж королевский характер — во всем идти до конца. И он ему остался верен. Он поставил перед собой скорее всего недостижимую цель, но шел к ней до тех пор, пока в дело не вмешались не зависящие от него силы. Думаю, что, нокаутировав Потапова, Королев выиграл не просто свой 219-й по счету бой, он одержал более важную, принципиальную для себя победу, и она заключалась именно в невероятности самой задачи, которую он столь дерзко и вполне серьезно перед собой поставил. Избрав цель, Королев не остановился на пути к ней, его остановили, а это далеко не одно и то же.

Так получилось, что наши дороги опять сошлись, и, если нам не суждено было вновь встретиться на ринге, то покидали его мы в одно время. Правда, мне еще предстояло провести несколько боев, но они, разумеется, не меняли существа дела.

Спартакиада народов СССР собрала вокруг себя цвет отечественного спорта. Бокс, естественно, не был в этом смысле исключением. Соревнования, как и ожидалось, проходили в упорной, жесткой борьбе. По своей напряженности и числу участников они мало чем отличались от крупнейших международных турниров. Семь дней на двух рингах стадиона «Динамо» шли ожесточенные схватки — в Москву съехались 180 лучших боксеров страны, европейский и олимпийский ринг собирал лишь немногим больше. Среди тех, кто оспаривал золотые медали спартакиады, многие обладали громкими, известными всему миру именами; шестеро, например, в том же году стали призерами XVI Олимпийских игр в Мельбурне.

В тяжелом весе в борьбу вступили шестнадцать участников. В их числе был и будущий трехкратный чемпион Европы, шестикратный чемпион страны Андрей Абрамов. Правда, с Абрамовым мне встретиться не удалось; вместо него в финал вышел Лев Мухин, который через несколько месяцев завоевал серебряную олимпийскую медаль в Мельбурне. До встречи с ним я провел три боя, нокаутировав в первом раунде боксера из Армении Абазова и выиграв по очкам у ленинградца Романова и чемпиона Эстонии Маурера.

И вот финальная схватка — последний мой поединок на ринге. Девять золотых медалей уже разыграно, причем

предпоследняя — в полутяжелой весовой категории — досталась моему одноклубнику и земляку Ромуальдасу Мураускасу. Настал черед решить судьбу последней, десятой золотой медали. Противник мой, судя по всему, настроен весьма решительно: в финал он прошел уверенно, выиграв у всех своих соперников с большим преимуществом. У Мухина сильный удар, он молод, быстр и напорист. Именно эти качества и принесли ему вскоре заслуженный успех на олимпийском ринге.

Бой Мухин начинает без разведки, атакой. Видимо, наслушался разговоров, считает, что я выдохся и уже не опасен. Ну что ж, разубедить его, пожалуй, будет нетрудно. Я вижу все, чем он собирается меня сокрушить, легко разгадываю каждый его замысел в тот самый миг, едва только он зарождается… Атакует двойным левой в голову, а сейчас последует сильный прямой по корпусу. Но я знаю, что удара не будет, что это финт; противник стремится, чтобы я раскрыл голову. Делаю вид, что попался, и опускаю локти, а заодно быстро переношу центр тяжести на левую ногу. Противник, как я и предполагал, мощно бьет справа, но я опережаю его встречным по печени и, тут же распрямляясь, провожу боковой в голову. Мухин ищет спасения в клинче, но я в последнее мгновение разрываю дистанцию и дважды бью в просвет снизу.

Во втором раунде противник ведет себя более осторожно. В атаки очертя голову уже не кидается; маневрирует, старается занять удобное исходное положение. Но мне вовсе незачем ждать; теперь я атакую сам. Защищается противник неплохо, и все же я быстрее. Несколько моих прямых достигают цели. Мухин пытается контратаковать, но я вновь опережаю его и с двойным боковым в голову прохожу в ближний бой. Серия снизу в туловище, а теперь, на выходе — еще раз в голову.

Секундант, обтирая в перерыве влажным полотенцем шею и плечи, молчит. Слова сейчас ни к чему. Я и сам знаю, что оба раунда за мной. За все шесть минут я, по существу, не пропустил ни одного сильного удара. Зато противник этого о себе сказать никак не может. Смотрю в его угол: майка вся в пятнах от пота, и дышит уже тяжело.

— Чистая работа! — говорит наконец, убирая полотенце, Заборас. — Продолжай в том же духе.

Я молча киваю в ответ и, не оборачиваясь, по голосу чувствую, что он улыбается.

В третьем раунде Мухин увеличивает темп и вновь, как в начале боя, старается как можно чаще атаковать. Видимо, рассчитывает наверстать упущенное. Но у меня сил, пожалуй, осталось больше. Я не только принимаю темп, но и добавляю еще

чуть-чуть от себя. Инициатива по-прежнему за мной. Схватка идет на всех дистанциях, но без рубки: рубка мне ни к чему. Впрочем, Мухин тоже, кажется, не стремится к обмену ударами; работает он напористо, но технично. И все же чего-то ему не хватает. Скорее всего опыта… До гонга остается меньше минуты. Я совсем не ощущаю усталости, наоборот, сил будто бы прибавилось: чувство такое, будто позади не бой, а легкая, бодрящая разминка. Дело, вероятно, в том, что удары противника не доходят. И еще — в чувстве удовлетворения: бой веду я, и веду так, как хочу.

Вижу, как противник бросает взгляд на световые часы; сейчас он вновь кинется в атаку, до гонга осталось несколько секунд. Легко ухожу от его размашистых боковых; делаю вид, что собираюсь контратаковать по туловищу, но в последнее мгновение меняю положение ног и резко, без замаха, бью в голову…

Звучит гонг.

Это был мой последний удар; им я закончил свой 128-й бой и мою карьеру на ринге.

Первым поздравил меня с победой Виктор Иванович Огуренков.

— Ну что, чемпион? Теперь можно и на покой, — пошутил он, крепко стиснув мне руки, с которых я только что навсегда снял боевые перчатки. И, кивнув на медаль, спросил: — Небось думаешь: последнее «золото»?

Виктор Иванович угадал. Я действительно думал, что это моя последняя золотая медаль. Но все, конечно, было не так. «Золото» принадлежит не одним чемпионам. Мисюнас, Пастерис, Заборас, Огуренков… Каждый из них вложил частицу себя в мои победы на ринге. Теперь пришла моя очередь; теперь чьи-то будущие победы стану подготавливать я, и в каждую из них будут вложены мое умение и опыт, все, что я успел накопить за десять лет жизни на ринге.

На другой день Огуренков принес газеты, подождал, пока я их просмотрел, и спросил:

— Надеюсь, не передумаешь? Все, что здесь говорится, верно, и все-таки…

— Пора? — перебил я. — Нет, не передумаю. То, что решено, то решено!

— Значит, на Олимпийские в Мельбурн поедет Мухин?

— Мухин в Мельбурн, а я в Каунас. Сами говорили: точку надо ставить вовремя.

— Говорил, — улыбнулся Огуренков. — И сейчас говорю: удач тебе на новом поприще, удач и много новых золотых медалей! А газеты захвати, сыновьям когда-нибудь покажешь…

СЛЕДЫ ОТ ПЕРЧАТОК

Большой спорт не может пожаловаться на недостаток внимания. Его жизнь, его проблемы неизменно находятся в центре интересов общественности. И чем выше популярность спортсмена, тем чаще он попадает под перекрестный допрос болельщиков. Болельщики хотят знать все. Поэтому они никогда не устают задавать вопросы. Это их естественное и неотъемлемое право.

Пожалуй, наиболее личный и в то же время наиболее распространенный вопрос, который мне множество раз задавали прежде и продолжают задавать теперь, — что дал мне бокс? — является вместе с тем и самым существенным, самым важным. В самом деле, что дает бокс человеку вообще? Есть ли в нем что-либо такое, чего не может дать ни один другой вид спорта и чем, следовательно, оправдано само его существование? Ведь схватки на ринге — не просто спортивная борьба с соперником или с самим собой; ринг требует гораздо большего. А если так, насколько и чем обоснованы эти требования? Состязаться в силе, ловкости, мужестве можно и другими, более цивилизованными, как порой говорят, способами; спорт в этом смысле предоставляет огромный, если не сказать неисчерпаемый, выбор.

Итак, чем же обогатил меня бокс, что он дал мне за десять лет, проведенных на ринге?

Обычно, спрашивая, многие ждут, что речь пойдет о таких вещах, как известность, определенное положение в жизни, возможность повидать мир, спортивные титулы и медали, физическое здоровье, наконец… Все это верно, но все это в равной мере относится к любому виду спорта. С боксом же дело обстоит особо. Если говорить коротко: бокс дал мне меня самого — Альгирдаса Шоцикаса. Не чемпиона Шоцикаса, а человека Шоцикаса, того человека, каким бы я не был без бокса, но которым я с его помощью стал.

Так я считал всегда: то же самое я сказал корреспонденту «Недели», который спустя двадцать пять лет после начала моей боксерской карьеры задал мне, как и многие другие, все тот же вопрос. И чтобы не оставить никаких недомолвок, я пояснил:

— Бокс дал мне главное — уверенность в себе. Благодаря ему я никогда никого и ничего не боялся. Дело не в том, что я мог ввязаться в любую драку и суметь постоять за себя, — хотя и одного этого вполне достаточно, чтобы свести знакомство с боксом, — повторяю, он дал мне уверенность в себе. А это решает многое. Только человек, уверенный в себе, способен выполнить

свою жизненную программу.

Журналист, бравший интервью, не возразил, как нередко случается, что ринг, мол, не обладает монополией на воспитание характера; он, видно, знал толк в боксе и понял, что я имею в виду.

Конечно, уверенность в себе приходит к людям разными путями, и вовсе не обязательно добывать ее непременно с помощью кожаных перчаток. Она может основываться на богатстве жизненного опыта, опираться на твердость выношенных убеждений, вытекать из сознания компетентности в избранной профессии, да мало ли… Но я говорю о другой уверенности — об уверенности, исходной точкой которой является ощущение собственной надежности, испытанности на прочность и тела и духа. Эта уверенность особого рода, и хотя сфера ее действия, казалось бы, целиком исчерпывается небогатым набором тех житейских ситуаций, когда необходимо умение постоять за себя, на деле она далеко выходит за их рамки, находя себе применение буквально на каждом шагу. Ощущение физической защищенности и связанное с ней чувство внутренней независимости накладывает на человека неизгладимый отпечаток, позволяя ему сохранить собственное достоинство в любой обстановке и при любых обстоятельствах. В какой-то мере это напоминает хорошо сшитый костюм, в котором его владелец не только сам чувствует себя ладно и ловко, но сознает, что именно так он выглядит и со стороны, в глазах окружающих, а это, в свою очередь, прибавляет ему куражу, помогая держаться уверенно и непринужденно. Разница в том, что этот ладно скроенный и прочно сшитый «костюм» зависит не от постороннего искусства портного, а от собственного духовного опыта, накопленного и надежно испытанного в боях на ринге.

Бокс в этом смысле дает характеру больше, чем любой другой вид спорта. Душевная уравновешенность, уверенность в себе и чувство внутренней независимости, которые он воспитывает, заметно, а порой просто неузнаваемо меняют человека и остаются с ним на всю жизнь. Следы от перчаток не сохраняются, за редкими исключениями, на физиономии, зато они, образно говоря, навсегда запечатлеваются в характере, меняя к лучшему весь душевный облик и жизненный настрой человека. За шестнадцать лет своей работы тренером у меня было вдоволь случаев, чтобы убедиться в этом.

Неоценимо помогли эти качества и мне самому. И, как ни парадоксально, помогли прежде всего именно в боксе. Точнее, в овладении нелегкой профессией тренера. Найти себя в этой новой для меня роли оказалось весьма нелегко. Подчас, особенно

на первых порах, мной попросту овладевало отчаяние. И если бы не помощь друзей, если бы не та душевная крепость и стойкость, о которой я только что говорил, не знаю, что бы у меня вышло.

Вскоре после того, как я вернулся в Каунас, меня назначили старшим тренером республики, и я с головой окунулся в работу. Поначалу я считал, что все должно пойти гладко и просто; невелико дело научить тому, что умеешь, чему сам посвятил столько времени, отдал столько сил. Однако первый же опыт начисто развеял эти наивные взгляды и представления. Знать — это одно, уметь передать свои знания — совсем другое. Для этого прежде всего необходим духовный контакт, способность находить общий язык с теми, с кем приходится иметь дело. А люди, как известно, скроены не на одну колодку: у всякого свои особенности, своя индивидуальность, к каждому нужно искать отдельный подход; необходимо, словом, хорошо разбираться в характерах, угадывать главные их струны.

Не стану говорить общих мест о том, чем должен обладать толковый воспитатель и; педагог, все это и без меня отлично известно; сказку только, что поле моей деятельности далеко не исчерпывалось непосредственной работой со спортсменами в тренировочном зале. Зал был лишь половиной дела. Притом наименее трудоемкой и наименее сложной. Львиная доля хлопот лежала вне его стен, включая в себя порой самые неожиданные аспекты. Успех в спорте зависит не от одних тренировок, он аккумулирует в себе и личную жизнь спортсмена, со всеми ее мелочами, треволнениями и проблемами.

Во что только не доводилось вмешиваться, чего не приходилось делать! Поссорился ученик с невестой — мири; окрепли отношения — зовут на свадьбу; родился ребенок — помогаешь устроить в ясли… У одного не ладится с учебой в вечернем техникуме, у другого конфликт на заводе, у третьего зашли в тупик отношения с родителями, четвертый связался не с той компанией…

Является, например, какая-нибудь мамаша.

— Ну что хорошего в этом боксе! — начинает она с места в карьер. — Отвык драться на улице, так теперь сюда ходит… Что это, по-вашему, профессия, кусок хлеба на будущее?

— Нет, конечно, — отвечаю я. — Не профессия. Спорт. А насчет куска хлеба, так сын же ваш в институте заочно учится.

— Вот именно — заочно! А синяки очно зарабатывает. Вчера опять с подбитым глазом с тренировки пришел.

Начинается долгий разговор, за ним второй, третий… Убеждаешь, доказываешь, приглашаешь на тренировки. Только уладишь одно: глядишь, уже другая каша заварилась. Словом,

один во всех лицах: и тренер, и посредник, и ходатай…

Но все это пришло не сразу. Сначала надо было завоевать авторитет, добиться дружбы, доверия, а уж затем, — как следствие — права на участие в чужих жизнях, права на товарищескую помощь и совет. Как ни странно, но облегчение я почувствовал лишь тогда, когда стало трудно, когда заботы тех, кого я тренировал, стали и моими заботами. Без этого ни один тренер ничего путного не добьется: ринг — это не только бои, не только работа на снарядах, он неизбежно втягивает в свою сферу и многое из того, что, казалось бы, находится вне его канатов.

Дел день ото дня становилось все больше. И одному мне, конечно, не удалось бы справиться и с десятой их долей. Выручало понимание, которое я неизменно встречал всюду. Я уже говорил, что спорт у нас в Литве не только любят, но и высоко ценят, охотно вникая в его проблемы и нужды.

Впрочем, ничего удивительного здесь нет; подобное положение типично, разумеется, не только для нашей республики: спорт в Советской стране всегда пользовался заслуженным уважением. И для меня это не пустые слова, не громкая, пришедшая к месту фраза. Достаточно сказать, что меня в числе других спортсменов наградили орденом Ленина. В республике напечатали несколько моих книг, где я делился своим спортивным и тренерским опытом. Меня назначили председателем республиканского совета по боксу; избрали депутатом в Каунасский горсовет, в составе которого я нахожусь до сих пор. Оговорюсь сразу же: упоминаю я об этом вовсе не за тем, чтобы подчеркнуть какие-то свои личные заслуги, — о них судить не мне, да и не о них речь! — просто, говоря о нашей работе, нельзя не сказать о тех условиях, о той общественной атмосфере, в которых она складывается и без чего вряд ли удалось добиться по-настоящему заметных успехов. Есть вещи, с которыми мы настолько свыклись, что, говоря о них, невольно опасаешься, как бы тебя не упрекнули в банальности, но для тех, кто повседневно имеет с ними дело, не говорить о них просто нельзя. Хотя бы оттого только, чтобы не быть неправильно понятым.

А успехи действительно были налицо: уровень бокса в республике значительно вырос. Стоит назвать такие имена, как Мураускас, Юшкенас, Зурза, Позняк, Тамулис, Юоцявичус, Биндялис, чтобы стало ясно, что времена безвестности и ученичества прошли: боксеры Литвы уверенно штурмовали не только всесоюзный ринг, но и вносили свою лепту на крупных международных турнирах. Немало появилось и талантливой, перспективной молодежи, что само по себе являлось лучшим

свидетельством растущего в республике интереса к боксу. Пример таких мастеров кожаной перчатки, как тот же Тамулис или Позняк, прочно вошедших в число лучших перчаток международного любительского бокса, воодушевлял и вселял надежды, увеличивая наплыв желающих в боксерские школы и секции.

Работать год от года становилось хотя и труднее, но интереснее.

Я часто бывал в Москве, советовался с ведущими специалистами и тренерами страны, неусыпно следил за всем, что происходит на большом ринге. Не терял, разумеется, связи с Виктором Ивановичем Огуренковым; мы с ним не только часто встречались, поддерживая давнишнюю, проверенную временем и испытаниями дружбу, но и постоянно переписывались, держа друг друга в курсе своих дел и творческих замыслов. Нередко наезжал Виктор Иванович и в Каунас; взятое им когда-то шефство над литовским боксом стало для него делом сердца и совести; его активный интерес, его советы, подкрепленные огромным опытом и знаниями, оказывали мне неоценимую помощь. Приезжал в Каунас и Николай Королев. Николай Федорович придирчиво приглядывался ко всему, что у нас происходит, многое одобрил, кое-что раскритиковал, дал несколько точных и дельных советов, побывал он напоследок и у меня дома, познакомился с семьей — нам было о чем вспомнить, а о чем и поспорить. Расстались мы с ним друзьями, и мне было очень радостно оттого, что нет у нас в спорте ни вражды, ни зависти, что соперничество в нем никогда не мешает сохранять уважение друг к другу, а вместе с ним и хорошие, чисто человеческие отношения.

Жизнь моя год от года набирала силы, становилась ярче и глубже. Меня назначили тренером сборной Советского Союза; я много колесил по стране, нередко доводилось бывать и за рубежом.

Особенно много впечатлений оставила поездка в Соединенные Штаты, где мне не по книгам и газетам, а, так сказать, лично удалось присмотреться к профессиональному боксу. Ездил я туда в качестве помощника главного тренера нашей сборной, которая наносила ответный визит побывавшим у нас в стране американским боксерам.

На Американский континент я попал впервые. В Мексике, несмотря на то, что в состав олимпийской сборной входил один из моих учеников — Чепулис, мне побывать не пришлось. Случилось так потому, что Чепулиса включили в состав команды, что называется, в последнюю минуту. Ионас, например, даже не хотел поначалу ехать на предолимпийские сборы — настолько

нереальным считали мы с ним его участие в сборной. Несмотря на мои уговоры, что ехать в Москву все равно надо, он колебался до самого конца.

— Что, я мешок, что ли? Будут на мне удары в спарингах отрабатывать. Там и без меня тяжей хватает. Не поеду! — упрямился он. — Ну скажи что-нибудь, тренер!

— Надо ехать! Если ты боксер…

— Вот именно, боксер! А не снаряд для тренировок. Пойми, тренер, нет у меня шансов попасть в Мексику, сам знаешь!

Чепулис почему-то всегда называл меня не по имени или как-нибудь еще, а только тренером; сначала я смеялся, а потом привык, так у нас с ним и повелось. Он был неплохой тяж и в Мехико завоевал серебряную медаль, проиграв лишь исключительно сильному американцу Формену, который после Олимпийских игр перешел, как водится, в профессионалы и стал абсолютным чемпионом мира. И все же тогда ни я, ни Чепулис не верили, что его включат в состав сборной, — слишком велика была конкуренция в этой весовой категории. Но суть дела от этого, разумеется, не менялась.

— Надо ехать, — вновь сказал я ему.

И Чепулис, махнув в сердцах рукой, отправился на вокзал.

А вскоре из Москвы пришла от него телеграмма: «Тренер! Сам не ожидал, но еду в Мехико! Не забудь включить телевизор».

Телевизор, разумеется, включать я не забывал, следил за поединками у себя дома в Каунасе. Не хочу говорить о них задним числом — любители бокса наверняка сами все видели. Напомню только, что Позняк добился «золота», а Чепулис, как уже говорилось, привез с собой «серебро». Для литовского бокса это был огромный успех, переоценить который попросту невозможно.

Конечно, я очень жалел, что не удалось побывать в Мексике. С тем большей охотой собирался я в Соединенные Штаты. Что ни говори, одна из сильнейших боксерских держав мира!

В состав нашей сборной входили Семенов, Запорожец, Левищев, Мельников, Хромов, Казарян, Тлеубаев, Толков, Юоцявичус, Каратаев и Сароян. Из тренеров, кроме меня, поехали Николай Ли и главный тренер Анатолий Степанов; Енгибарян и Романов должны были выступать в качестве судей.

В Нью-Йорк мы прилетели поздно вечером и, переночевав, рано утром отправились в Лас-Вегас. Встретили нас с помпой. Поселили в самом роскошном отеле «Цезарь-палас», где все стилизовано на древнеримский манер, и даже прислуга носила туники. Но нам было не до исторических ассоциаций: долгая, изнурительная дорога порядком измучила ребят, и все,

естественно, хотели одного — отдохнуть перед поединками.

Вообще говоря, настроение в команде царило бодрое. Как известно, в Москве и Минске наши боксеры у американцев выиграли. Конечно, у себя дома и стены помогают. Но все же исход предстоящего матча нас не тревожил. Предчувствия эти вполне оправдались. Сначала в Лас-Вегасе, а затем в Денвере и Луисвилле обе американские сборные вновь потерпели поражение.

Однако победы на сей раз дались нелегко; соперники подобрались достойные. Особенно обращал на себя внимание американский тяжеловес, двадцатипятилетний негр из Денвера Лайл.

— Узнаешь молодость? Твоя копия, только ты, кажется, был чуточку посветлей, — отозвался о нем, улыбаясь, Анатолий Степанов. — Высокий, стройный, ни капли жира — сплошные мышцы. Вот только, как работать будет, надо поглядеть.

И надо сказать, что Лайл нас не разочаровал. Работал он с блеском: жестко, расчетливо, точно. Вдобавок ко всему он был чудовищно быстр. Мы наблюдали его в бою с профессионалом, которого он нокаутировал во втором раунде. Выглядело это весьма впечатляюще. Когда Лайл провел свой кросс правой, и нокаутированный противник уже валился в беспамятстве на пол, негр успел нанести вдогонку еще два резких боковых — настолько он был стремителен.

Выиграл Лайл и у нашего Сарояна, заставив того сложить оружие также во втором раунде. Правда, Сарояну вскоре удалось отыграться. Следующим его противником оказался некий Лиль, которого перед тем выпустили из тюрьмы, и на ринг он явился, можно сказать, прямо из-за решетки. Лиль, мягко говоря, не мог похвастать скромностью. На ринге он вытворял что хотел; прыгал, кривлялся, произносил монологи и даже пытался петь. В бою он себя вел тоже не лучшим образом: американский судья хотел дисквалифицировать его за грубую манеру боя и запрещенные удары, но Сароян опередил рефери и сам «успокоил» распоясавшегося противника своими мощными прямыми правой. Схватку остановили ввиду явного преимущества советского боксера.

В Лас-Вегасе нас встретил один из лучших профессионалов прошлого, знаменитый Джо Луис, который в течение двенадцати лет удерживал за собой титул абсолютного чемпиона мира.

Луис приехал в Лас-Вегас на похороны Сонни Листона, еще одной знаменитости профессионального бокса, экс-чемпиона мира в тяжелом весе, предшественника Касиуса Клея. Узнав о приезде советских боксеров, Луис решил задержаться и часто

навещал нас в гостинице. Он присутствовал на всех поединках и высоко отзывался о мастерстве наших ребят, считая, что советская школа бокса одна из самых перспективных в мире.

Выглядел Луис неважно и, судя по всему, ничего хорошего от жизни уже не ждал; единственным источником его существования являлись те деньги, которые он получал за судейство матчей кетча — этой чисто американской разновидности борьбы, в которой, по существу, нет никаких правил и дозволяется все, вплоть до увечий любыми, пусть самыми зверскими способами. Лучшему профессионалу мира, чтобы заработать на жизнь, еще совсем недавно и самому приходилось принимать участие в этих грязных кровавых спектаклях. Впрочем, как отозвался сам Джо Луис, и это было еще не самым худшим из того, что ему доводилось делать с тех пор, как он оставил ринг.

Удалось познакомиться нам и с другими звездами профессионального бокса. В Нью-Йорке, например, мы получили приглашение на обед от не менее известного боксера-профессионала, восьмого из двадцати четырех чемпионов мира в тяжелом весе, Джека Демпси. Несмотря на то, что Демпси покинул ринг много лет назад, бокс в его жизни по-прежнему занимал главное место. Когда-то он купил на Бродвее небольшой ресторан, который вскоре стал своего рода Меккой для ветеранов и просто ценителей бокса. В баре Джека Демпси все было выдержано в едином духе. На стенах, украшенных портретами чемпионов и эпизодами из наиболее драматичных схваток на ринге, можно было, не сходя с места, проследить всю историю мирового профессионального бокса. Всюду, куда ни глянь, взгляд натыкался на что-нибудь, так или иначе связанное с жизнью героев кожаной перчатки. Даже спички — и те фирменные: на коробке фигура хозяина бара в боевой стойке.

Демпси, в отличие от Джо Луиса и многих других коллег, можно сказать, повезло. Ресторан, куда он нас пригласил, дал ему возможность обеспечить себя под старость. А такое выпадало очень и очень немногим. Большинство, покидая ринг, оставалось вроде Джо Луиса ни с чем. Прошлый же успех и былая слава, сколь шумными они ни были, гарантий от нищеты не давали.

Показывали нам и кинохронику наиболее ответственных матчей тяжеловесов всех времен. Особенно яркое впечатление произвели на меня два боя Джо Луиса с Максом Шмеллингом. В первом, как известно, победил Шмеллинг. Перед поединком немецкий боксер много раз просматривал кинопленки, стараясь отыскать в боевой манере своего грозного противника какое-нибудь уязвимое место. Наконец Шмеллинг нашел то, что искал: он обратил внимание, что Джо Луис после прямого удара левой

опускал на мгновение руку и чуть-чуть приподнимал подбородок.

— Мой шанс — это встречный справа поверх левой черномазого, — заявил Шмеллинг своему тренеру.

И ему удалось его использовать. Этот единственный свой шанс. В конце четвертого раунда он воспользовался ошибкой Луиса и провел мощный крюк справа по челюсти. В двенадцатом раунде Шмеллингу удалось повторить свой удар, и на этот раз его противник уже не смог подняться на ноги.

Через два года в матч-реванше Джо Луис сделал необходимые выводы и уже в шестом раунде покончил со Шмеллингом. Трижды тот поднимался с пола после сокрушительных ударов Луиса, но продолжать бой немец, по существу, уже не мог; он мотался по рингу как пьяный, и судья в конце концов оказался вынужденным остановить схватку.

Великолепно работал на ринге и другой знаменитый американский тяжеловес, итальянец Рокки Марчиано. Смотреть кинохронику его боев было истинным наслаждением. Марчиано был единственным профессионалом, который не знал ни одного поражения и ушел после четырех лет, в течение которых удерживал титул сильнейшей перчатки мира, непобежденным; все 49 проведенных им боев он выиграл. Мощные удары с обеих рук сочетались у него с блестящей техникой и огромной физической выносливостью.

Вообще говоря, профессионалы, как правило, обладают в сравнении с боксерами-любителями повышенной способностью переносить тяжелые удары. Тот же Сонни Листон, например, умудрился устоять на ногах после того, как его противник — Марти Маршалл сломал ему правым свингом в нескольких местах челюсть. Объяснить подобную выносливость несложно. Жестокие правила профессионального бокса, позволяющие продолжать бой даже после того, как один или оба противника получили серьезные травмы, создают своего рода искусственный отбор, который удается пройти лишь тому, кто в состоянии выполнять роль современных гладиаторов. Нередко судьбу боксера решает не столько высокое искусство и разносторонняя техника, сколько уникальные физические данные, вроде тех, что позволяют держать удары, от которых свалилась бы и лошадь. Техника Листона, например, не шла ни в какие сравнения с боксерским искусством, скажем, Касиуса Клея. Клей, правда, выиграл у него, но победа эта вызвала у самих американцев столь прозрачное недоверие, что разбором темной истории оказалась вынужденной заняться специальная комиссия сената Соединенных Штатов. Листон, сославшись на травму плеча, отказался продолжать бой после шестого раунда. И хотя врачи тщательно обследовали его

плечо, все, что они смогли сказать по этому поводу, звучало весьма подозрительно. «Возможно, Листон и не мог продолжать бой», — дали они уклончивое заключение, не желая вмешиваться в очередной скандал.

Но дело в конце концов вовсе не в том, мог или не мог продолжать Листон схватку, суть заключалась в другом: он с самого начала вел поединок на проигрыш. Так, видимо, кто-то решил заранее. А шансов у Клея, по мнению самих американских специалистов, было немного. Несмотря на все свое бесспорное искусство, ему вряд ли бы удалось избежать страшного по силе удара Листона. Когда поединок длится пятнадцать раундов, сделать это почти невозможно. А ведь первый же точный удар Листона, как правило, лишал боеспособности любого из его противников. Так что, если бы не история с якобы поврежденным плечом, то победа, как это нередко случалось на профессиональном ринге, осталась бы скорее всего не за техникой, а за феноменальной физической силой и выносливостью. Во всяком случае, Листон не раз одерживал верх именно таким способом; правила профессионального бокса тому, как уже говорилось, весьма способствуют.

Конечно, неверно было бы делать вывод, будто боксеры-профессионалы технически плохо подготовлены. Это, разумеется, совершенно не так. Многие среди них владеют искусством боя в самой высокой степени. Но когда слышишь безапелляционные заявления вроде того, что боксеры-любители никуда не годятся в сравнении с профессионалами, это нужно расценивать как другую крайность, которую, разумеется, также не стоит принимать всерьез. На мой взгляд, особой разницы между классом тех и других нет. Все дело в методах тренировки, в разнице целевых установок и самих правил. Подготовка боксеров-любителей гораздо гуманнее и нацелена на принципиально иной характер поединков. Лучшие из них при соответствующей переподготовке ни в чем не уступили бы на ринге профессионалам.

Конечно, я понимаю условность подобной ситуации. Но можно привести немало примеров, носящих уже не теоретический, а вполне практический характер.

Скажем, любитель Ласло Папп, перейдя в профессионалы, быстро добился бесспорных и весьма высоких успехов, став чемпионом Европы. Многие звезды профессионального бокса, такие, как Клей, Бенвенуто, Фрезер, Юханссон, Формэн — имен можно назвать множество, — начинали в качестве любителей и, переходя затем в класс профессионалов, мало чем отличались от тех своих соперников-любителей, встречи с которыми открыли им этот путь.

Мерились с ними силами и многие советские мастера бокса. С Клеем, например, дрался в Риме Геннадий Шатков; Вадим Емельянов встречался в Токио с Фрезером. Мне удалось выиграть в Гётеборге у Юханссона. Чепулис провел финальный поединок в Мехико с Формэном. Радоняк мужественно боролся за золотую медаль с Бенвенуто в Риме. А ведь все названные мной стали вскоре сильнейшими профессионалами мира.

Словом, дело не в том, кто лучше — профессионал или любитель, а лишь в том, кто к чему готовится и какие цели ставит перед собой. Не думаю, например, чтобы нынешний чемпион мира Формэн сумел бы легко выиграть в трехраундовом поединке по любительским правилам у лучших тяжеловесов-любителей. Так же как ни один из них, вероятно, не сумел бы одолеть того же Формэна в пятнадцатираундовом бою на профессиональном ринге. Разные условия дали бы разные результаты. И это естественно. Уровень мастерства в каждом отдельном случае определяется не принадлежностью к профессиональному или любительскому боксу, а природными способностями боксера и степенью его подготовки.

Вернувшись из Соединенных Штатов, я вновь целиком отдался прерванной на время поездки работе. Настала пора всерьез готовиться к предстоящему первенству Европы в Мадриде. Подготовка, разумеется, началась гораздо раньше, но поединки в Лас-Вегасе и Денвере помогли выявить просчеты, которые необходимо было как можно скорее устранить.

Основным претендентом на поездку в Мадрид являлся Юоцявичус; им и предстояло заняться в первую очередь. Несмотря на то, что все свои бои с американцами он выиграл, и выиграл довольно легко, работы впереди предстояло немало. Впрочем, его подгонять не приходилось: Юозас любил бокс самозабвенно и то, в чем его обделила природа — недостаток физической силы и сравнительно невысокая выносливость, — старался перекрыть за счет упорной шлифовки техники и тактического мастерства. Он с одинаковым рвением работал на всех снарядах, часами не отходя от груши или мешка.

Далеко не каждый мог похвастать подобной старательностью и столь серьезным отношением к делу. Некоторые, особенно тяжеловесы, не очень-то жаловали своим вниманием спортивные снаряды. Особую антипатию внушал почему-то мешок. Впрочем, работа с мешком отнимала много физической энергии и отличалась известной монотонностью. С грушей работать легче, но тоже довольно нудно. То ли дело — постучать на лапах! Тут охотники никогда не переводились.

Но лапы, на мой взгляд, в значительной мере самообман.

Тренер невольно подыгрывает, помогает боксеру; лапы на его руках как бы живые, они активно участвуют в игре. Мешок — нет. Мешок мертв и инертен. Своими бесстрастными, подчиненными одним лишь физическим законам движениями он не скрадывает, не маскирует ошибок, а с завидным постоянством подчеркивает их.

Но боксеру, нравится ему или нет, без снарядов, разумеется, не обойтись. Без мешка не поставишь удара, без пневматической груши не добьешься точности и быстроты. Поэтому тех, кто пытался отлынивать, приходилось, что называется, приводить в чувство; без разумной строгости и даже жесткости, как я давно понял, в тренировочном зале многого не добьешься. Всякий из нас немножко лентяй, и мало кто способен ежедневно выкладываться до конца, если его не подстегивать со стороны. Юоцявичуса можно считать исключением. Во всяком случае, таких, как он, встречать мне доводилось нечасто.

Однако, помимо Юоцявичуса, у меня занимались еще два с лишним десятка человек. В основном уже достаточно зрелые боксеры: мастера спорта или кандидаты в мастера. Вообще я считал да и продолжаю думать до сих пор, что зрелый, сложившийся спортсмен должен в основном работать над собой самостоятельно. Мелочная опека пользы ему не принесет. Он сам знает, что ему надо, в чем его сила и слабости, а самостоятельное творчество в этих случаях — лучший помощник. Такое творчество не только стимулирует спортсмена, подогревая его интерес, но и, главное, помогает глубже вскрыть индивидуальность, ярче выразить собственную самобытность и врожденные особенности. Конечно, тренер не вправе пускать все на самотек, но его задачи строго ограничены; он не должен навязывать что-либо насильно, стараться уложить индивидуальность в какую-то заранее заданную схему, его роль сводится к тому, чтобы контролировать поиск спортсмена, отметая все лишнее и ненужное. В большом спорте сегодня добивается успеха лишь тот, кто идет не проторенными путями, а ищет свою собственную дорогу. И главная цель тренера — помочь спортсмену как можно полнее реализовать все заложенные в нем резервы.

Разумеется, я имею в виду ярко одаренных и вместе с тем способных к самостоятельному творчеству людей. Последнее дается не всем и, конечно, не сразу. Но если говорить о таких, как Чепулис, Зурза или Позняк, все сказанное относится к ним в полной мере.

С Юоцявичусом дело обстояло несколько иначе. Прежде всего ему недоставало опыта; если не считать поездки в Америку, международный ринг он знал лишь понаслышке. Во-вторых, он

был попросту молод, и присущая его возрасту горячность и увлеченность не всегда позволяли до конца разобраться в самом себе. И наконец, в весе семьдесят пять килограммов во все времена царила жесткая конкуренция. Как удачно выразился когда-то Попенченко — это самый мужской вес, И верно. Если не считать азиатских стран, второй средний вес наиболее типичен для нормально сложенного мужчины. Но дело не исчерпывается одной статистикой, хотя, конечно, чем больше соперников, тем труднее борьба. Есть тут и еще другая особенность: второй средний вес как бы вобрал в себя силу обеих крайностей — мощь ударов, сравнимую с ударами тяжей, и подвижность, свойственную мухачам. Подобное сочетание, думается, говорит само за себя. И как ни странно на первый взгляд, именно оно и делает эту весовую категорию наиболее трудной. Преимущества как бы оборачиваются в свою противоположность: чем разнообразнее оружие, тем большее искусство требуется от бойца.

Юоцявичус обладал многими из тех качеств, которые необходимы для лидера, и он в то время, бесспорно, был лучшим в своей весовой категории. Но намного ли — это уже вопрос другой. Таких ярких и, главное, стабильных мастеров, как Геннадий Шатков или Валерий Попенченко, в весе семьдесят пять пока не было, но и жаловаться на отсутствие достойных соперников также не приходилось. Имена Лемешева, Рискиева, Климанова и Панкратова имели, пожалуй, не меньший вес, чем боксерское имя Юоцявичуса. Они шли не сзади, а рядом. И стоило чуть расслабиться, чуть снизить темп работы над собой, как тотчас же произошла бы перестановка сил. Разрыва не было: основные соперники шли, что называется, впритык. Сложившееся во втором среднем весе положение напоминало гонку без лидера. Во всяком случае, без явно выраженного лидера. И ни я, ни сам Юоцявичус нисколько не заблуждались на этот счет.

Но первенство в Казани, как уже говорилось, Юоцявичус все-таки выиграл. Упорная ежедневная работа помогла ему удержать завоеванные позиции, открыв путь в Мадрид.

Это было и радостно, и тревожно. Я понимал, что отдал своему ученику все, что мог, но одновременно видел, что этого может оказаться недостаточно. Юоцявичус сделал больше, чем смогли бы сделать на его месте многие: он практически полностью исчерпал себя, овладев всеми отпущенными ему природой резервами. Он достиг предела, или почти предела, и не его вина, думалось мне, если европейский ринг потребует большего. У всякого из нас есть потолок. И с этим — хочешь не хочешь — приходится мириться.

Юозас пришел ко мне за два года до Мадрида. Пришел уже

опытным, сложившимся боксером. Прежний его тренер, видимо, считал, что исчерпал свои возможности до конца и не в силах что-либо еще дать ученику.

— Поработайте с ним, парень того стоит, — сказал он мне. — Прирожденный боксер. Впрочем, у них это семейное.

Семья Юоцявичусов и в самом деле была спортивной семьей. Вместе с Юозасом — он к тому времени был уже мастером спорта — пришли два его младших брата, Стасис и Юзеф. Оба тоже неплохие боксеры. Один — чемпион республики, второй — призер первенства профсоюзов. Лишь последний, четвертый брат изменил фамильной традиции, предпочтя кожаной перчатке настольный теннис.

Юозас с первых же дней покорил меня всепоглощающей, самоотверженной страстью к боксу. Его трудолюбию, внутренней собранности и самодисциплине оставалось только завидовать. Все свое свободное время — он учился на третьем курсе экономического факультета — Юозас отдавал тренировкам. Порой его приходилось чуть ли не гнать из зала; на снарядах он мог работать до самозабвения, часами не отходя от стрекочущей груши или гулко стонущего под ударами мешка. Из-за режима с ним тоже не приходилось тревожиться: кружку пива в летнюю жару выпить не уговоришь. Словом, с точки зрения тренера, святой, а не человек, хоть памятник ставь.

Единственное, чего ему, на мой взгляд, не хватало, это физической силы. Для своего роста он был немного легковат. Несколько лишних килограммов ему явно бы не помешали. К первенству страны 1970 года, которое проходило у нас в Каунасе, Юозас набрал свой вес, что называется, в упор, — ровно семьдесят пять; и все же по его комплекции этого было недостаточно.

Правда, все встречи он выиграл, но исключительно за счет блестящей техники и очень высокой культуры боя. Ввяжись он в рубку, и ему бы не устоять. Но Юозас и сам это хорошо понимал. Типично дистанционный боксер, он знал, что встречный бой не его стихия. И никто с ним ничего не смог сделать. Такие асы, как Крохмальный или чемпион Европы 1969 года Тарасенков, лишь зря теряли время, пытаясь навязать ему обмен ударами. Превосходство Юоцявичуса было бесспорным: раунд за раундом он уверенно переигрывал своих грозных соперников, ни на минуту не упуская из своих рук инициативу.

То же самое произошло через несколько месяцев и в США.

В Лас-Вегасе Юоцявичус встретился с негром Лардом, типичным темповиком и файтером, работающим, как и большинство американских боксеров-любителей, под

профессионала. Хлесткие удары снизу в ближнем бою, могучие хуки с обеих рук на средней дистанции, высокий темп и не прекращающийся ни на секунду натиск помогли Ларду выиграть незадолго до этого у Тарасенкова.

Но с Юоцявичусом у него дело не пошло. Негр и тут все три раунда неукротимо лез напролом. Но Юозас был готов к этому.

— Только не заводись! — уговаривал я его перед боем. — И не жалей ног, тогда ему за тобой не угнаться.

— Бегать от него прикажешь? — улыбнулся в ответ Юозас, сделав вид, будто не понимает.

— Шутить будешь потом. А пока — побегай. Хоть от него, хоть за ним. Лучше за ним.

Бегать за Лардом, конечно, не пришлось. Он как завелся с первой минуты, так и не сбавлял темпа до самого гонга. А толку никакого. Ларда рвется вперед, атакует, наслаивает серию за серией; весь мокрый, хоть выжимай. А у Юозаса майка совершенно сухая, будто только надел. Так и бой кончил — без единой капельки пота. Все пятеро судей единодушно отдали ему победу.

— Ну как? — спросил он в раздевалке.

— Молодец. Плясал, как на свадьбе.

— Так, пожалуй, и подошвы у боксерок протрешь, — не унимался Юозас.

— Зато на пластыре сэкономим, — в тон ему ответил я.

Я и в самом деле был очень доволен. И не только победой. Главное, Юозас не дал втянуть себя во встречный бой. Негр, несмотря на то, что буквально не давал себе передышки, доставал его крайне редко: два-три удара за весь бой, не больше. Сам Юозас бил точно, а противнику не давал. Оттого и майка сухой осталась.

Зато во втором бою в Денвере мне стало уже не до шуток.

Юозас не выдержал психологического напряжения. Видимо, сказалась непривычность обстановки: он впервые выступал не у себя дома, а на международном ринге. Бой Юозас опять выиграл. Причем выиграл так, что убедительнее не бывает. Но на первой же минуте сорвался и ввязался в рубку.

Джим Фаррель, полицейский из Нью-Йорка, сумел провести сильный хук в голову. И тут зрители подняли шум. В Лас-Вегасе американцы проиграли, и болельщики теперь жаждали реванша. Пока Юоцявичус, верный своей излюбленной тактике, расстреливал противника с дистанции, на трибунах угрюмо молчали. Но когда Фаррелю удалось нанести свой хук, швырнувший Юозаса на канаты, болельщики воспрянули духом и устроили такой тарарам, что в ушах ломило.

Обычно во время боя боксеры трибун не слышат; не до того. Но на международных соревнованиях, особенно если прежде не участвовал в таких турнирах, чувствуешь себя иначе, воспринимая непривычную атмосферу более обостренно. И Юозас, видимо, решил доказать, что не боится силовой борьбы, что, если нужно, он готов вести встречный бой.

Только нужно-то это было не ему, а противнику и трибунам. На настоящий бокс у Фарреля не хватало пороху: Юоцявичус делал с ним что хотел. Единственный шанс американца заключался в том, чтобы попробовать поймать противника на удар. То, что один из его хуков прошел, еще не решало дела. Фаррель все время стремился навязать обмен, но, пока Юозас этого не хотел, американец не в силах был изменить ход поединка, и бой складывался для него безнадежно. А когда вдруг Юоцявичус сам пошел ему в этом навстречу, шансы их фактически выровнялись. Во встречном бою дело решает не столько техника, сколько грубая сила, способность держать удары и физическая выносливость. А то и просто случай.

Так и вышло. Юозас нарвался на такой свинг, что у меня ноги подкосились. У него, правда, хватило сил продолжать бой, но я по себе знал, как туго ему приходилось. В глазах — клочья тумана, уши будто ватой заложило и ноги как не свои… Главное, ноги… Странно, что судья не открыл счета. Нокдаун хоть дает несколько секунд передышки. После такой оплеухи лучше всего клинчевать… Но Юозас, видимо, решил до конца выдержать характер. Тряхнув головой, он вновь ринулся в атаку.

— Может, подставишься еще раз? Публике понравилось, — не удержался от язвительной реплики я. Хотя, разумеется, знал, что ни Юозас, да и никто другой в таком гвалте меня не услышат.

Фаррель, судя по всему, тоже считал, что минута его торжества настала. Правая его действовала теперь как кувалда. Я видел, что после удара он чуть-чуть опускает ее вниз, оставляя на какую-то долю секунды челюсть незащищенной. Но вопрос, замечает ли это и Юозас? Ему сейчас, наверное, не до того. Слишком много пропускает ударов, слишком много…

Фаррель вновь ударил, и опять открылся… Неужели Юозас не замечает, неужели не видит!.. Стоп! Сейчас что-то будет… Юозас теперь сам лезет под удар, но, кажется, на этот раз сознательно, кажется, он провоцирует… Фаррель бьет. Бьет очень сильно…

Да, это провокация. Юозас в последнее мгновение делает шаг назад, и тут же шаг вперед, с ударом. Прямой левой, сухой и очень точный, бросает Фарреля на пол. Нокаут.

Зрители встали. Лавина аплодисментов обрушилась с трибун. Американцы ради хорошего бокса умеют отказаться от

национальных чувств. А Юоцявичус им, бесспорно, понравился.

Что ж, победителей, говорят, не судят. И все же Юозас пропустил неоправданно много ударов. Бой он мог выиграть гораздо более легкой ценой. Нельзя, глупо было ввязываться в рубку.

Юозас, разумеется, и сам понимал, что свалял дурака. Но я все же решил не упускать случай и после боя крупно поговорил с ним. Иной раз это необходимо. Даже с мастерами такого класса, как Юоцявичус. Даже если боксер сам все понимает. То, что всплыло наружу и осуждено вслух, крепче запоминается.

И надо сказать, что Юозас этого не забыл. Конечно, всякий из нас, как говорится, живой человек, и сдержаться порой очень трудно. Но в боксе идти на поводу у эмоций никак нельзя. Противник нередко рассчитывает именно на них. Особенно если ему не остается ничего другого. А Юоцявичус был как раз из тех, кто привык ставить своих соперников именно в такое положение. На то, чтобы выиграть у него по очкам, рассчитывать особенно не приходилось.

В Казани, где вскоре после матча со сборной США проводилось первенство страны, нервы Юозаса вновь подверглись жестокой проверке на прочность. В отличие от зарубежных наши боксеры прекрасно знали как сильные, так и слабые его стороны; знали и, естественно, заранее к ним готовились. Через Казань лежала дорога в Мадрид.

Если встречи в Лас-Вегасе и Денвере явились лишь пробной прикидкой, кому предстоит защищать честь советского бокса на первенстве Европы, то в Казани этот вопрос решался окончательно. Нас с Юоцявичусом устраивала лишь золотая медаль. Но завоевать ее было нелегко. Победы на всесоюзном ринге всегда доставались тяжелее. Гораздо тяжелее, чем в большинстве международных турниров. Как ни странно, но факт остается фактом.

Сюрпризы начались уже в четвертьфинальных схватках. Неожиданно для всех проиграли чемпион страны в полутяжелом весе Каратаев и чемпион прошлого первенства Европы Тарасенков. Оба проиграли молодым, не очень еще известным тогда боксерам; причина была все та же — рубка. Дан Позняк, судивший бой полутяжеловесов, пять раз останавливал схватку; пять нокдаунов за полтора раунда!

— Я же тебя просил: не дерись! — едва сдерживая досаду, говорил после гонга угрюмо отмалчивавшемуся Каратаеву его тренер Джероян. — Мог бы запросто выиграть.

Джероян, конечно, был прав. Каратаев как боксер обладал значительно большим опытом и зрелостью, чем его

двадцатилетний соперник, недавний юниор Анфимов. Но встречный бой с его лобовым прямолинейным натиском уравнивает мастерство, выдвигая не столько опыт, сколько случайное стечение обстоятельств. Нельзя сказать, что Анфимов был лучше. Он пропустил не меньше сильных ударов; ему просто повезло: после одинакового количества нокдаунов — 2:2 — кто-то должен был первым пересечь запретный рубеж. Этим неудачником и стал Каратаев. При трех нокдаунах рефери обязан прекратить бой.

Тарасенков оказался на полу при схожей ситуации. Весь первый раунд он лез на рожон, пренебрегая защитой и осыпая соперника градом ударов. Рискиев, его противник, отвечал тем же. И в конце раунда Тарасенков нарвался на мощный кросс, который и послал его на брезент.

Но если Каратаев и Тарасенков могли привести хоть какое-то оправдание: оба, будучи темповиками и обладая большой физической выносливостью, работали в общем-то близко к своей манере, то у Юоцявичуса, ввяжись он в рубку, не осталось бы даже и такого утешения.

— Не волнуйся, — сказал он мне перед боем.

А через минуту Дан Позняк уже махал перед его носом ладонью: нокдаун.

Правда, виной на сей раз была не забывчивость Юозаса, а одна из тех ошибок, которых время от времени не в состоянии избежать ни один, пусть даже первоклассный боксер. Бой есть бой, и от перчатки противника никто не застрахован.

— Чудно он меня как-то зацепил. Бил я, а попало мне, — сказал Юозас в перерыве.

— Случайность?.. А вообще не зевай, в одной восьмой и четвертьфиналах всегда много «темных лошадок».

Поляновского, боксера из общества «Труд», я на ринге до этого не видел. В общем-то, ничего особенного, но с этим правым прямым у него неплохо получилось. Учуял как-то, что финт, и вместо того чтобы закрыться, врезал со свободной руки сам. Хотя, конечно, рискованно: Юозас и ногу переменил — попробуй угадай, ложный это выпад или настоящий удар. Но дальше игра опять пошла в одни ворота. Юозас выиграл бой чисто, с большим преимуществом.

В финале он встретился с Панкратовым из «Трудовых резервов», который перед тем выиграл у Рискиева. Панкратов буквально из кожи лез, чтобы переломить бой и вынудить противника пойти на обмен ударами, но Юоцявичус все время был начеку. Его правая действовала безотказно, а работа ног была выше всяких похвал. Когда Панкратов кидался в очередную атаку,

он либо натыкался на перчатку, либо перед ним оказывалась пустота. Кулаки его рассекали воздух, не доставая цели, а когда он переставал, перчатка Юозаса неумолимо настигала его, и боковые судьи записывали все новые и новые очки. И так весь бой, раунд за раундом.

Знаменитый в прошлом боксер Валерий Попенченко, который тоже работал в весе семьдесят пять килограммов и потому с особым пристрастием следил за всем, что происходило в этой весовой категории, оценивая финальный бой, отозвался коротко, но исчерпывающе. «Лично я ценю в боксе в первую очередь умение контратаковать, — писал он в газете «Советский спорт». — И это качество приятно отличает и выделяет среди остальных Юоцявичуса. На мой взгляд, он сегодня наш лучший тактик. Он умеет превосходно использовать собственные достоинства и навязывать партнеру удобные для себя темп и дистанцию. Панкратов тоже хороший боксер, он сделал все, что мог, чтобы перевести бой на ближнюю дистанцию. Но в отличие от Юоцявичуса он начинал свои комбинации с попытки ударить, а надо, чтобы удар был завершением, венцом комбинации».

Трудно к этому что-либо добавить. Разве лишь одно: ближний бой, которого столь искусно научился избегать Юоцявичус, сам по себе не является чем-то нежелательным в боксе; он такая же составная его часть, как бой на средней и дальней дистанциях. Сам Попенченко, кстати, блестяще владел искусством ближнего боя. Просто Юоцявичус, как уже говорилось, не был для него создан. И изменить тут никто ничего не в состоянии. Каждому свое.

Главное, уметь трезво оценивать свои силы и свои слабости. То, чего не дано добиться одним путем, можно завоевать иначе. Не надо только изменять себе, стараться насиловать природу. Победа одна, но путей к ней множество. И Юоцявичус лишний раз доказал это в Казани. Вторая золотая медаль чемпиона открыла ему дорогу в Мадрид. Он в те дни, бесспорно, был лучшим боксером страны в своем весе.

Настал час доказать, что он может стать лучшим в Европе…

* * *

Мадрид. 21 июня 1971 года. Поздний вечер.

Звучит гонг, и стрелки на световых часах Мадридского Дворца спорта начинают отсчитывать секунды последнего, третьего раунда финального боя XIX первенства Европы. Пусть победит сильнейший…

Нэстак, как распрямившаяся пружина, стремительно бросается в атаку. Юоцявичус точными, выверенными до миллиметра движениями уходит от ударов и тотчас отвечает прямыми в голову: раз-два! Так называется в боксе короткая двухударная серия. Она проста и доступна любому боксеру, но все зависит от исполнения… А оно великолепно. Оба удара прошли, и прошли так чисто, что чище, пожалуй, уже нельзя. Теперь атакует Юозас; схватка завязывается в центре ринга, идет борьба за инициативу…

Восемь золотых медалей уже разыграно. У нас пока одна — в первом среднем весе. Все ли я сделал для того, чтобы мой ученик добыл еще одну золотую медаль? Я знаю, что не раз уже задавал себе этот вопрос, я знаю и ответ на него, но все-таки вновь и вновь спрашиваю себя о том же самом. Спрашиваю и сверяю ответ с тем, что происходит на ринге.

Юоцявичус выглядит свежим, он сумел оправиться после нокдауна. Зрители сейчас явно на его стороне и не скупятся на выражение своих симпатий: каждый его точный удар, каждая точная защита вызывает лавину аплодисментов. Румын по-прежнему агрессивен и не щадит ни энергии, ни сил. Его короткие мощные руки, казалось, не знают усталости, но я знаю, что так будет не всегда. Я знаю, что он скоро выдохнется. Я вижу это по движениям его ног: они устают быстрее… Но пока еще рано, пока еще у Нэстака достаточно сил.

Вот он взрывается в очередной атаке. Работает боковыми, но слишком размашисто, слишком откровенен замах… Это тоже признак усталости, один из первых намеков на нее. Нэстак пытается пройти в ближний бой; его хуки резки и опасны, но пока они идут в плечи и перчатки… А вот этим боковым левой он мог бы закончить бой! Мог бы… Но Юозас его ждал, этот сокрушительный боковой; молниеносный уклон в сторону и тут же встречный прямой слева.

Румын грохнулся на брезент.

А трибуны поднимаются на ноги; там поняли: исход поединка теперь предрешен. Юоцявичус не захотел ждать, когда противник выдохнется; он резонно решил, что настала пора ему в этом помочь. Если Нэстак и встанет, прыти в нем все равно поубавится…

Нэстак встал.

Это было непросто. Но на европейском ринге слабаки в финал не выходят. Румын встал почти сразу же, но боя вести не мог, и рефери считал ему до восьми.

Странно, но тем не менее факт: Юозас к концу боя выглядит обычно лучше, чем вначале. Будто и в самом деле его надо

подстегнуть хорошей, как говорят боксеры, плюхой. Если так, то он ее получил. Еще во втором раунде. А сейчас, в третьем, сумел отквитать, и отквитать, прямо надо сказать, неплохо.

Теперь игра начинает идти в одни ворота. При том темпе, в котором сейчас ведет бой Юозас, заметна даже незначительная потеря в быстроте. А Нэстак стал явно медлительнее. У него, пожалуй, остался единственный шанс — поймать на удар. Но вряд ли ему это удастся… Вряд ли!..

Когда рефери поднимает вверх руку нового чемпиона Европы, зал взрывается долго незатихающей овацией. Юозас поднимает вторую перчатку, отвечает на приветствие и идет в свой угол.

— С победой! — говорю я ему. — С твоей самой большой победой!

— Нет! — говорит он мне. — Нет. Это твоя и моя победа. Это наша победа.

Я киваю в ответ головой. Он прав: победа никогда не принадлежит одному; победу делают вместе.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Меня спрашивали о многом; спрашивали, разумеется, и об этом:

— Какой бой в вашей жизни был самым главным?

Я не знаю какой. Точнее, не знал.

Сначала был первый бой. Бой мальчишки с чемпионом Литвы Богданавичусом. Кто из боксеров не помнит своего первого боя? Когда-то мне казалось, что он и есть самый главный. Ведь нередко случается и так, что первый бой становится и последним. Со мной так не произошло. В первом своем бою мне удалось одержать победу прежде всего над самим собой: я понял, что хочу стать боксером.

Был бой, когда я впервые встретился с Королевыи. Он тоже был для меня главным: мне стало ясно, что я не только хочу, но и могу чего-то добиться на ринге.

Был бой, который сделал меня чемпионом. Он принес мне первую золотую медаль и ощущение того, что в ней изрядно недостает веса: ведь мне удалось завоевать ее в отсутствие основного соперника. И все же это была первая моя золотая медаль, и потому бой, в котором я ее добыл, не мог не показаться мне тогда главным.

Нет, я не стану перечислять их все — мои главные бои. Не стану повторять, чем дорог каждый из них; все они были главными когда-то — теперь они только вехи пройденного пути. Сейчас я это хорошо понимаю.

Мой главный бой начался четверть века назад и так до сей поры и не закончился; мой главный бой — это вся моя жизнь. И я глубоко благодарен самому спорту и людям в нем, сделавшим меня своим коллегой, я глубоко благодарен Ленинскому комсомолу — главному идейному организатору и вдохновителю советского спорта за всю более чем полувековую его историю, комсомолу, которому я обязан и как спортсмен и как автор этой книги, выходящей в главном комсомольском издательстве страны.

Всякий раз, когда звучит гонг и на ринг выходят мои ученики-комсомольцы, я знаю, что мой самый главный бой в жизни все еще продолжается.

Так пусть он чаще звучит, призывающий к схваткам гонг, пусть вновь и вновь поднимаются на ринг все новые и новые бойцы. И пусть победит сильнейший! А вместе с ним пусть всякий раз побеждает и сам бокс — этот мужественный и бесценный в наш век вид спорта.